

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

РЕГИОНАЛЬНЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
"ТЮМЕНЬЭТНОС"

**ЯМАЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ:
ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА**
(Материалы экспертного опроса)

Под редакцией В.И.Бакштановского

Тюмень 1991

Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза. Материалы экспертного опроса. Под ред. В.И.Бакштановского / АН СССР. Сибирское отделение. Тюменский научный центр; Благотворительный фонд "Тюменьэтнос". - Тюмень, 1991.

Сборник содержит материалы экспертного опроса, проведенного в рамках проектов "Этика развития Севера" и "Гуманитарная экспертиза конфликтных ситуаций нового освоения". Вслед за опросами экспертов "Самотлорский практикум - 2", "Освоение без отчуждения", "Арктическая политика: человеческое измерение" здесь продолжено исследование ситуаций морального выбора в арктической политике с позиций этической (гуманитарной) конфликтологии.

Участники опроса - исследователи, представляющие многообразие научных дисциплин, связанных с освоением Севера, деятели культуры, журналисты, политики.

Сохранена авторская редакция, ряд заголовков дан ответственным редактором.

Обложка - художник М.М.Гардубей.

Издание осуществлено при содействии Штаба ЦК ВЛКСМ Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса.

© Тюменский научный центр СО АН СССР, 1991

АНКЕТА

Уважаемый эксперт!

Приглашаем Вас стать участником нового опроса из общего цикла гуманитарных экспертиз по теме: "Освоение без отчуждения" в рамках проекта "Арктическая аксиология и этика развития Севера" *.

На этот раз предмет нашего опроса - ямальский конфликт, противостояние различных интересов, подходов, ориентаций по вопросу освоения газовых ресурсов Ямала. Вряд ли надо обстоятельно доказывать вполне реальную опасность, которая поставит Ямал в ряд с Аралом и схожими гео-био-этно-социо-ценозными катастрофами. Однако Ямал еще может стать первым среди упрежденных катастроф, отправной точкой в преодолении отчуждения Человека от Природы и от самого себя.

Инициатива гуманитарной экспертизы ямальского конфликта возникает не на пустом месте: различными ведомствами, общественными движениями, исследовательскими коллективами уже проведена серия диагнозов и прогнозов по многим аспектам освоения Ямала. Однако, на наш взгляд, выработанные экспертные заключения не содержат в себе в проявленном виде собственно гуманитарные знания о характере взаимодействия всех сторон, вовлеченных в конфликт. Причины этого - дисциплинарная узость лежащих в основе данных заключений парадигм (техничко-технологическая, экономическая, социальная, экологическая) и ведомственная предназначенность (в том числе и научная ведомственность) экспертиз. Используемые в них парадигмы если и содержат "гуманитарный аспект", то лишь в качестве "человеческого ф а к т о р а".

Может быть, набат предшествующих экспертиз (или, напротив, их убаюкивающие мелодии) конфликтующие стороны не слышат потому, что каждая из них уверена в своей собственной Правде, а частно-научные экспертные заключения ориентируют лишь на победу только одной из них?

Возможно, современная ситуация принятия управленческого решения по стратегии освоения Ямала является и ситуацией морального решения, которому следует предпослать моральный диалог конфликтующих сторон с их "приоритетами", "правдами"?!

Поэтому нам предстоит обсудить вопросы, поиск ответов на которые позволит проявить моральные позиции конфликтующих сторон, аргументы их моральной защиты друг перед другом и общественным мнением; спрогнозировать возможные моральные последствия вариантов освоения Ямала, стоящих за "победой" ценностных приоритетов каждой из сторон в отдельности.

1. Прежде всего, есть ли, и возможно ли общезначимое понимание природы "ямальского конфликта" и позиций вовлеченных в него противостоящих сторон?

Что у всех "на виду", "что очевидно"? Ямальский конфликт - конфликт между "ведомством" и "территорией"; "центром" и "регионом"; коренными жителями и мигрантами; между человеком и природой; поколениями нынешними

---

* Материалы предшествующих экспертиз опубликованы в сб. Самотлорский практикум - 2. - Москва-Тюмень, 1988; Освоение без отчуждения.- Тюмень, 1989; Арктическая политика: человеческое измерение.- Тюмень, 1990.

и будущими... Ямал считают одновременно и государственной энергетической кладовой, и этноэкологическим заповедником, и ресурсами для стабилизации экономики страны, и культурно-исторической уникальностью...

Но не "вчерашние" ли это образы конфликта?! А как он модифицируется "сегодня" и тем более "завтра" - при переходе к рынку, в ситуации настойчиво отстаиваемого суверенитета автономного округа?* Остались ли теми же "природа" и "стороны" конфликта? Обновились?

Ваша версия?

2. Чтобы понять природу ямальского конфликта с точки зрения его "человеческого измерения", попытайтесь представить себя на месте одной из сторон конфликта.

Сначала - на месте тех, кто ведет освоение газовых ресурсов. Возможно, Вы полагаете, что эта "сторона" далеко не монолитна, что среди участников освоения есть различные группы с неодинаковыми ценностными предпочтениями? Оговорите это, уточнив свой условный выбор.

Итак, не является ли для Вас теперь - при этой условной позиции - несомненным, что прекратить добычу газа нельзя? И если "да", то какие действительно серьезные, убедительные и для специалистов, и для общественного мнения ценностные основания аргументов в пользу освоения газовых ресурсов Вы можете привести?

Но вспомним о коренном населении Ямала (кстати, монолитно ли оно в отношении к тем ценностным приоритетам, которые несет с собой процесс интенсивного промышленного освоения?). Примут ли коренные жители, прежде всего малочисленные народы Ямала, эти аргументы и их основания? А если отвергнут, то весь их набор или в чем-то коренное население действительно зависит от продолжения освоения Ямала?

3. Теперь, когда Вы только что попытались встать на позиции и той и другой стороны ямальского конфликта, попробуем оценить каждую из них как бы "со стороны", отстраненно, с точки зрения арбитра.

Выживут ли коренные народности, если "покорители" полностью уйдут с Ямала? Аргументируйте, пожалуйста, свой прогноз независимо от его оптимистичности или пессимистичности.

И, наоборот, какова судьба "покорителей", если в случае их победы Ямал обезлюдует, его природа будет навеки покалечена, и вся планета почувствует это на себе?

4. Выскажите, пожалуйста, свое отношение к следующим трем тезисам, сформулированным в одном из предшествующих опросов экспертов:

а) Ямал должен быть освоен - другого выхода для экономики нет, надо решиться на меньшее зло;

б) меньшего зла в ямальском конфликте не найти: гибель Ямала повлечет за собой зло неисчислимое, а потому продолжению "освоения" нет оправдания;

в) в ямальском конфликте нет "победителей" и "побежденных"; приемлем лишь один выход: сбалансировать интересы сторон.

Развертывая свою аргументацию, выполните, пожалуйста, следующие

---

* Прим.отв.ред.: Уже после рассылки анкеты экспертам сессия окрсовета объявила о создании республики.

условия.

- Для тех, кто выбрал позиции "а" или "б", дополнительный вопрос: как Вы полагаете, какие категории людей поддержат Ваш выбор?

- Для тех, кто предпочел вариант "в", ряд конкретизирующих вопросов.

Во-первых, на основе каких приоритетов можно договориться о балансе интересов в ямальском конфликте?

Во-вторых, в какой точке условной шкалы должен быть, по-вашему, установлен баланс интересов: ближе к интересам "покорителей" или коренных жителей?

В-третьих, если, на Ваш взгляд, реальный выбор предстоит совершить между самими версиями стратегии сбалансированного развития (один из подходов, широко пропагандируемых сегодня), то как Вы оцениваете моральную сторону идеи паритета ценностей, связанных с двумя основными формами природопользования на Ямале - аборигенной или индустриальной?

В-четвертых, какие группы, социальные слои будут противиться "ямальскому консенсусу" и почему?

Завершим нашу анкету двумя вопросами о гуманистических основаниях процесса освоения Севера вообще, о нормах и ценностях этики Севера.

Вот первый из них. В предшествующем опросе экспертами был высказан тезис, что этика Севера уникальна как этноэкологическая этика. Вероятно, здесь имелись в виду особые отношения Этноса с Природой, т.е. традиционного образа жизни, вживающегося в природу, сверххрупкую и сверхсуровую. В противовес выдвигалась позиция универсальности этики вообще и экологической этики в том числе. На этом основании отрицался приоритет субъектов этики Севера перед нравственными позициями освоителей.

Возможен ли, на Ваш взгляд, консенсус между сторонниками двух этих позиций? Если "да", то в чем основания и точки соприкосновения их нравственных позиций?

Второй вопрос таков. Сама идея этики Севера родилась на свет недавно и, вероятно, отражает сложный и многогранный процесс дивергенции экологического сознания в нашей стране. Но что же дальше? Вначале мы отделим этику Севера от этики Юга, затем произведем такую же операцию на более низком региональном уровне и, наконец, логически дойдем до утверждения примата экологической этики "своей деревни"?

Где же предел регионализации, фрагментации экологической этики? Не процесс ли "экологического местничества", известный конфликт "своего" и "чужого", лежит в основе этноэкологического нигилизма "покорителей"? Может быть, это неизбежная моральная ущербность мигранта, "неокочевника", сконцентрированных особенно в зонах самой высокой мобильности населения (таков и тюменский Север)? Не кажется ли Вам в таком случае Судьба Севера безнадежно трагичной, а этноэкологический конфликт на Ямале неразрешимым?

А может быть, шанс на более приемлемый прогноз даст ориентация на нравственные ценности этики Севера, их культивирование?

Вы можете сосредоточить свое мнение на тех вопросах, которые представляются Вам наиболее интересными.

СНОВА - ОБ "АРКТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ"

Отвечая на очередную анкету, я снова хочу вернуться к общей теме "арктических конфликтов", о которых говорил в прошлый раз*. Считаю их основной ямальской проблемы, как бы мы ее ни поворачивали.

И снова хочу повторить, что решение эколого-экономических проблем Арктики находится вне Арктики. В обозримой перспективе нам, видимо, не обойтись без арктических нефти и природного газа. Я могу обосновать это ситуацией в зарубежной Арктике, изучением которой я давно занимаюсь. Уже 10-15 лет на прилегающих к берегам Канады и Аляски шельфах ведется интенсивная разведка залежей углеводородного сырья. Разница заключается в том, что за рубежом крайне осторожно относятся к эксплуатации этих залежей, пытаясь, притом небезуспешно, найти им альтернативы и, между прочим, в Советской Арктике. Примером тому - и конфликт в Персидском заливе; борьба за нефть - одна из основных его причин.

И мне хочется призвать к "политической бережливости" по отношению к арктическим, прежде всего, ямальским, да и шельфовым, нефти и природному газу. Несколько лет назад одна из американских газет, сообщая о гигантских темпах освоения нефтегазовых ресурсов Западной Сибири, восклицала: "Русские воруют у будущего"! Ладно уж "воровать" для себя, но для чужих!?

На предыдущем опросе я говорил о ресурсосбережении как серьезном пути ослабления прессы на арктическую кладовую. Это верно, но в долгосрочной перспективе вряд ли такой рецепт полностью снимет потребность в нефти и газе. Более того, если в целом мы гораздо расточительнее в использовании этих видов топлива, чем, скажем, США, то в некоторых аспектах потребления сильно отстаем от развитых стран. Потребление топлива и электричества в быту, непосредственно населением, у нас в несколько раз ниже. Хотя бы такой пример: насытившись автомобилями, американская публика "бросилась" на самолеты и вертолеты, только на Аляске этих частных машин 8-10 тысяч (это при 500 тысячах жителей). А сколькими электроприборами "напичканы" кухни американцев! Рассчитывать на изменение ценностных, потребительских ориентаций общества, то есть на то, что мы откажемся от автомобилей и самолетов, от кухонных комбайнов (еще до того, кстати, как мы их получим), от путешествий, которые требуют затрат энергии, вряд ли можно.

Значит, нефть и газ Арктики пока что будут нужны. Но умно решить, где их можно брать, а где лучше пока оставить в покое до появления более совершенной технологии, более надежных средств сведения до минимума ущерба природе - вопрос другой. Так примерно и стремятся поступать в США и Канаде.

Кстати, именно так подходила в Ямалу и подошла известная комплексная экспертиза Госкомприрода, Госстроя и Госплана СССР в 1989-1990 гг. И тут, видимо, я нового ничего не скажу.

Более активно в этот раз я хотел бы акцентировать внимание на проблемах коренного населения Севера - ведь наша экспертиза имеет гуманитарный уклон. Разброс мнений о путях решения этих проблем весьма значителен. И это совсем не страшно, если бы не определенный сдвиг суждений, который мне кажется тревожным. Он, этот сдвиг, очень сильно проявился на Съезде

---

* См.: Арктическая политика: человеческое измерение.- Тюмень, 1990, с.9-12.

малочисленных народов Севера, прошедшем в Москве в феврале-марте 1990 года; мне довелось быть его гостем. И в выступлениях, и в решениях на первый план выдвигались тезисы об автономии, о правах на контроль над деятельностью промышленных ведомств, о прекращении разрушения среды обитания, о возрождении этнической и национальной культуры, словом, об отчуждении от "белых людей". Впоследствии эти стремления, эти требования усилились на местах.

Они, конечно, совершенно справедливы. Но менее категорично при этом говорили и говорят о том, что решение проблем народов Севера требует интегрального, интернационалистического подхода, что их нужно рассматривать лишь в контексте процессов освоения территории в целом.

Я снова хочу подкрепить свое мнение зарубежным опытом. Десятилетия развития аборигенов зарубежного Севера показывают, что процесс вовлечения их в новую культуру, новую экономику необратим, но проходит он повсюду весьма болезненно. Если в узко финансово-экономическом смысле наши соседи - северяне живут в целом, может быть, и неплохо, то в широком понимании вопрос о восстановлении и укреплении народов Севера как этноса нельзя считать решенным. Драматизм положения состоит в том, что рост культурных и, значит, материальных и духовных потребностей аборигенов давно уже не может быть обеспечен одними традиционными занятиями. Даже на канадском Севере, еще сравнительно слабо затронутом промышленной деятельностью, в ряде мест до 30-40% коренных жителей в той или иной степени связаны с современной экономикой. Был запланирован цинковый комбинат на северо-западе Аляски, и фирма заранее приняла на себя обязательство привлечь на работу 300 аборигенов. Вместе с тем этническая специфика, относительно невысокий образовательный и профессиональный ценз, нехватка работы ограничивают возможность приобщения к пришлой цивилизации.

В таких условиях администрации северных районов, центральные правительства, да и сами фирмы, вынуждены помогать аборигенам, готовя их к работе на предприятиях, создавая для них особые условия труда, а чаще всего - оказывая прямую (и немалую) финансовую помощь. Даже Гренландия, 80-85% населения которой составляют эскимосы (инуиты), ставшая в 1979 г. первым на зарубежном Севере суверенным государством (правда, в рамках королевства Дании), по существу не может прожить без прямых датских субсидий. В последнее время ежегодно эти субсидии составляют более 2 млрд. крон; сумма очень немалая для менее чем 50 тысяч жителей. Не меньше помощь северным народам со стороны правительств США и Канады.

Нужно сказать, что в связи с этим за рубежом, как и у нас, среди ученых, администраторов и самих северян нет единого мнения о путях развития народов Севера. Разброс суждений очень значителен - от культурной и экономической изоляции до полной интеграции в новую жизнь, полной аккультурации. Но все-таки, по- моему, постепенно начинает доминировать "срединная" позиция.

Думаю, что этого никак не следует забывать. И мне кажется это правомерным явлением: слишком невелик исторический срок, за который аборигены Севера должны были пройти от века каменного в век компьютеров. На одной из конференций по проблемам северных народов в Канаде вождь индейских племен, обращаясь к представителям "белой" администрации, сказав примерно так: "Вы прошли путь от Земли до Луны (дело происходило сразу после американских полетов на Луну) за 1000 лет и хотите, чтобы мы прошли его за 20-40 лет. Помогите нам!"

Взаимопонимание, взаимотерпение, взаимоуважение и взаимопомощь - вот что, очевидно, надо для того, чтобы решить или, по крайней мере, смягчить эти арктические, а в том числе и прежде всего ямальский, конфликты. Казалось бы, простые, элементарные требования человеческого общежития - но как трудно их реализовать! Это мы хорошо видим сегодня в нашем многонациональном государстве.

А.А.Арбатов

В РАМКАХ ЗАКОНА, НА ОСНОВЕ ВЗАИМНОСТИ

Мне представляется, что моральная акцентированность вопросов оставляет впечатление надуманности. Прежде всего, из-за того, что не учитывается факт необходимости перехода (правда, когда это будет нам известно) на законодательные основы во всех сферах нашей жизни. Именно с этих позиций возможно будет отрегулировать и ямальский конфликт. Разумеется, законы должны учитывать волеизъявление коренных жителей, ущерб, наносимый их образу жизни. В соответствии с этим будет формироваться затратная часть такого рода программ освоения, и если она окажется очень велика, то вопрос о ямальском газе, например, отпадет сам собой. Если же цена будет экономически приемлемой для освоителей и, естественно, в рамках закона приемлемой и для местных жителей, то тогда на основе взаимности можно осваивать. Само собой это все не случится: необходимо составлять законы именно с учетом интересов местного населения и с его участием, чтобы это было не так, как сейчас: просто предприятия строят жилье для местного населения, которому предстоит там работать, хотя оно имеет на это право и по закону, по конституции.

Мне кажется еще, что среди этих перечислений - между "чем" и "чем" существует ямальский конфликт - будет отмечен и "между поколениями нынешним и будущим". Когда речь идет о полезных ископаемых, говорить о том, что надо думать о будущих поколениях, считаю неправомерным, т.к. мы не знаем сейчас, на какой материальной основе будут жить эти поколения, и потому использование сегодня минерального сырья и топлива надо регламентировать исключительно соображениями экономическими, экологическими или, как выяснилось, этическими, оставив в стороне заботу о будущих поколениях. Обычно у здоровых родителей рождаются здоровые дети, если мы будем иметь здоровую экономику, если не будем искусственно себя сдерживать (я не призываю к росту добычи, наоборот, призываю к ее сокращению, она неоправданно высока), мы просто будем болеть разными экономическими болезнями, которые отразятся и на будущих поколениях, которым, может быть, эти соковища и не понадобятся.

В анкете написано: "Ямал считается одновременно и государственной энергетической кладовой, и этноэкологическим заповедником, и ресурсом стабилизации экономики, и культурно-исторической уникальностью". Я думаю, что здесь приоритеты должно расставить законодательство. Да, законы сразу хорошими не рождаются: конечно, потребуется определенное время, чтобы они устоялись, но когда законы будут отработаны, они расставят по своим местам, что нам в какой ситуации и в какой временной интервал важнее.

Не вчерашние ли это конфликты? Конфликт, действительно, есть - мы

же конфликтовали. Я, допустим, когда руководил Ямальской экспертизой, по телефону выяснял отношения с заместителем председателя концерна по причине различных интересов. Эти противоречия для нас очень типичны, возможно, во многом чисто советские, так сказать, противоречия: между производственным и социальным аспектами всей нашей жизни. У нас всегда примат производственного аспекта, сейчас его пытаются немного потеснить, поэтому и возникают такого рода противоречия.

Переход к рынку, предполагающий законопослушные отношения всех субъектов, во многом и отрегулирует эти конфликты. Но тут все опять же зависит от того, как будет совершаться этот переход, как все будет развиваться. Тот же самый суверенитет - ведь это же типичная детская болезнь: люди глотнули немножко свободы, не разобрались и, в общем, тут суверенитетом тоже придется или набить шишки, или, может быть, путем диктатуры (что, конечно, нежелательно, но надо) немного охладить головы.

Если объявить сейчас суверенитет, то это может даже подтолкнуть к освоению Ямала, к гибели всего этого природного комплекса и нарушению условий жизни. Это будет, по существу, как Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, - такая же ситуация: население, которому целиком принадлежат природные богатства, немногочисленно, надо сказать, никакой заслуги населения в этих богатствах нет - именно на этом отрезке истории, именно они находятся на этом месте. Во всяком случае, вопрос очень сложный, в этическом плане интересный. Но моральный конфликт тесно связан с ситуацией экономико-политической. Так, например, если автономия остается в федерации, то собственность на недра следует все-таки поделить: между местным населением, которое - раз уж освоение этих полезных ископаемых будет влиять на их образ жизни, - конечно, имеет право на значительную часть этих богатств; между теми, кто установил наличие этих богатств, и теми, кто обеспечивает какие-то определенные условия жизни местному населению. Ведь сейчас коренное население уже вовлечено в процесс освоения и во многом зависит от транспорта, некоторых видов продовольствия, а иногда и от обеспечения безопасности и т.д. Мировой опыт показывает, что собственность на недра чаще всего бывает смешанная, но с большой долей собственности государственной, общей, поскольку затрагиваются интересы государства и государственной политики, и чаще всего более эффективно используются недра при собственности государственной, потому что соблюдается очередность освоения. Если бы Ямал был самостоятельным государством, то, установив запасы газа, стал сразу же их осваивать, но это было бы связано со значительными затратами и с большим экологическим ущербом. А в большом государстве можно соблюсти очередность, начать с тех регионов, где взять газ легче, дешевле, экономически эффективнее: Уренгой, Ямбург, потом вторая очередь, может быть, Ямбурга, затем Ямал, а может, и не Ямал - все будет зависеть от того, в какие мы войдем отношения, в том числе условия рынка и т.д.

Я хочу уточнить начало своего ответа. Организаторы опроса подходят к ямальскому конфликту с моральной стороны, а я вижу моральные проблемы как отраженные попытки создать какие-то законодательные основания для взаимоотношений сторон конфликта. Подход монодисциплинарный всегда с другой точки зрения кажется абсолютизированным. В принципе эту деятельность по гуманитарной экспертизе я одобряю и ценю, потому что даже вот такое опережающее нагнетание этических проблем позволит гораздо легче и лучше создать законы. Без этого акцента этические вопросы могут быть обой-

дены (если ими специально не заниматься), они могут быть упущены при законотворчестве. Если мы сейчас постараемся как можно больше всяких опасностей, в том числе и моральных, предвидеть и обсудить, то тогда и с законами будет не то что проще, может быть и сложнее, но они будут полноценнее.

Л.С.Березин

СЕВЕРНЫЙ КОНФЛИКТ: ПОПЫТКА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Столкновение двух типов культур - традиционной и индустриальной - высеколо очередную искру конфликта, на сей раз - ямальского. Снова мобилизованы все научные силы, разворачиваются генеральные и полевые "штабы" научной экспертизы. И снова, увы, тупики взаимного непонимания участников конфликта. Проблема, таким образом, стагнировала, перешла в режим самовоспроизводства. Создавая новые и усугубляя прежние трудности практического разрешения, она таким негативным способом облегчает поиск своего алгоритма, стандартизированной матрицы подобного рода конфликтов, их природы, субъектов и преследуемых ими целей.

Прежде всего, отмечу, что глубоко заблуждаются те, кто считает ямальский конфликт застывшим, покорно "ждушим" своего разрешения. Строить на этом свою стратегию, рассчитывая на его "консервацию" до получения приемлемого решения, было бы наивно. Нет, конфликт уже разрешается, меняя свою форму, трансформируя субъектов, диспозицию их интересов. К сожалению, его динамика не ведет к взаимопониманию сторон даже в оценке предмета конфликта.

Смена форм конфликта, ее последовательность многое проясняют в распределении интересов включенных в его орбиту сторон. Сегодня он принял отчетливо политическую окраску, трансформировавшись в лозунг политико-экономического суверенитета "газоносной" территории, далеко уйдя от своих первоначально "чистых" предмета и субъектов. На первой стадии конфликта "прения" сторон велись преимущественно вокруг экологических и этносоциальных проблем территории и населяющих ее коренных народов. В этой фазе субъекты конфликта "вели себя" корректно, т.е. адекватно воспроизводили в дискуссии свое видение проблемы, свои имманентные интересы. Столкновение мнений, однако, выявило не просто их несовпадение (это как раз было бы плодотворно, открывая пути достижения какого-либо компромисса), а принципиальную непересекаемость. Стороны по-разному представляют себе объект спора и, следовательно, не имеют предмета дискуссии и соглашения.

Спорная территория для одних (коренного населения) выступает абсолютно замкнутой и самодостаточной средой жизнедеятельности, для других (отраслевого населения) - средой преимущественно производственной деятельности. Для первых - она опосредует исключительно внутренние социальные связи, являясь средством тотальной самоидентификации и самовыражения, для других - внешние, вплоть до глобальных, социальные и экономические связи, выступая средством лишь частичной репрезентации. Но главное несовпадение заключается в том, что коренное население рассматривает территорию преимущественно как "ландшафт", отражая интересы едва ли не присваи-

вающей цивилизации, а отраслевое население - как "недра", находя именно здесь требуемые средства жизни (в данном случае - корпоративно-отраслевой). Объективным ограничителем патриархальной жизни здесь являются недра, индустриальной - ландшафт. Налицо, таким образом, тотальное несовпадение объектной интерпретации уже не территории, но проблемы в целом.

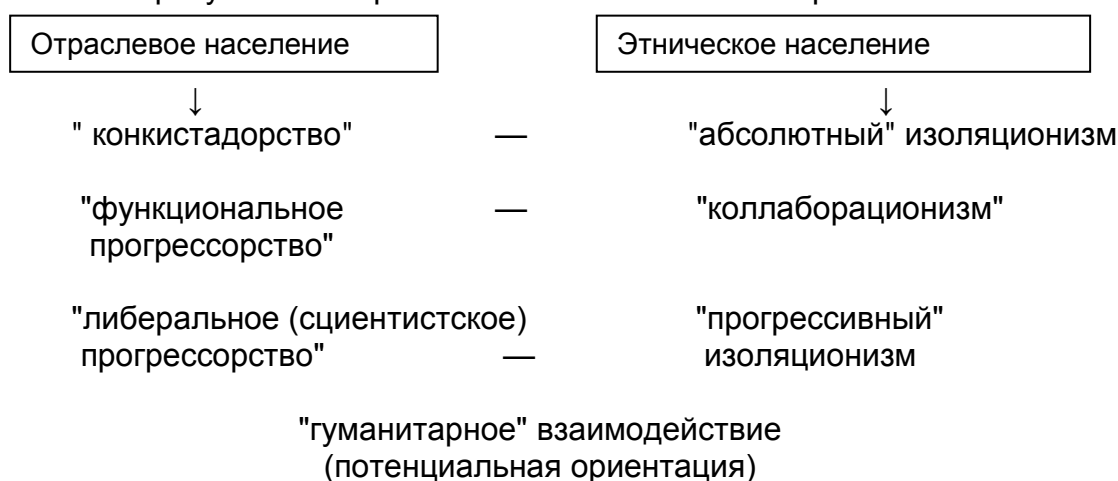
Естественным продолжением данной диспозиции выступает и интерпретация сторонами этносоциального аспекта конфликта. Если коренное население рассматривает его как самодостаточную проблему, то отраслевое население - как атрибутивную. Даже лучшие, гуманитарно ориентированные представители последнего вольно или невольно интерпретируют коренные народы субрегиона как простую часть северной экосистемы, биоценоза, объективно нуждающуюся в защите так же, как арктическая флора и фауна. В восприятии этого аспекта проблемы роли сторон меняются диаметрально: отраслевое население рассматривает коренной этнос как элемент "ландшафта", тогда как последние идентифицируют себя с "недрами", социо-этно-экологическими "корнями" арктического пространства.

Несовпадение объектной интерпретации проблемы, заданное разным дискурсом участвующих в конфликте сторон, "снимает" предметность дискуссии. Позиции сторон не совпадают не только содержательно. Одной из них спор ведется в терминах гуманитарно-бытийственных, восходящих к общечеловеческой проблематике, другой - в технико-политико-экономических, отсылающих к общественно-государственным аспектам проблемы. Условием подлинного столкновения мнений являлось здесь возникновение искусственного языка дискуссии, который, создавая "канал" интеракции, делал, однако, иллюзорным ее предмет. Общим знаменателем дискуссии сторон, ее взаимоприемлемым формальным языком стала, таким образом, демагогия. Внешним выражением этого процесса явилась резкая политизация конфликта. В выступлениях ненецкой интеллигенции стали преобладать термины "административно-командная система", "партийно-ведомственная монополия", "диктат и ответственность центра " и т.д. Подчеркнем, что речь идет не о простом изменении семантики спора, но о новой качественной стадии конфликта, отражающей глубокие изменения в структуре его субъектов и расстановке противоборствующих сил. Дело в том, что политическая терминология для коренных народов неестественна. Ее преобладание отражает здесь не семантический компромисс, но качественное изменение соотношения сил, втянутых в конфликт сторон, когда его отраслевой субъект вынудил оппонента принять свой язык. Промежуточным результатом этого процесса стало совместное выдвижение лозунга "политического суверенитета" автономного округа, целью которого является использование природных богатств территории в интересах исключительно ее населения. Казалось бы, этот лозунг взаимно уравнивает интересы сторон в борьбе с единым внешним "врагом" имперским "грабителем-колонизатором", безразлично, выступает ли им Тюмень, Россия или Союз. Однако не все здесь столь просто. Лозунг "суверенитета" исходит из двух, по крайней мере, посылок:

1) богатство данной территории - это ее недра, "стоимость" которых нужно перераспределить; 2) территория не самодостаточна, но включена в систему глобальных страновых и международных связей. Компромисс состоялся, но на "территории" одной из конфликтующих сторон - отраслевого населения, которое, таким образом, воспроизводит в ограниченных субрегиональных рамках модель своего универсального бытия. В такой форме компромисс может быть

лишь промежуточным, но не конечным результатом разрешения конфликта. Он, однако, отражает существенные изменения в структуре коренного этноса, которая все более приобретает искусственный характер политического расчленения. Неслучайно дискуссии вокруг "суверенитета" выявили три позиции этнических аборигенов: 1) полная поддержка самостоятельности и права собственности округа на землю и недра, 2) полное ее отрицание, 3) пролонгирование лозунга "автономии" вплоть до района. Очевидно, что такой конфликт разрешается, но в иллюзорных формах.

Сложившаяся динамика конфликта обуславливает глубокие изменения в структуре и ориентациях его субъектов. Строго говоря, их всего три: этническое, старожильческое и отраслевое население. Последний субъект, правда, глубоко "эшелонирован" - "от Москвы до самых до окраин". Присутствующих в конфликте ориентаций (как с той, так и с другой стороны) несколько больше, причем они образуют своеобразные взаимосвязанные "пары".

"Конкистадорство" здесь означает прямой техноэкологический колониализм на базе индустриализма и имперско-державной идеологии; "функциональное прогрессорство" - стремление к плоской ассимиляции, адаптации коренного этноса с его бытом, культурой, способами освоения территории к индустриальной цивилизации (отсюда - совхозы вместо общинных форм хозяйствования, программы "вовлечения" коренного населения в промышленную деятельность, внедрение письменной литературы и т.д.); "либеральное (сциентистское) прогрессорство" - "щадящий" режим постепенной ассимиляции коренного этноса и экологизации индустриального природопользования на основе научных рекомендаций и идеологии либерализма.

С противоположной стороны этим ориентациям соответствуют: "абсолютный" изоляционизм, т.е. полное отрицание права на индустриальное освоение территории, возвращение к "чистой" патриархальности, полная автаркия коренного населения и всей "спорной" территории, поскольку они взаимно репрезентируют друг друга; "коллорационизм", связанный с возникновением "элиты" коренного этноса на основе со-участия в распределении власти и ресурсов; "прогрессивный" изоляционизм, т.е. сосуществование в субрегионе различных цивилизаций на основе, с одной стороны, их полной или частичной автономности, а с другой - постепенного "втягивания" коренного этноса в европейскую цивилизацию посредством как стимулирования его естественного развития, так и различных форм патернализма.

Наличие значительного числа ориентаций говорит о расслоении субъек-

тов конфликта, потере ими изначальной "чистоты" и монолитности. В этом - еще одно проявление динамики конфликта, его промежуточный результат. Более того, идет интенсивное взаимопроникновение сторон, прежде всего с точки зрения направленности и способа выражения интересов. Парадоксально, но этот процесс сопровождается ростом их взаимной агрессивности и непримиримости. Удивить, однако, это может лишь на первый взгляд. Дело в том, что традиционная культура играет, пользуясь языком генетики, роль рецессивного признака сложившейся субрегиональной социальной среды, тогда как индустриальная цивилизация - роль доминантного признака, обладая значительно большим потенциалом ассимиляции, "заражения". Ее интенция, способ организации социального пространства, главными чертами которых являются монополизм и тоталитарность, воспроизводятся ею не только в себе, но и в своем антагонисте. Тоталитаризм мышления и действий, т.е. нетерпимость и агрессия, стремление к доминированию вплоть до "полной победы" теперь, в результате взаимопроникновения субъектов конфликта, в равной мере присущи обеим его сторонам. То, что представители коренного этноса являются "новичками" в политике, этой неестественной для них организации и репрезентации интересов, "благородство помыслов и целей" создают для тоталитаризма в их среде, может быть, даже более прочную нравственную и идеологическую основу.

Внимательный читатель, видимо, отметит, что, рассуждая о распределении сформировавшихся в конфликте ориентаций, мы говорим лишь о двух его субъектах. Причина, однако, не в том, что третий из них - старожильческое население - выпал из поля нашего внимания. Отсутствие видимых путей разрешения конфликта и связанный с этим рост взаимной агрессивности сторон превращают его в поистине "третьего лишнего". Старожильческое население отнюдь не играет при этом роль "молчаливого большинства", однако его голос "растворяется" в дискуссии, не имеет специфического "тембра". Принадлежащие к этой группе индивиды могут "сражаться" по обе стороны "баррикады". Причина этого отнюдь не в их конформизме, а в том, что данная группа естественным образом играет роль центра в расстановке участвующих в конфликте политических сил, соединяя в себе черты и интересы крайних сторон. С одной стороны, так же, как этническое население, она, будучи постоянным населением, ориентирована на сохранение чистоты природных условий жизни в субрегионе, ограничение appetitов отраслевой элиты, стремящейся вытеснить старожилы из системы политико-административного управления. С другой стороны, она традиционно выступала орудием и авангардом европейской экспансии в субрегионе; кроме того, внутренняя дисциплина иерархически организованной политической системы вынуждает их - в основном государственных чиновников и служащих - выполнять предначертания центральной власти, овеществленные в планах освоения недр субрегиона и выделяемых на эти цели капиталовложениях.

Объективно центристское изложение старожильческого населения превращает его в естественного субъекта социально-политического консенсуса, ограждая от присущего другим субъектам конфликта экстремизма и нетерпимости. Неслучайно, что среди старожилы ничтожно мала доля приверженцев идеи окружного суверенитета.

Итак, субъект "ямальского согласия" найден, важно сейчас исследовать комплекс его интересов и ориентаций, чтобы сформировать содержательную основу политического консенсуса в этом арктическом субрегионе.

КОНКИСТАДОР – МИННЕФТЕГАЗ

1. Общезначимое понимание природы "ямальского конфликта" и позиций вовлеченных в него сторон в принципе возможно, потому что на определенном уровне абстракции в данном плане нет никакой разницы между Ямалом, Лапландией, Таймыром, Чукоткой, Аляской, Сев.Канадой, Гренландией и т.д., а на еще более высоком уровне абстракции - также всех северо- и южноамериканских индейцев, аборигенов Африки, коренного населения республик Средней Азии и т.д.

Ямальский конфликт - это конфликт инерционных, имперских традиций конкистадорства с интересами покоренного коренного населения, ставший возможным при росте экологического сознания, с одной стороны, и национального самосознания - с другой. При этом не имеет значения, называется ли империя Римской, Испанской, Британской, Бельгийской, Российской или Советской, называется ли конкистадор Кортесом, Писарро, Ермаком, Хабаровым или Миннефтегазом - логика поведения всюду одна и та же, потому что волки питаются мясом оленей, а не собирают клюкву. В более широком плане - это частица конфликта между зашедшей в тупик современной цивилизацией и объективной необходимостью перехода к альтернативной цивилизации для того, чтобы выжить.

Все остальное ("рынок", "суверенитет" и пр.) - модификации инвариантов.

2. Интересы любой империи (даже разваливающейся, - а в них органично входят и интересы "тех, кто ведет освоение газовых ресурсов") категорически запрещают прекращение эксплуатации завоеванной территории под угрозой уменьшения сиюминутных выгод и соответствующего ослабления потенций государства, начиная с конвертируемой валюты и кончая напряженным положением с энергетическими ресурсами внутри страны. Образно говоря, прекратить добычу ямальского газа - значит, недополучить австрийские сапоги для Вашей жены и "Мальборо" для Вас, а ради этого 99% подданных не пожалеют никакой Ямал. Что может быть убедительнее такой аргументации, которой вполне можно придать и научнообразную форму?

Что касается коренного населения, то тут положение сложное. Как относятся жители не только Ямала к тому, что с ними творят, интересно (да и то абстрактно-академически) только в периоды кризиса и распада империй, а когда Миннефтегаз снова поднимется на ноги, это будет интересно разве лишь "зеленым". Кроме того, политические установки любых жителей, а уж ямальских тем более, многообразно-аморфны, ими можно манипулировать, как вздумается. Конечно, часть жителей выскажется за консервацию и даже за форсированное возвращение к временам предков. Но когда жителям разъяснят (и подкрепят разъясняемое конкретной практикой), что экологически чистый Ямал в современных условиях - это, прежде всего, Ямал без спирта, без муки и круп, без промтоваров и пр., то сами жители побьют камнями (если в тундре найдут камни) любого нового экологического Мессию.

3. Вероятность выживания народностей Ямала, если уйдут конкистадоры, очень мала, но не равна нулю. Автохтоны уже приобщились к цивилизации, потеряли прежнюю "автономную плавучесть", которую вырабатывали тысячами, и, безусловно, будут рваться к ларькам со спиртом, прод - и промто-

варами, от которых их можно отгородить только колючей проволокой, вертухаями и отнюдь не ездовыми собаками, но это мы уже проходили. Конечно, всегда остается шанс, что найдется вождь или группа лидеров, которая увлечет свой народ и ценой тяжких лишений вернет на пути пращуров (уцелеют и вернуться немногие). Но такой "закрытый эксперимент" просто бесчеловечен, это - полпотовщина.

Что касается "покорителей", то их судьба, независимо от того, обезлюдит ли Ямал или нет - это им в высшей степени безразлично - ужасна, ибо "планета почувствует это на себе" всего через несколько десятилетий, если не будет поворота к решению глобальных проблем.

4. Ближе к оптимуму представляется вариант "в", но с оговоркой, что сбалансировать надо не интересы сторон, а разбалансированное состояние региона по комплексу субглобальных балансов (топливно-энергетического, материально-сырьевого, продовольственного, экологического, демографического и т.д. - всего более двадцати). Кстати, это относится и к планете в целом. С этой точки зрения первоприоритетной (вершинной в дереве целей, проблем, решений) является проблема восстановления, так сказать, гомеостаза региона, без возврата к прошлому и продолжения наблюдаемых тенденций, на качественно новой основе. Этот оптимум в создавшейся обстановке все же ближе к интересам коренных жителей, но не полностью совпадает с ними, если понимать их как "рывок назад, к старому" - Конечно, "паритет ценностей", аборигенных и индустриальных, внешне привлекателен, ничего аморального в нем не просматривается, но нельзя забывать, что, если будет подорван вышеупомянутый "квазигомеостаз" (а он, помимо чистоты окружающей среды, включает водку, прод- и промтовары для коренных и некоренных жителей), все остальное останется игрой в слова, а вот это уже - аморально. Что касается слоев, которые будут противиться "ямальскому консенсусу", то тут, как в нашей "перестройке", на словах все будут "за", а на деле - "против", до саботажа включительно, потому что "консенсус" лишает действительных "хозяев тундры" их сатрапского положения, работяг - их длинного рубля, аборигенов - продуктово-водочных дотаций.

5. Этика имеет древообразную структуру: ствол - един для всего человечества, ветви - специфика цивилизаций - культур, листья - специфика регионов, профессий, возрастов, вообще социальных групп. С этой точки зрения вполне может быть этика пожарного или Полярника, но нельзя забывать, что эта система имеет подсистемы и сама является подсистемой надсистемы.

6. Судьбу Севера в принципе можно сделать менее трагичной, а этно-экологический конфликт на Ямале - разрешимым (элементарная задача на оптимум), если поставить ямальскую проблему как сугубо региональную в контекст глобальных проблем современности, памятуя, что однотипных проблем - каждая, правда, со своей спецификой - десятки (включая и зарубежные регионы), а в систему глобально-региональных проблем входят и локальные. Вот почему может быть и "Север", и "Ямал" и даже, образно говоря, "Байдарацкая губа", "Остров Белый" и т.д. - до отдельного стойбища, зимника, полярной экспедиции включительно, со всей спецификой в каждом случае проблем этики, экологии и пр. Думается, и в данном случае системный подход - печка, от которой легче танцевать, не отвлекаясь на побочные вопросы.

ЖИЗНЬ МУДРЕЕ ВСЕХ ТЕОРЕТИКОВ И ВСЕХ ЭКСПЕРТИЗ

1. Да, разумеется, ямальский конфликт - это конфликт между "ведомством" и "территорией", "центром" и "регионом", Человеком и Природой и т.д. и т.п. Наше биполярное мышление привыкло выделять в любом объекте два полюса: инь и ян, анод и катод, север и юг и пр., хотя в действительности объект многополярен. Наверное, на это можно не обращать внимания, когда речь идет о чашке или о табурете, но об этом необходимо помнить, когда речь идет о столь значимых для человеческих судеб явлениях, каким является ямальский конфликт. Чем более сложным, многоуровневым, многоаспектным, внутренне противоречивым будет наше описание ямальского конфликта, тем больше у нас будет шансов помочь его разрешению. Особенно нужно бояться, как мне кажется, все объясняющих стройных и красивых концепций. Ямальский конфликт уникален, и задача состоит не в том, чтобы подогнать его под ту или иную теоретическую схему, а в том, чтобы, основываясь на знании, жизненном опыте и здравом смысле, дать более или менее приемлемое практическое решение.

Все сложившиеся образы конфликта буквально на глазах становятся "вчерашними", и дело даже не в переходе к рынку и не в суверенитете автономного округа. Какие-то качественные изменения интенсивно происходят в самом человеке, изменяя его миропонимание, осознание целей своей деятельности и направления своего развития.

2-4. Можно, конечно, найти аргументы за освоение Ямала и против и потом, так или иначе, идти к достижению баланса интересов и пр., но это, по моему, не совсем верный подход. Существует ряд проблем, к числу которых относится и ямальский конфликт: они столь значимы для всего человечества, что в принципе не должны решаться на уровне кланов, ведомств, отдельных правительств, а только на глобальном уровне, на уровне мирового сообщества. И поэтому разрешению ямальского конфликта может способствовать бурный процесс консолидации человечества, который, очевидно, приведет к развитию действенного надгосударственного уровня решения глобально значимых проблем. Без такой глобальной оценки ямальской ситуации невозможно, как мне кажется, решить - нужно ли освоение и в каких пределах. Кан, Браун и Мартел пишут об избытии энергии (ядерный синтез, биоконверсия, океанотермальная, гелиотермальная энергии и т.д.), которой в настоящее время используются лишь крохи и которой хватит на столетия благоденствия человечества, а в это же самое время дядя Вася говорит, что без ямальского газа рухнет держава.

Но если такой глобальной экспертизы ямальская ситуация не получит, тогда, действительно, необходима хотя бы попытка сбалансирования интересов сторон. Режим согласования, по моему мнению, не должен основываться на каких-либо приоритетах. Полагаясь на ту или иную теорию, мы можем поставить во главу угла интересы или аборигенной жизни, или освоителей. Но, очевидно, мудрее будет не проявлять такой большевистской смелости, а постараться привлечь все заинтересованные силы и на основе паритета интересов и ценностей попытаться найти более или менее приемлемое решение в режиме согласования, учитывающем несколько наиболее общих принципов: а) принцип изначального ("богоданного") равенства всех проявленных в той или

иной ситуации сил; б) принцип миролюбия, миротворчества, стремления к компромиссу, диалогу; в) антисхоластика, ориентация на живое постижение жизни; г) ориентация на наилучшие международные стандарты, отвечающие общечеловеческим идеалам; д) установка на красоту, гармонию, здоровье.

Судя по всему, идеальным решением ямальского конфликта было бы такое решение, при котором всем тенденциям, всем альтернативам дается реальная возможность практически реализоваться, проявить себя на деле (пусть даже и в ограниченных пределах). И здесь участники гуманитарной экспертизы меньше всего должны стремиться "брать на себя ответственность" в запрещении тех или иных тенденций. Жизнь мудрее всех теоретиков и всех экспертиз.

5. Несколько слов относительно этики Севера. Если абсолютизировать так называемый общечеловеческие ценности и полагать, что нравственность вообще не имеет никакой топографии, то вряд ли возможно говорить об этике Севера, речь может идти лишь о состоянии нравственности в северных регионах СССР. Если считать нравственность явлением более сложным, что связано с дистанциями между различными этнокультурными, политическими, религиозными общностями, дистанциями между различными индивидуальными нравственными, поведенческими стратегиями и т.д., то тогда, безусловно, можно и нужно говорить об этике Севера.

Если быть адептом некой "науки этики" (классической, марксистской, ленинской - неважно), определенного философско-моралистического направления, имеющего свой концептуальный аппарат, свой метод, то тогда перед нами стоит задача прикладная - использовать этот метод для познания тех или иных явлений. В этом случае искусность исследователя, очевидно, будет определяться включением в круг анализа все новых и новых объектов, выходом на все более дробные объекты. Так, применительно к этике Севера можно говорить об этике освоения, этике коренных народов Севере, об этике диалога между освоителями и коренными народами, иначе говоря, этике сбалансированного развития. В свою очередь этика освоения может быть еще расчленена на ряд этик на основе понимания процесса освоения в качестве взаимодействия "своего" и "чужого": а) этика первого знакомства (или пионерная поисковая); б) этика интенсивного взаимоперехода "своего" и "чужого"; в) этика стабильных взаимоотношений "своего" и "чужого", сбалансированного развития. В свою очередь этика "первого знакомства" может члениться на этику взаимоотношений со "своим другим" (т.е. этику внутренних отношений освоительных структур с определенными "диссидентскими" тенденциями внутри их) и, скажем, на этику взаимоотношений с формами разной степени непривычности. И так далее.

Если считать, что Север, мораль Севера - такой объект, который должен принести и свой особый метод, то им может стать, пользуясь пока не совсем точными словами, метод этноэкологического понимания морали. На Западе где-то на стыке экологии человека, этнологии, культурной и социальной антропологии возникла этническая экология как самостоятельная научная дисциплина. Она имеет свой круг задач, касающихся отношений между культурой и природой, свои методы. Безусловно, для создания этики Севера работы этноэкологов могут оказаться весьма полезными, но их все-таки интересовали не проблемы морали как таковые, а свой специфический круг проблем. Этноэкологический подход к морали в нашем понимании базируется на понятии дома, ойкоса. Если в геккелевском смысле ойкос - любая среда, то для нас дом - нечто значительно большее - понятие эпическое, мировоззренческое, понятие космическое. Человеку, даже если он постигает жизнь духа, всегда необходимы не-

кие субстратные привязки. Для морали, по нашему мнению, наиболее значимой субстратной привязкой является дом. Любой дом - не просто обиталище, среда обитания. Помимо требования сиюминутной полезности любой субъект хочет от дома некоего функционального совершенства, иначе говоря, - надежности, определенного уровня простоты, долговечности и пр.; хочет от дома удобства, соблюдения каких-то эргономических, что ли, принципов, учета анатомо-психофизиологических факторов; хочет, наконец, от дома красоты в своем собственном понимании. Дом - место обитания определенной семьи, рода, нации. Дом - место конкретного взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Пока речь шла о доме в протестантском, корбюзьенианском, говоря термином Флоренского, омиусианском смысле, т.е. о доме с точки зрения рационализма, "философии плотской". Но дом исторически, на протяжении веков был для людей разных народов чем-то значительно большим, чем обиталище, отвечающее ряду необходимых функционально-дизайнерских требований. Дом был местом встречи Неба и Земли, местом, через которое человек получал свою укорененность в Космосе. И не только для того, чтобы усладить взгляд, появлялся на кровле конек ("знак молчаливый, что путь наш далек"). И не просто для забавы уподоблялся дом Вселенной, красный угол – заре, потолок - небесному своду.

Понятие дома, по нашему мнению, позволяет многое постичь в ямальском конфликте: с одной стороны - отчуждение, бездомность, которые несет с собой интенсивное промышленное освоение, с другой - бездомность коренных народов, у которых разрушили традиционный патриархальный уклад, разрушили их дом-природу Севера; и, наконец, всеобщее желание обрести дом и неумение этот дом воздвигнуть. На Севере кажется, что единственным ответом на поставленный А.И.Солженицыным вопрос о том, чем же квантуется человечество, может быть ответ - домами: реальными, иллюзорными, строящимися, разрушенными; домами типовыми и индивидуальной застройки и т.д. и т.п. (ответ А.И.Солженицына - нациями; западного рационализма и индивидуализма - индивидуальностями, личностями; ответ человека с имперским, геополитическим мышлением - государствами, империями).

Этика Севера может быть нами осознана, переосмыслена в качестве индивидуальной этики. Любая индивидуальная этика строится на пути единства внутреннего мира человека и внешнего мира, а это достигается знанием топографии внутреннего пространства человека, топографии сознания. В мировой культуре существует понятие "мандалы", священного круга, своего рода карты внутреннего пространства, где есть свой Север, Юг, Запад и Восток. Сейчас ряд французских и советских философов в своих исследованиях внутреннего мира человека пользуется понятиями внутренних континентов, внутренних стран и материков. Развитие индивидуальной этики может быть связано с организацией собственной мандалы как карты мира. Иначе говоря, формируя свою индивидуальную этику, человек имеет взаимоотношения со своей внутренней Европой, внутренней Азией, Россией, Севером и т.д. Внутренний Север так же необходим отдельному человеку, как внешний Север необходим планете. "Путь на Север есть путь с закрытыми глазами. Это возврат к опыту потерянности как к единственному ориентиру... Движение на Север есть отказ как от опоры, так и от покровительства. Идущий на Север не боится ночи, потому что в небе Севера отсутствует свет" (Г.Джемаль).

Я - ЗА СОРЕВНОВАНИЕ ДВУХ СТРАТЕГИЙ

1. Общезначимое понимание природы ямальского, как и всякого другого, конфликта возможно, поскольку в них всегда "задействованы" разные тенденции и факторы, в том числе и самого общего порядка - общемирового, общесоюзного, регионального и местного...

Ямал следует воспринимать и как культурно-исторический анклав, в котором производственные отношения сочетают в себе "архаику с модерном, высокие технологии с примитивной социальной инфраструктурой; и как этнически-демографический "полигон", в рамках которого стремления к поддержанию общественного порядка часто выливаются в хаос; и как опаснейшую в экологическом отношении (в силу ее большой соблазнительности для индустриальной цивилизации) сырьевую кладовую, роль которой еще больше возрастает после аннексии Кувейта Ираком... Надо наряду с этим выявлять новые модели ямальского конфликта, обнаруживая новые очаги напряжения и - особенно тщательно! - складывающиеся формы и способы социального, межэтнического, межведомственного, властного (касающегося поведения органов власти) согласия, желания и умения действовать в одном направлении.

Надо, по-моему, прежде всего, чутко следить за состоянием социальной психологии, общественными настроениями людей - влиятельных групп и их лидеров. Теоретики должны научиться квалифицированно картировать общественные настроения, измерять – в идеале и это надо научиться делать! - уровень морального духа региона.

Чтобы ямальский конфликт не заводил всех, задействованных в нем, в тупик, как это случилось со многими другими, не следует допускать "региональной гипервентиляции", т.е. лавинообразного обрушивания всех накопившихся проблем на все население, в особенности на уязвимые в социально-психологическом отношении слои. Гиперпроблематизация общественного сознания опасна не только тем, что люди теряют интерес к жизни, уверенность в себе и т.д., но и тем, что социальные процессы становятся не демократическими, а хаотическими и деструктивными.

Важнее всего, по-моему, правильно понять логику ямальского конфликта, включающую в себя и логику его разрешения или, точнее, понижения его социальной температуры до нормальной, а в острых случаях - до допустимой величины.

Логика этого, как, впрочем, и иного социального конфликта, по-моему, укладывается в схему "конфликтные общественные отношения - социальные проблемы и осознание путей их решения в ближайшей перспективе - новые социальные процессы, направленные на решение наиболее острых проблем способами, оправданными с точки зрения социальной перспективы, - стабилизация общественных отношений на платформе важнейших жизненных ценностей, признание плодотворности общих усилий в случае успеха в региональном развитии и общего отказа, самокритики в связи со сделанными ошибками, предрассудками, глупостью и т.д."

Данная логика толкования социального конфликта, в сравнении с другими направлениями конфликтологии, имеет свои преимущества: природа конфликта толкуется содержательно, проблемно, а не формально, схоластически; вместе с тем есть возможность уйти от субстанциализма и метафизики в пони-

мании природы ("конфликты вечны, человек зол по своей природе"), перейти на "средний уровень" моделирования конфликта, где модель легче операционализируется.

2. Принимая точку зрения коренного жителя Ямала и задаваясь вопросом, "надо ли прекращать добычу газа на Ямале ради спасения природы и нормальной этнической среды", я склонен по-прежнему видеть ту же самую перспективу: не изоляционизм и этническая резервация, с одной стороны, и эколого-технологический тоталитаризм - с другой, а национально-культурное самоопределение населения. Я не могу, прежде всего, согласиться с тем, чтобы судьбу Ямала решал некто в московском, тюменском или же в ханты-мансийском кабинете. Я решительно против этого: это - моя родина, земля моих предков, мое бесценное жизненное наследие, которое я хочу передать своим детям и внукам не в худшем, а в лучшем, чем сейчас, состоянии. Поэтому я категорически требую, и буду идти до конца в отстаивании своего убеждения: судьбу Ямала без меня и за меня никто решать не вправе!

Но в состоянии ли ее решить надлежащим образом я сам? Здесь у меня много сомнений: традиционные наши промыслы, наш образ жизни - с одной стороны, и южные пришельцы с их коверкающими землю и старые обычаи методами, оборудованим - с другой.

Чтобы побороть свои сомнения, я хотел бы посмотреть, как эти проблемы "старо-нового" освоения северных энергетических кладовых решают в других регионах планеты. У них это очень хорошо получается, если судить по газетам и радио. Я хотел бы побывать на Аляске и в Канаде, а также в Объединенных Арабских Эмиратах, чтобы выбрать наиболее подходящий вариант.

Лучше всего поехать туда не с группой охотников, оленеводов ханты или манси, а с газовиками, нефтяниками - общей командой, состоящей из авторитетных людей, представляющих все основные слои населения региона. Так, я думаю, мы быстрее найдем общий язык. Вне Ямала своими сердцами мы скорее услышим его патриотический зов и тем самым создадим жизненное согласие, снимем ту ожесточенность противостояния, которая возникла от неуверенности в себе и завтрашнем дне Ямала.

После возвращения ямальской делегации стоит провести конференции, разъяснительную работу и общим референдумом решать: консервировать ли Ямал или делать его свободной экономической зоной? По многим соображениям этот вариант предпочтительнее.

4. Принимаю позицию "в" - в ямальском конфликте нет "победителей" и "побежденных", приемлем лишь один выход: сбалансировать интересы сторон:

а) судьба Ямала - основа баланса интересов на всех уровнях, ибо она связана с судьбой Севера, региона, страны, планеты;

б) баланс интересов, скорее всего, обнаружится ближе к интересам коренных жителей потому что:

- за нами право исторического первородства на этой земле, даже если оно и оспаривается кем-либо;

- они - коренные, постоянные жители, а не вахтовики, не мигранты;

- они - представители более "слабой", "детской" культуры, за выживание которой основную ответственность несет "взрослая"- российская культура.

в) я - за соревнование двух стратегий природопользования (аборигенной и индустриальной) в культурном обживании Ямала, за соблюдение гуманистического и экологического императивов ("Ямал - для человека, а не человек - для Ямала"; "природа - мать человеку, и он не должен относиться к ней, как к

злой колдунье").

Ямальскому консенсусу будут, думаю, противиться две категории людей - политические и этнические "бешеные" и консерваторы. Но их надо понимать, с ними надо работать, вести диалог. Даже если для сближения позиций потребуются годы, эти годы должны быть порой оживленного и интенсивного диалога. Тогда жизнь подведет всех к пониманию и признанию элементарной истины: "другой земли у нас нет, все мы - ее дети, ее надо любить и беречь".

5. Этика Севера, как и этика Юга, Востока, Запада (и Северо-Запада) уникальна. Парад уникальностей, как и парад суверенитетов, не прихоть, а логически необходимый шаг к выходу из тоталитарного мира в мир демократический. Надо, наконец, в полной мере осознать свои - частные, региональные и т.д. - интересы, чтобы затем, уже на этой многообразной основе, вырабатывать реальный, а не доктринально-репрессивный общий интерес. Быстрее надо бы переходить от первого ко второму: мы слишком задерживаемся на стадии эмпирического самоощущения. Иначе "гипервентиляция" социального сознания погубит последние остатки общественного здоровья.

Из сказанного ясна неадекватность спора абсолютизма и релятивизма в этике применительно к "этике Севера". Абсолютизм ставит вопрос о пределах делимости предмета этического исследования в абстрактно-доктринальной форме. И потоку он не прав. Но он окажется победившим в "ямальском конфликте", как раньше в тюменском, нижевартовском и иных методологических спорах, если релятивизм останется на позициях того же абстрактного доктринерства, не доведет дело до программ, проектов и реального жизненного согласия конфликтующих сторон, до, так сказать, новой ямальской межкультурной общности людей.

М.Г.Ганопольский

ЭТОС ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЭТИКА СЕВЕРА

Всегда были и по-своему ценились люди, способные разжигать конфликты и способные их улаживать. Сейчас же оформляется новая отрасль знания - конфликтология, то есть появились люди, способные исследовать конфликт как таковой.

Предполагает ли анализ конкретного конфликта, в частности Ямальского, обязательное знание конфликтологии? По-видимому, нет. Здесь скорее нужно что-то другое: жизненный опыт, профессиональные склонности, знание ситуации. Последняя может быть дана непосредственно: через участие в конфликте либо через наблюдение за ним, а также в результате постоянного или же спорадического интереса к его развитию. Но возможно и опосредованное знакомство с ситуацией конфликта, например, художественно - публицистическое.

Модель конфликта - вот, по-моему, то звено, которое связывает конфликтологический и привычный способы анализа, побуждает к тем или иным формам сбора и трактовки дополнительных сведений.

Когда же речь идет не столько об анализе конфликта, сколько об экспертизе, тем более гуманитарной, то на первый план выдвигаются не сами методы анализа, а позиция эксперта, его отношение к сторонам конфликта и к собст-

венной деятельности. И одно из самых важных условий - независимость эксперта, его внутренняя свобода. Тем самым актуализируется этос экспертизы как ценностно-мотивационное пространство выбора позиции.

Но что является питательной (поддерживающей) средой существования подобного этоса? В предложенном для экспертизы случае - это нарождающаяся Этика Севера, то есть заключительные вопросы анкеты мне представляются исходными. Это, конечно, не означает, что предложенный организаторами экспертного опроса алгоритм вживания в конфликтную ситуацию не сработает. Скорее всего, наоборот: многих участников опроса данный алгоритм заинтересует и станет для них продуктивным. Но, надеюсь, будут и те, которые согласятся со мной, что исходная парадигма конфликта - нравственная попытаются отыскать ее этическими средствами.

Поэтому я постараюсь более подробно изложить свою версию становления Этики Севера.

Прежде всего, мне кажется практически безнадежным путь конструирования Этики Севера как некоего кодекса, опирающегося на другие нормативные комплексы (технологический, научный, конституционно-правовой). Правда, отдельные элементы этического конструктивизма на определенных этапах становления Этики Севера могут оказаться полезными.

Некоторая перспектива есть, по-моему, у этики приполярных регионов как уникальных природных феноменов. Ростки подобной этики могут содержаться в пафосе покорения и романтике экстремальности, но могут быть обусловлены и трагическим предчувствием надвигающейся экологической катастрофы. Это справедливо большей частью для регионов, освоение которых идет десантным, вахтовым, экспедиционным и прочими нетрадиционными методами. У нас в стране, и в особенности в Тюменской области, стратегической стала линия освоения - обживания. И в этих условиях для людей Север - не только объект деятельности и среда обитания, а и часть их самих. Следовательно, и этика Севера в данном случае - это этика складывающейся в регионе общности, знание о специфической нравственной ситуации и ее эволюции.

Правда, и здесь можно идти двумя путями. Первый путь - этико-географический. В последнее время он получает все более широкое распространение. Появились работы, исследующие не только пространственные девиации, но и ее пространственную сущность. Со стороны этнографии - это, прежде всего, работы И.С.Кона и И.И.Крупника, а со стороны этики - пионерная работа В.Т.Ганжина и его коллег, посвященная страноведческой этике.

Есть и второй путь, который я и попытаюсь отстаивать, - поиск адекватной организационной основы становления региональной (территориальной) общности. Предполагается, что топология нравственных отношений в регионе складывается под воздействием того или иного варианта субординации типовых организационных структур, к числу которых можно отнести организацию материального производства, поселенческую организацию, организацию власти, природную организацию...

Таким образом, этика Севера выявляет нравственную парадигму эволюционирования организационного комплекса, а через нее - нравственный аспект складывающейся в приполярном регионе общности.

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ЯМАЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ

События осени 1990 года на Ямале придают особую остроту нашей экспертизе* и в то же время смещают ряд этноэкологических аспектов в сторону политики.

Провозглашение Ямало-Ненецкой республики окружным Советом (подавляющим большинством голосов) и отклонение этого решения областным Советом (столь же подавляющим большинством) говорят о том, что регион вступил в самую опасную зону своего существования - зону борьбы за суверенитет. Эти противостоящие силы являются тем фактором, который мы не можем не учитывать в нашей экспертизе.

Мы бы не хотели, чтобы "провозглашение суверенитета" связывали с борьбой коренных народов Севера за самоопределение, хотя это и есть на флаге сепаратистов. Декларация о суверенитете, провозглашая в преамбуле заботу об этих народах, фактически законодательно ее никак не подкрепляет. Судьбе коренных народов непосредственно посвящен седьмой пункт Декларации, где под расширением их прав в будущей республике предполагается образование национальных районов и сельсоветов. По нашему мнению, трудно назвать "расширением прав" движение от национальных округов к национальным районам.

В развернувшейся борьбе за суверенитет главная опасность сегодня не в ведомствах, которые хотят выкачать из Ямальского Севера сокровища, а в действиях его самых активных защитников; в политиках, которые готовы сейчас даже Ямальский полуостров объявить отдельной республикой.

Идея суверенитета объединила сегодня политиков из числа коренных национальностей и тех, кого на Аляске называли "чечако" (новичок). Самых яростных сторонников отделения Ямала от России и "присоединения его к ФРГ" мы находим среди людей, менее других проживших на Ямале, но выступающих от имени коренного населения.

На чем же основан сегодняшней союз некоторых национальных лидеров и их принципиальных - по сути - оппонентов? Пришельцы рассчитывают использовать коренные народы как ширму для попыток стать хозяевами газового региона, а ненецким политикам мигранты нужны как голосующее большинство. Распадись их союз, и все сразу исчезнет: и "нравственная основа - забота о северянах", и материальная возможность получить необходимое большинство в местном парламенте. Напомним, что в середине 50-х годов в округе насчитывалось лишь 62 тыс. населения, а по последней переписи - около полумиллиона, причем большинство приехало на Север в последние 10-15 лет.

Допустим, отделится полуостров от округа, области и даже от страны, станет президентом Ямальской республики представитель ненецкого народа, членами кабинета министров - ненцы, ханты, селькупы. Возникнет вопрос: а что им делать дальше? Какое место у них займут заботы о собственном народе? Однозначно - не первое. Добившись свершения своих политических чаяний,

---

* Замечание к термину "экспертиза". Проведение данной экспертизы не вызывает большого оптимизма, потому что, как правило, подобные исследования по Северу остаются на бумаге.

они объективно будут вынуждены торговать тем, что в недрах полуострова, на-нимать тех же самых "покорителей", но только уже за собственные деньги. И тогда жемчужина Севера - Ямал будет разграблен стремительно, потому что для новых пришельцев он будет во всех смыслах - чужая земля. Объективно встанут проблемы экономики, развития газовых промыслов, геологоразведки, строительства, дорог, транспорта, глубокой переработки углеводородов. Правда, нам отвечают: мы заключим договоры, и сами американцы-канадцы будут работать на нас, как это делается на Аляске и в Канаде. Но где сила, механизм, Закон, которые заставят "наемников" работать в требуемом этноэкологическом режиме? Интересы эскимосов Аляски, индейцев Канады охраняют мощные государства, но они только теперь принялись за восстановление экологического равновесия (напомним: пыльные бури над канадскими пашнями, ядовитая лужа на месте одного из Великих озер...). Слабосильная республика вряд ли обеспечит соблюдение таких законов. "Мы будем, как Кувейт", - повторяют ямальцы. Но пример Кувейта - это и урок Кувейта. Нет гарантии, что нанятые специалисты не начнут выменивать богатства Севера на "горсть стеклянных бус".

Лидеры ямальских ненцев нередко уверяют, что за ними идет "весь народ". Так ли это? "Правда тундры" (газета Ямальского райсовета) опубликовала письмо Н.Вануйто, депутата из п.Яр-Сале, в котором авторов законопроекта о суверенитете он упрекает в том, что ими движут не столько заботы о народе, сколько личное тщеславие, стремление получить новые пышные должности.

Критически отнеслись к провозглашению республики и представители старожильческого населения, и ветераны освоения, такие, как известные на Ямале геологи В.Подшибякин и В.Цибенко. Чем глубже человек познает Север, тем взвешеннее его решения.

Национальные сепаратисты вправе возразить на сказанное: сама идея суверенитета, овладевшая ныне всеми народами страны, есть итог государственной "заботы" о них. Согласимся, что государственное вмешательство в сферу этнического не должно превышать меру необходимого. Чем менее национально ориентирована государственная политика, тем свободнее этническое развитие самоуправляющихся народов. Участие государства в этнических делах должно заключаться в основном в создании таких законов, которые бы обеспечивали равноправие всех народов, исключая какие-либо этнические приоритеты.

Иное дело, когда речь идет о народах, недавно вышедших из первобытного состояния и относящихся, согласно международной классификации, к "ведущим аборигенный образ жизни". Они не могут обойтись без государственной помощи, которая им необходима в организации заповедников, резерваций, природоохранных зон. Конечно, речь идет не о консервации (как самоцели) традиционного образа жизни и культуры северных народов, а об их защите от разрушающего воздействия индустриальной цивилизации. Заботясь о сохранении хрупкой природной и социокультурной среды, национальная интеллигенция, выходцами из которой являются политические лидеры Ямала, в настоящее время активизировала свои усилия по мобилизации этнического сознания народа. Однако все очевиднее, что эти усилия приобретают сепаратистский характер и могут привести к национальной замкнутости.

Следует отметить, что объективно сепаратизм заложен в действующей Конституции СССР, закрепившей в четырехступенчатой национально - территориальной структуре общества фактическое неравноправие различных этно-

сов. Вряд ли можно рассчитывать на ослабление напряженности этнического самосознания народов пока это конституционное неравенство сохраняется.

Ямальский Север являет собой сегодня клубок всех противоречий, обозначаемых понятием "ямальский конфликт". В нем нам не удалось выявить четкого и однозначного размежевания сторон. Возможны ситуации, когда коренные народы стоят на стороне "ведомства", а мигранты отстаивают интересы "территории". Противостояние "центра" и "региона" тоже не всегда получает традиционную расстановку сил. Более правильно, на наш взгляд, будет сказать, что каждая из сторон прилагает усилия, чтобы тянуть к себе. Стремления к согласию пока не наблюдаются.

Допустим, мы готовы принять сторону коренного населения. Но если судить по высказываниям его лидеров, сегодня они более всего заинтересованы, как мы и предположили, сами участвовать в развитии... газовой промышленности. На наш вопрос три народных депутата-северянина, представляющие союзный, республиканский и районный уровень, дружно ответили, что коренные народы, получив полную власть, суверенитет своей территории, объективно будут вынуждены заняться обеспечением и развитием добычи газа.

Особняком стоит проблема собственно Ямальского полуострова, Ямала. Он не только уникален, богат природным газом. Его географическое положение, достаточная отдаленность от материка вполне позволяют "закрыть" его. Аргументы, что сегодня страна задыхается без ямальского газа, несостоятельны, рассчитаны на не информированных людей. Достаточно посмотреть на карту газовых открытий Севера, чтобы понять: альтернатива освоению Ямала существует. Здесь законсервировано немало месторождений, открытых более 20 лет назад, измеренных и внесенных в государственные реестры. Так, ждет своего часа Заполярное месторождение в Тазовском районе с триллионными запасами газа.

Все предпринимаемые в прежние годы попытки освоения Ямала не только подтверждали ранимость его природы, но и убеждали в том, что спасение Ямала - в особенностях его природы. Все эти годы Ямал пассивно, пусть до саморазрушения, но сопротивлялся освоению. Достаточно вспомнить неосуществленную попытку ещё в 40-е годы построить на Ямале Новый Порт. Физическая слабость, нестойкость ямальских грунтов, если можно так сформулировать, составляли сильнейшую сторону его сопротивления этой территории. Сегодня сопротивление Ямала продолжается. Разрушаются дороги, падают буровые из-за таяния грунтов, сползают в реки здания. Отсутствие на Ямале качественной питьевой воды делает проблематичным само проживание на нем большого количества людей. Можно даже сказать о полуострове, как о человеке: "Ямал не хочет, чтобы его осваивали". Нам остается лишь согласиться с организаторами экспертного опроса: "Продолжению освоения нет оправдания", потому что оно - гибель.

Нам думается, что эту точку зрения поддержат рядовые труженики полуострова - охотники, рыбаки, оленеводы. И сделают они это тем охотнее, чем дальше они от политики, которая в современном мире густо замешана на нефти и газе. Если объявить на полуострове природоохранную зону, такая позиция, по нашему мнению, устроила бы всех. Желаящим вести традиционное хозяйство и привычный образ жизни досталась бы, вероятно, самая большая в мире резервация. А те, кто хотят войти в новую жизнь, смогли бы найти себя на территориях, где добывается сегодня 65% общесоюзного газа и где прекратить добычу его невозможно даже для страны.

Разумным нам представляется разделение функций и ответственности. Необходимо выделить территории приоритетного природопользования, где признать неоспоримое право собственности коренных народов. Они сами будут определять: разрешать на этих территориях добычу газа или нет, сами будут устанавливать величину налога "за истощение и осквернение недр" - за отданную в разработку землю, за газодобычу и прокладку трубопроводов, за дороги и промышленные предприятия. Они сами и распоряжаются полученной налоговой суммой.

При всей самобытности Ямальского региона процессы, происходящие здесь, - не исключительны. В основе их - проблемы малочисленных народов. Этническая ситуация здесь аналогична той, что сложилась, к примеру, в Эстонии, где коренное население боится стать меньшинством в своей республике. На Ямале местное население давно стало таковым. Можно согласиться, что это процесс объективный, но ведь с ним нигде мириться не хотят! Достаточно вспомнить бурную реакцию, какую вызвали в Казахстане слова А.Солженицына в его "Посильных соображениях" о "раздутом Казахстане", созданном на тех территориях, "где кочевые стада проходят раз в год...". Сказать подобное о Ямале - еще проще.

При внешнем различии исторических судеб эстонцев и ненцев их аргументы в защиту своего суверенитета обнаруживают поразительное сходство. Ограничимся одним из них: по мнению национальных идеологов Эстонии, мигрант - человек, как правило, без корней. В поисках лучшей жизни, оказавшись на чужой территории, он пользуется благами, предоставляемыми миграционной политикой государства. Не обладая высокой культурой, мигрант не испытывает потребности и в освоении новой для себя культуры местного населения, что еще более увеличивает дистанцию между ним и коренным жителем.

Правомерно ли накладывать эту схему на этническую картину Севера? Можно ли говорить о более высокой культуре аборигенного населения относительно вновь приехавших? Думается, что, вопреки расхожему представлению об отсталости и примитивизме северян, сегодня именно они являются носителями очень специфической арктической культуры, в освоении которой коренные жители, бесспорно, стоят намного выше приезжих. Главным же достижением этой культуры является расширение исторически обжитой человеком территории за географические пределы, которые, казалось, ограничивали распространение человека как вида. Этот опыт необходим человечеству, необходим, прежде всего, нашей стране, огромные пространства которой расположены в арктической зоне.

Может ли Ямал стать "первым в ряду упрежденных катастроф"? Может. Но ровно столько же у него шансов оказаться первым в ряду больших катастроф в результате совокупного действия промышленного строительства и интенсивной газодобычи, ядерных испытаний на Новой Земле и национальных столкновений.

Не последнее место в "зоне риска", в которой оказался Ямал, занимают и политические амбиции его настойчивых, к сожалению, еще мало квалифицированных лидеров. И сегодня, когда областной Совет отклонил их притязания на суверенитет, некоторые лидеры Ямала заявляют о своей готовности "бороться до конца". Хотелось бы уточнить: до конца чего? До последнего кубометра газа в недрах? До последнего ненца на полуострова? Или - до конца самого полуострова?

... НЕОБХОДИМО ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОБЩЕСТВЕННОСТИ

1. Мне представляется, что сутью ямальского конфликта является противостояние человека и природы. В этом общем определении можно выделить две стороны: противостояние пришлого населения и природы в целом, а также противостояние пришлого и коренного населения, жившего в согласии со средой своего обитания и тем самым являющегося частью природы. Эти коллизии приобретают различные внешние формы в зависимости от точки подхода: для политика это - конфликт "центра" и "региона", для экономиста - "ведомства" и "территории" и т.д. и т.п.

Думаю, что никаких принципиальных изменений глубинная, философская суть ямальского конфликта не претерпит еще длительное время, на нее никакого воздействия не окажет переход к рынку. Противостояние человека и природы началось не сегодня, а ныне приобрело глобальный характер. Ямал стоит несколько особняком, потому что, во-первых, его природная среда до самого последнего времени не была затронута активной хозяйственной деятельностью, и, во-вторых, природа этих мест, равно как и культура коренных народов, сверхчувствительны к внешнему вмешательству. Кроме того, Ямал "созрел" для нефте- и газодобытчиков к концу 80-х годов, когда общественное мнение страны явно "позеленело" и не может допустить повторения экологических трагедий.

2. Среди участников освоения Ямала, как мне представляется, можно выделить три группы людей с различными ценностными основаниями. Первая группа - это люди, совершенно лишенные их, кроме сугубо меркантильных (повышенная зарплата)... Они готовы к освоению Ямала любой ценой. Эту группу представляют в основном рабочие, ее можно условно назвать "рвачи". Вторая группа - специалисты, убежденные в том, что держава нуждается в Ямальском газе. Именно "благо Родины" - наиболее серьезное моральное обоснование ямальского проекта как для себя, так и для общественного мнения. Большинство этой группы - средний и высший инженерно-технический персонал, их можно назвать "технократы". Часть высших руководителей, в том числе сидящих в Москве, имеет ведомственный (новые объемы работ, капиталовложения) и, возможно, карьерный интерес. В нашей политической истории немало таких деятелей взшло наверх благодаря "стройкам века". Эта группа - "политиков".

Что касается коренного населения, то оно, к сожалению, неоднородно по отношению к грядущему освоению. Десятилетия люмпенизации и уничтожения традиционного образа жизни сформировали значительные группы (боюсь, что преобладающие в численном отношении), для которых судьба Ямала не имеет никакого значения. Эти люди просто не могут подняться выше самого что ни на есть обыденного, сиюминутного сознания. Даже если среди этой группы коренных жителей появятся признаки сомнения в целесообразности освоения, они быстро "снимаются" мизерными материальными подачками, обыкновением давлением якобы "государственной необходимости" на всего боящихся аборигенов. Поэтому "аргументы" газодобытчиков будут приняты, возможно, даже большинством коренного населения.

Именно поэтому мне представляется неправильной позиция тех, кто считает, что "глас народа - глас божий". Необходимо активное участие, более того - вмешательство прогрессивной научной общественности в ямальский кон-

фликт, тем более что он имеет не только региональный, но и глобальный характер.

3. Думаю, что если "покорители" полностью уйдут с Ямала, то у коренного населения появится возможность жить по-человечески. Но для того, чтобы эта возможность стала реальностью, необходимо не просто оставить ненцев в покое, но действительно помочь им со всем возможным тактом и уважением, иначе им угрожает полное вырождение и исчезновение.

Если "покорители" сделают все-таки свое дело, то их судьба как людей на Ямале временных будет затронута лишь в том случае, если ямальская эпопея будет иметь глобальные последствия.

4. Несмотря на то, что я не отношу себя к "зеленым", мне предпочтительней позиция "б". Моя аргументация как экономиста достаточно проста: при интенсивном ведении экономики ямальский газ не нужен вообще, а его освоение сейчас лишь затянет агонию экстенсивной экономики. Думаю, что такую точку зрения поддержат трезво мыслящие специалисты (экономисты, социологи, философы), а также значительная часть коренного населения Ямала.

* * *

Я не являюсь сторонником выделения особой этики Севера. Это словосочетание используется сейчас (и должно использоваться еще некоторое время) в чисто тактических целях - для привлечения внимания к этому наиболее уязвимому и в то же время все еще относительно нетронутому району СССР. В целом же везде - и на Севере, и на Юге - отношение к территории, к природе требует опоры на определенные, во многом единые этические ценности. Поэтому ни до какой экологической этики "своей деревни" доходить не должно.

О.А.Донских

"НЕДОКУЛЬТУРА" ОСВОЕНИЯ

1. Первый момент, который хотелось бы оговорить, связан с пониманием общей природы того, что можно обозначить как "моральный" конфликт. Я полагаю, что морального конфликта между "сторонами" быть не может, поскольку (и это справедливо отмечено в анкете) "сторона" - это всегда нечто неоднородное. У каждого человека есть свои мотивы: и он, безусловно, находит оправдание своему поведению, вот это оправдание и носит моральный характер. Я хочу сказать, что понятие морального конфликта относится строго к отдельной личности, и переносить его на социальные группы бессмысленно: как только подобный перенос осуществляется, моральные категории "приклеиваются" к классам, ведомствам и т.п., а это сразу "окрашивает" людей, независимо от их внутреннего состояния, в определенные "нравственные" цвета. Так, рабочий заведомо оказывается моральнее фабриканта, а простой обыватель - нравственнее и чище чиновника. Говоря же теперь о предмете экспертизы - о конфликте, связанном с безудержным освоением недр Ямала, - необходимо сразу отказаться от соблазна объявить одну сторону моральной, а другую - аморальной. Ситуация гораздо тяжелее.

Разумеется, налицо конфликт нескольких социальных групп: это и государство, персонифицируемое правительственными чиновниками; и местное руководство (тоже, кстати, далеко не однородное, явно распадающееся на не-

сколько групп с существенно разными интересами; их структура требует отдельного анализа, но можно вполне определенно сказать, что у советов и у крупных хозяйственных руководителей цели во многом расходятся и совпадают лишь на определенных направлениях); и не слишком однородная группа "освоителей"; а также различные группы коренного населения - здесь тоже нельзя говорить о полном единстве мнений и интересов. Из данного рассуждения следует вывод о разных основаниях суждений и вытекающей отсюда необходимости четко зафиксировать рефлексивную позицию эксперта. Разумеется, он не свободен от ценностных установок, но в любом случае можно говорить об экспертной оценке только тогда, когда эти установки не совпадают с установками какой-либо из социальных групп. Второй вывод - более существенный в известном смысле - касается употребления слова "моральный": если ситуация закономерно порождает внутренние конфликты, если никто из вовлеченных в нее людей не может отвлечься от нравственных оценок и спокойно жить и работать, ясно, что необходимо эту ситуацию изменить таким образом, чтобы снять моральные стрессы большинства названных групп.

И наконец, вопрос о "вчерашнем" и "завтрашнем" образах конфликта. С моей точки зрения, "вчерашним" и является образ в моральных оценках "сторон". Необходимо переходить к жестким оценкам, опираясь на вечные ценности, такие, как ценность культуры народа (что не выражается ни в каких цифровых значениях), человеческой личности (а "освоитель" вовсе не выступает в подобном качестве ни в своих глазах, ни в глазах тех, кто организует его работу); как ценность Ямала - уникального природного комплекса.

2. Я уже говорил о неоднородности разных социальных групп, поэтому мне довольно сложно ответить на вопрос второй. Но попытаюсь. Если я оказываюсь в положении того, кто непосредственно осваивает природные ресурсы Севера, это еще не значит, что я буду думать о том, что стране нужен газ. Гораздо вероятнее (во всяком случае, для большинства), что я буду думать о собственной судьбе: если я смогу получить приличную работу в приличных условиях, и это не будет уничтожением Ямала, то - ради всего святого! А вопрос: "Можно ли прекратить добычу газа?" - не по адресу. Ведь вполне вероятно, что, осваивая новые технологии, переходя на иной уровень производства, страна сможет обходиться более скромным количеством сырья. Это - вопрос к правительству, Разорительные, бессмысленные масштабы добычи ориентированы на родную социалистическую плановую экономику. Конечно, газ нужен. Но недопустимо решать этот вопрос в экстремальной ситуации, создаваемой ведомственным диктатом - деньги выделены, люди набраны, техника закуплена - надо начинать, чтобы не потерять уже вложенные миллиарды.

Если попытаться стать на точку зрения правительства, то, конечно, основным аргументом интенсивного освоения является тот аргумент, что прекращение (или сокращение) добычи приведет к падению жизненного уровня страны в целом, что возникает серьезная преграда на пути прогресса. Эти аргументы неубедительны, с моей точки зрения, потому что, во-первых, правительство слишком много раз демонстрировало свою вопиющую некомпетентность при решении вопросов, касающихся миллионов людей (и особенно это относится к глобальным проектам преобразования природы, а ямальское освоение - из этой категории проблем); во-вторых, падение жизненного уровня идет сейчас такими темпами, что, даже если вдвойне усилить программу освоения Ямала, затормозить его невозможно; в-третьих, понятно, что ресурсы ограничены, и сам тип безудержного освоения - примета вчерашнего дня.

И, наконец, попробую встать на точку зрения представителя коренного населения Ямала. Здесь все более или менее однозначно: продолжение индустриального освоения в том виде, как оно шло до сих пор, означает гибель народа как народа, т.к. уничтожается его культура и он превращается в пасынков технической цивилизации. Аргументов, что надо погибать, по-видимому, нет. Сложность заключается в том, что за захватываемые земли "освоители" предлагают известные блага цивилизации - снегоходы, моторные лодки и т.п. (что, кстати, усиливает зависимость - нужно горючее).

3. Я переформулирую вопрос в соответствии с критериями, приведенными ранее в анкете: что произойдет с населением Ямала, если будет уничтожена природа Ямала, стерта с лица Земли самобытная культура, если будут попраны все человеческие права?

Как показывает опыт освоения разных регионов нашей страны, "покорители" уйдут в любом случае, поскольку жить в таких условиях нельзя. Поэтому реальный вопрос - о выживании коренного населения в случае, если освоение прекращается полностью. Я не могу оценить степени уже нанесенного ущерба, и, следовательно, не могу обоснованно говорить о возможностях физического выживания. Вполне допускаю, что процесс уже необратим (тем более, если учесть, какому мощному воздействию подвергаются северные экосистемы с юга, а это деление не снимется в ближайшие годы). Что касается выживания культуры, то, думаю, здесь благополучное разрешение ситуации возможно - культура выживет. Однако необходимо учесть момент принципиальной зависимости традиционной культуры от природы. И если природа не сможет восстановиться (естественно или искусственно), то и культура, по крайней мере, в том виде, как мы ее знаем, исчезнет. Правда, она пластична до определенной степени, и, может быть, сохранится в каких-нибудь иных формах.

4. а). Другого выхода для социалистической (в нашем понимании этого слова) экономики, действительно, нет. Вопрос в другом: нужна ли такая экономика? Я думаю, опыт 70-летнего строительства социализма показал, что нужна иная.

б). Безусловно, продолжению "освоения" оправдания нет. Конечно, возможны аргументы вроде тех, что были в ходу при строительстве целлюлозно-бумажного комбината на Байкале - освоение будет вестись по-новому, с применением новейших технологий, с гораздо большей компенсацией и т.п. Но абсолютно очевидно, что эти аргументы сейчас никого не убедят: только коренная перемена всей экономической системы, действительные правовые и политические гарантии смогут дать новые основания для обсуждения вопроса о ресурсах Ямала.

в). Интересы сторон всегда балансируются в сильную сторону, поэтому постановка вопроса о балансе означает фактически положительный ответ на вопрос о необходимости освоения.

Говоря о категориях людей, которые поддержат сделанный выбор, я должен заметить, что они непостоянны. С ростом самостоятельности мышления, политической зрелости людей, живущих в нашей стране, это количество будет меняться, и я убежден - в сторону увеличения.

* * *

Консенсус возможен только тогда, когда мы говорим о равноправных культурно-нравственных позициях: например, если речь идет о встрече двух естественно выросших культурах. Но в данном случае ситуация иная: с одной

стороны стоит традиционная культура с богатым религиозно-нравственным и житейским опытом, с другой - культура мужчин, приехавших тяжелым трудом заработать большие деньги. Во втором случае речь не может идти о полнокровной культуре в собственном смысле слова. Симбиоз культур возможен лишь в первом случае - и подобных примеров множество. Так что речь идет не о приоритете одной культуры в отношении другой, а о культуре и некоей "недокультуре", если так можно выразиться. Кстати, сам характер освоения вполне этот тезис подтверждает.

Что касается регионализации этики, то я думаю, что любая традиционная этика - вариант общечеловеческой, и здесь нет "регионализации": ведь общечеловеческая этика не существует как абстрактное учение, а реализуется в религиозных и моральных системах разных народов.

Ситуация на Севере трагична, и надежды, по-моему, можно возложить только на коренные изменения в стране в целом. Если они не произойдут, - положение безнадежно.

Н.Д.Зотов

МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, ЧТО Я ПЕРЕСТАЛ СОЧУВСТВОВАТЬ АБОРИГЕНАМ...

Общезначимое понимание чего бы то ни было появляется там, где интерпретация явления осуществляется на уровне общезначимых, или, как их еще называют, общеобязательных, то есть духовных ценностей. Сами эти слова - "ценность", "ценностный" - в текстах, имеющих отношение к философии, обычно употребляют именно в этом смысле. "Ценностный" означает существующий в отношении к ценностям Духа, например, моральным.

Ямальский конфликт конечно же является конфликтом между "ведомством" и "территорией", "центром" и "регионом", коренными жителями и мигрантами и т.д. И это отнюдь не "вчерашние" образы конфликта, хотя они определенным образом и модифицировались (но не сняты радикально, не исчезли) в условиях перехода к рынку. Идея суверенитета, снижавшая популярность у большинства сегодняшних обитателей Ямала, на время смягчила, притушила конфликт между "ведомством" и "территорией", аборигенами и мигрантами. Воодушевленные перспективой обособления и последующего "экономического процветания" путем сепаратной продажи единолично присвоенных ресурсов Ямала конфликтующие стороны ощутили себя союзниками в противостоянии "обирателю" - центру, выступили против него единым фронтом. Но это временный и призрачный союз. Конфликт сторон, притушенный и завуалированный возникшей общей платформой в отстаивании суверенитета, в дальнейшем обострится с новой силой. Своеобразным инвариантом всех измерений конфликта является его моральный аспект. Модификация конфликта соединенно "рвущихся" к суверенитету сторон не облагородила их позиций, но, напротив, усугубила безнравственность одних (ведомство, мигранты) и опасно исказила правду борьбы других (территория, аборигены). В самом деле, ведомство, возжаждавшее суверенитета, ведет себя лукаво. Ясно, что возможность монопольной (вне контроля со стороны центра) продажи Ямалом его природных богатств развязала бы руки именно ведомству, так как замаячившее на горизонте скорое экономическое, материальное благоденствие региона могло бы быть обеспечено в первую очередь "интенсивными усилиями по освое-

нию ресурсов". А какую позицию заняли "территория" и коренное население? Похоже, что соблазн материального достатка, основанного на самостоятельном расходовании сырьевых богатств, вдруг помирил их с губителями края? Или они уж очень наивны и простодушны и не понимают, что в случае обособления "промышленное освоение региона" со всеми вытекающими последствиями продолжится с удвоенной энергией (а иначе - на чем же "процветать")?

Моя версия: суверенитет округа, если он осуществится, будет прямо действовать преобразованию конфликтной ситуации в модус всеобщего аморализма и стремительно ускорит гибель Ямала во всех смыслах.

Может показаться, что я перестал сочувствовать аборигенам и "территории". Нет. А что если они опять (в который раз) обмануты?

Ни один из доступных моему воображению возможных доводов в пользу промышленного освоения Ямала я не могу оправдать с точки зрения ценностного измерения. Аргументировать необходимость освоения Ямала можно только утилитарно. Каких-либо ценностных оснований, оправдывающих освоение, я не вижу. Если бы даже удалось доказать, что промышленное освоение Ямала есть абсолютно необходимое условие экономического спасения страны и сохранения независимости нашего государства от экономических посягательств Западного мира, то и тогда никаких моральных оправданий освоению найти все-таки невозможно. Пришлось бы признать, что и в безвыходной для государства ситуации индустриальное использование полуострова есть, тем не менее, очевидное зло. С точки зрения морали недопустимо экономическое и гражданское спасение целого ценой гибели (пусть не физической, а всего лишь национально-культурной) его малой и беззащитной части, ибо здесь эта "часть существует не так, как существует, допустим, периферийная для организма часть. Спасая организм, человек, например, может при необходимости сам жертвовать частью тела, но как народ, равный любому другому и всем вместе взятым в их священном праве на жизнь.

Никаких и ничьих аргументов в пользу промышленного освоения Ямала коренное население, если оно как народ не поступает своим достоинством, не может, не должно принимать. Не думаю, что в чем бы то ни было благополучие коренного населения, желающего сохраниться в качестве народа, положительным образом зависело от продолжения освоения.

Если бы "покорители" полностью оставили Ямал, то началось бы культурное и нераздельное с ним экономическое возрождение коренных народностей. Вновь восстановилась бы целесообразная для условий Заполярья система факторий и удобная для обеих сторон форма экономического сотрудничества, товарообмена Ямальской, Тазовской и Гыданской тундры с "большой землей". Восстановление нормального оленеводства, пушного и рыбного промыслов с использованием достижений современной техники способствовало бы действительному экономическому благополучию коренного населения и региона в целом. А государство заняло бы нравственную позицию разумной помощи существующим на свой лад, по своим культурным образцам малым народам севера, позицию осторожного и умеренного приобщения их к ценностям современной цивилизации. Осторожность и умеренность подобают здесь потому, что культурная ассимиляция малых народов была бы тождественна их культурному поглощению и фактическому национально-культурному исчезновению.

"Покорители" в случае их "победы" на Ямале, вычерпав наиболее доступную часть запасов, вероятно, попытаются "скрыться с места преступления",

передислоцироваться на новые территории, чтобы их в свою очередь опустошить и разрушить. А жаль. Было бы, наверное, справедливо остаться им выживать среди ими же созданной бесплодной северной пустыни. Аргумент о "невиновности исполнителей" отклоняю, так как личность морально вменяема и за ее участие в заведомо безнравственном деле ответственна.

Из трех позиций в пункте 4 выбираю альтернативу "б" с некоторой коррекцией формулировки в соответствии со своим видением происходящего. На мой взгляд, нет надобности вести речь о "зле неисчислимом" (хотя оно и будет таковым). Достаточно осознать зло грядущего национально-культурного исчезновения северных народов, чтобы счесть освоение морально недопустимым. Поскольку промышленное освоение региона ввиду повышенной ранимости и хрупкости природы Ямала неминуемо приведет к разрушению ареала, в котором возможно национально-самобытное, культурное и экономическое существование коренного населения, с непреложностью следует вывод о моральной возбранности освоения.

Промышленное освоение и обусловленная им гибель Ямала как природной и национально-культурной исторической уникальности скорее всего совершатся, совершатся под аккомпанемент рассуждений о возможности "сбалансированного развития региона", и в очередной раз содеянное зло впишется мрачной страницей в историю. Мораль не в силах воспрепятствовать этому злу, но она в состоянии сказать по адресу зла, что оно - зло, не прикрывая его "компромиссом", "балансом" (и "компромиссы", и "балансы" разрабатываются вне морали, в сфере собственно экономической и политической). Если, пытаясь "сбалансировать развитие", кто-то найдет, что для экономического спасения страны достаточно освоить половину Ямала или даже треть, пусть даже пожертвовать всего лишь несколькими стойбищами, лишив их родных кочевий, то это не будет в моральном смысле меньшим злом, а будет просто злом. По отношению к жителям этих стойбищ содеянное будет своего рода "затоплением Матеры". А там, где происходит "прощание с Матерой", всегда есть трагедия и всегда виновные в "затоплении" (на всех уровнях ведомства) творят зло, а не добро. Для морали нет разницы в том, какой "ценой" спастись: погубить ли для этого целый народ или сломать судьбу одного человека, "объяснив" ему, что это, мол, надо для дела, для спасения многих (вспомните Достоевского). Пусть всего один человек и даже добровольно (поддавшись на уговоры) жертвует своей "Матерой", от этого зло не перестанет быть злом.

Итак, в моем сегодняшнем представлении о происходящих на Ямале событиях судьба его почти безнадежно трагична, а этно-экологический конфликт, по-видимому, неразрешим.

Т.С.Караченцева

О НЕУМЕСТНОСТИ ГУМАНИТАРНОСТИ В ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Уместно ли гуманитарное мышление в горизонте возможных ответов на вопросы "экспертного опроса"? Может быть, на чей-то взгляд подобного рода уместность очевидна, но моему глазу не удалось различить возможность размещения гуманитарного мышления в структуре вопросов "Гуманитарной экспертизы ямальского конфликта". Оставляя за другими право указать мне на

недостатки зрения, рискну предположить, что сама структура вопросов экспертного опроса - структура, вобравшая внутрь собственного строения судящий жест экспортирования, - экранирует гуманитарность. Экран, отталкивающий гуманитарное мышление, создается простым впечатыванием логики экспертности в формулирование вопросов предлагаемого опроса, коль скоро это вопросы об общезначимом понимании, понятийном расчленении и оценке последствий возможных решений "ямальского конфликта". Сама структура так сформулированных вопросов предписывает любому гипотетическому эксперту позицию отнюдь не гуманитарного понимания, но внешнего наблюдения по отношению к ямальским проблемам (неустранимую никакой техникой психологического вживания); задает границы пространства экспертного высказывания по поводу этих проблем терминами и оппозициями, выработанными социально-политическим и социально-экономическим знанием; наконец, выстраивает всякий возможный ответ в определенной ориентации, подразумевающей существование неявного адресата экспертизы - Некую Управленческую Структуру, Инстанцию Принятия Решений. Структура вопросов "гуманитарной экспертизы" тождественна структуре технократизма, и содержательное обсуждение нравственного измерения "ямальского конфликта" остается внутри технократического пространства мышления, никоим образом не релятивизируя его строения. Нравственное измерение в данном случае - измерение иллюзорное. Более того: в той мере, в какой объективистская логика экспортирования открывает "ямальский конфликт" в нравственном измерении ситуации принятия управленческого решения и вводит в пространство проблемы морального выбора стратегии освоения Ямала, в той же мере эта логика закрывает вопрос о Судьбе Ямала и отсекает возможность выстраивания пространства осмысления этой Судьбы теми, кто к этой Судьбе причастен. Но не выстраивая пространства осмысления Судьбы Ямала, вопросы экспертного опроса тем не менее прописывают его судьбу: коль скоро Ямал - лишь предмет экспертизы и управленческого решения, и как всякий предмет есть предмет преобразования, то есть уничтожения наличности, то Земля Ямала, его Небо, Люди и Боги подлежат уничтожению в той же мере, что и любой предмет преобразования. Прописывая свою версию судьбы Ямала, вопросы гуманитарной экспертизы прописывают неуместность гуманитарности в структуре экспертного мышления.

И.И.Крупник

СОЗДАТЬ ПРЕЦЕДЕНТ ЦИВИЛИЗОВАННОГО РЕШЕНИЯ

1. Мне кажется, что сейчас мы имеем дело с искусственной "драматизацией" ямальского конфликта, причем идущей с обеих сторон. Эмоционально и логически она вполне объяснима: "покорители" при своих вполне прагматических интересах кричат, что без ямальского газа страна погибнет, нас ждет холод и хаос и т.п., а защитники природы и коренного населения (в их числе и я) подчеркивают критическую роль Ямала в сохранении природы и этнокультурного наследия всей Арктики. В обоих случаях это – явное преувеличение. Даже если поставить Ямал в один ряд с крупнейшими экологическими проблемами современности - Аралом, Чернобылем, "озоновой дырой", вырубкой лесов Амазонии, загрязнением Мирового океана, закрытием ядерных полигонов - мы увидим, что имеется, по крайней мере, с десяток проблем такого же или более высокого уровня значимости.

Уникальность ямальского конфликта для советской экономики и для советской стратегии освоения Арктики в том, что он впервые для нас обозначит "пределы роста" с точки зрения экологии и прав коренного населения (я уже говорил об этом ранее). Поэтому лучшее, что можно сделать - "деуникализировать" ямальский опыт, превратить его в нормативный прецедент (а не в героическую победу "сил света" над "силами тьмы"). То есть стороны, в особенности "покорители", просто должны знать, что есть экологические и правовые нормы, которые нельзя нарушить, и что эти нормы как своеобразные правила "техники безопасности", необходимо заведомо включить в следующие проекты уже без всякого конфликта и многочисленных экспертиз.

Конфликты, подобные ямальскому, т.е. между "покорителями" и "защитниками природы и коренного населения", существуют во всех странах, но в разных формах. Давайте считать нынешнюю (последнюю) фазу конфликта самой варварской формой, которая должна уйти в прошлое так же, как строительство железной дороги на насыпи изо льда в этом же регионе 40 лет назад, и ни один человек в здравом уме не будет повторять сегодня это даже под знаменем "чрезвычайных обстоятельств".

2. Мне очень импонирует идея стать на время представителем обеих сторон "ямальского конфликта". Но задача найти при этом почву для согласия мне кажется иллюзорной. Согласия все равно не достигнуть - слишком разные, взаимоисключающие интересы у сторон. Могут быть лишь более культурные, "более цивилизованные" формы контактов и взаимодействия, которые демонстрируют нам подобные прецеденты в районах зарубежной Арктики. Эта "цивилизованность" - не результат их большего взаимопонимания, а большего опыта переговоров и заключения очень детализированных соглашений и, соответственно, практики их соблюдения.

Например, западные компании, ведущие разработку минерального сырья в зарубежной Арктике, знают, что им предстоит иметь дело с земельными собственниками в лице ассоциаций коренного населения. Существуют их юридические представители и адвокаты; развернутые контракты, которые подписывают участники; иски и суды в случае нарушения условий контрактов; обязательства соблюдать условия договоров ради интересов собственного бизнеса; пресса и федеральные власти, которые не связаны с "покорителями", и т.п. В таких условиях нет необходимости вставать одновременно на одну и на другую сторону: каждый просто цивилизованно делает свое дело.

Уверен, что если хотя бы один раз, хотя бы в одном районе Севера "покорители" и власти не обманули коренное население, нынешнее и все дальнейшие подобные противостояния могли опираться на прецедент "цивилизованного" решения. Но ведь пока весь наш опыт - обман, хищничество, невыполненные обещания, насильственные переселения, разграбленные земли, построенные не на тех местах поселки или полное игнорирование коренного населения, где просто нет места "взаимопониманию" сторон.

3. Третий вопрос, как я уже отмечал, сформулирован в искусственно драматизированной форме. Разумеется, народы Ямала "выживут", если покорители отправятся домой или будут делать свое дело, скажем, вокруг Тюмени. И покорители спокойно "выживут", уничтожив Ямал, потому что государственная экономика перевезет их на новое место для того же дела. Так и строители начатой ямальской железной дороги были переведены сюда после завершения работ на БАМе и были бы также перевезены далее на Новую Землю, если бы Государство решило строить там новую дорогу.

Такая постановка вопроса отражает лишь упрощенность, искусственно созданную поляризацию всей нашей социальной системы. В более сложной экономике все вопросы были бы сформулированы по-другому - например, каковы могут быть альтернативные источники доходов общин коренного населения, если они откажутся от отчислений за добычу газа на их территориях? Или: как будут соотноситься доходы от продажи ямальского газа с необходимостью более высоких расходов на охрану территории, экологический мониторинг (что, безусловно, в общенациональных интересах) и на отчисления коренному населению? Или: какова долгосрочная правительственная программа сбережения национальных энергетических ресурсов для будущих поколений? Как только вы введете все эти дополнительные элементы в систему, вся искусственно упрощенная схема ямальского конфликта ("выживем - не выживем") рухнет и продемонстрирует свою несостоятельность.

4. Тот же комментарий применим и к четвертому вопросу. Все эти термины: "неизбежное зло", "победители", "побежденные", "конфликт" и т.п. - отражают уровень нашего подхода. Его классическое отражение - вариант "а", который просто никому не оставляет права выбора под видом альтернативной, а на самом деле - откровенно безальтернативной ситуации (другого выхода нет!). Вариант "б" также безальтернативен, но у него, по крайней мере, действительно нет другой возможности: как можно приветствовать уничтожение Ямала и его коренных жителей?! О "сбалансировании" интересов (вариант "в") я уже сказал - балансируются доходы и расходы (а не интересы!), то есть доходы от освоения для коренного населения и расходы на охрану природы и компенсацию - для "покорителей" (причем из их кармана). И тогда возникает первая линия переговоров. Вторую линию выстраивают уже сами коренные жители, выбирающие среди своих земель участки, доступные для освоения при определенных условиях и отчислениях, и те территории, которые они заведомо оставляют себе как "неприкосновенный резерв" для себя и своих потомков. Третью линию создают государственные и региональные службы охраны природы, выделяя зоны, которые в силу своей хрупкости или экологической значимости не подлежат промышленному освоению. На этих трех линиях и ведутся переговоры с "покорителями", затем подписывается развернутый контракт (если стороны при таких условиях его подписывают), и создаются механизмы контроля. У всех - своя позиция, нет никакой иерархии ценностей и приоритетов ("Стране нужен газ!" или "Спасем Ямал для себя и потомков!"); баланс доброволен и позволяет каждой из сторон на таких условиях не вступать в контакт, продолжая пасти оленей или вкладывать деньги в более эффективную откачку нефти или газа на других скважинах, в южных районах страны либо в разработку других энергоносителей.

Мне очень непривычно формулировать эти рассуждения, потому что в течение всей своей профессиональной жизни я твердо знал, на чьей я стороне и против кого. "Баланса" не было никогда (сама идея даже не приходила в голову), а там, где его предлагали, всегда результатом был обман или насилие над местными жителями и природой. "Баланс", "паритет ценностей" были предельно наших мечтаний.

Теперь же я прихожу к выводу, что "баланс" и "паритет ценностей" - на самом деле уже термины вчерашнего дня. Давайте строить завтрашнюю (или лучше - сегодняшнюю) логику. Ее основа: нефть и газ можно добыть в другом месте или купить, значит, энергоресурсы - это лишь вопрос денег. Ямал купить нельзя, следовательно, какую-то часть его, безусловно, необходимо закрыть

для промышленного освоения, а технологические схемы, грозящие экологической катастрофой, должны быть отвергнуты. Это предмет общенациональных интересов, и он не подлежит финансовому обсуждению. Коренные жители Ямала сами распоряжаются своей землей и сами выбирают участки, которые они на определенных условиях и при определенных гарантиях готовы уступить, если им известна технология освоения. То есть они - хозяева, а "покорители" - покупатели (где тут "паритет ценностей"?). Часть земель любая община может оставить в "неприкосновенный резерв", и это тоже не подлежит финансовому обсуждению как предмет для всех очевидный.

Много десятилетий нам внушали, что мы - единое общество, где думают об общем интересе, где имеется одна шкала ценностей и где любое несоответствие интересов - всегда конфликт, в котором обязательно будут победители и побежденные. "Баланс" и "паритет" были наши первые шаги в понимании того, что возможны разные ценности и даже разные шкалы. Давайте, наконец, сделаем следующий шаг и станем "сложным" обществом, где наличие разных экономических интересов, уважение прав малых групп и соблюдение взятых на себя обязательств будут нормой жизни.

Ю.А.Кукевич

ПРОТИВОСТОЯТ - ПРАГМАТИЗМ И СОВЕСТЬ

1. Как мне кажется, неточен сам термин - ямальский конфликт. Это одно из проявлений общепланетарной беды - насилие над природой и человеком во имя сиюминутной материальной выгоды. Мы здесь даем сто очков вперед "дикому" Западу. Большое зло - цивилизаторский подход к "неосвоенным" территориям.

На виду у всех очевидный вред, наносимый природе (след вездехода, не зарастающий двадцать лет, и другие журналистские штампы), но суть проблемы коренится в области духа и нравственности. Противостоят друг другу не коренные жители и мигранты, не только центр и регион, а бездушный, неумный, разорительный прагматизм - и совесть, мысль о будущем. Наша государственная машина абсолютно безнравственна. Так называемые "высшие" интересы страны обесценивают, сводят на нет свободу волеизъявления, права людей и даже самую человеческую жизнь, что уж тут говорить о природе. Отсюда стремление к суверенитету. Центр - источник угрозы. Экологической, нравственной, экономической, моральной.

2. Выходящие на Ямал ведомства - в постоянном конфликте друг с другом, монолита нет, но есть эгоистические интересы - урвать от нового пирога кусок побольше и послаще. Освоение открывает финансовый рог изобилия. И тут надо заставить поверить, что мы - самые нужные, у нас самый большой объем работ и т.д.

Позиция усредненного освоителя, помимо высокой зарплаты:
я выполняю важнейшую государственную задачу;
моя работа - это мощь страны;
мы помогаем тем, кто живет здесь, выйти из первобытной дикости;
прогресс не остановим, нельзя же вернуться опять в пещеры или всем жить в ярангах и чумах и т.д.

Коренное население Ямала, за редким исключением, не принимает подобной аргументации. Единственное, что не вызывает возражений - это скудное компенсационное строительство. Но все можно было бы наладить и без

"танкового" нашествия ведомств, если бы позволяли финансовые возможности самого округа.

3. Смешной вопрос. Жили тысячу лет и проживут еще без всяких покорителей. Посмотрите статистику и увидите, что освоение изрядно подсократило продолжительность жизни северян, да и саму их численность. В 1939 году в округе жило 50 тысяч ненцев и ханты, в 1989 году - 25 тысяч. С конца пятидесятых средняя продолжительность жизни сократилась примерно на 16 лет и составляет сейчас 42-44 года, не говоря уже об алкоголизации, сокрушительных процессах ассимиляции и т.д.

А судьба покорителей известна: грудь в орденах, и вспоминай о трудовом героизме в северной пустыне.

4. Думаю, что Ямал и его коренные жители будут принесены в жертву "высшим" государственным интересам. Почему? Потому что слишком мал срок перестройки, а для нравственного поворота, поворота сознания 5-6 лет - это ничто. Освоители и правительство за это время не избавились от конкистадорской психологии, а упование на обратное - чистая иллюзия. Кроме того, у нас нет нормальных технологий добычи сырья, у нас нет техники, наносящей минимум ущерба северной природе, у нас нет элементарной культуры труда и уважения к не похожему на наш образу жизни.

Тем не менее, выскажу краткие соображения по варианту "в".

Ямал должен стать собственностью ненецких родов, живущих там. Именно они с помощью квалифицированных независимых экспертов должны решать, кому дать право осваивать газовые и нефтяные месторождения. Возможно, это будут иностранные фирмы, а не наши технически отсталые концерны и министерства. Никаких паритетов ценностей, абсолютный примат интересов коренных жителей. Территория должна быть закрыта для "белых" пришельцев, кроме тех, кто находится там временно по условиям контракта. Естественно, компенсация в полном объеме за вред промышленного освоения, жесткие экологические требования к технологии, четкие границы участков, где производятся работы, где прокладываются трассы, автоматизация промыслов, обязательная рекультивация и после всего через 50-100 лет уход вместе со всем своим металлоломом.

1. Философия, культура и этика Ямала - это уникальная ценность мирового масштаба, значение которой, к сожалению, ни один из освоителей не понимает. Покровительственно-пренебрежительный "старший брат" глух и слеп, он пытается принизить до своего утилитарного понимания эту своеобразную философию.

2. Философия Севера родилась не сегодня, возможно, это внове изредка наезжающим неофитам, но для тех, кто жил и живет на Севере, видна ее особенность и притягательность. Изучить бы это все, пока живы хранители народной мудрости, но, увы...

Не надо ничего делить ("Запад есть Запад, Восток есть Восток...") ни в этическом, ни в географическом смысле. Проблема - в нашем общем духовном одичании, недостатках нравственного воспитания. Нынешние освоители точно так же вели бы себя, если бы осваивали месторождения газа рядом с могилами своих отцов. Перекопали бы и их. Вот что страшно.

Уверен, что можно обойтись в ближайшее десятилетие без газа Ямала, обратив огромные "освоительские" деньги на энергосберегающие технологии, на экономию ресурсов топлива. Ямал и его народ будут жертвой государственной бесхозяйственности. Не первая и не последняя жертва.

О ДУШЕ

Иронично, но факт: сидим мы с вами на завалинке и ворчим, возжелав праздника, хитро полагая, что конфликт и праздник устроены одинаково, отличаясь диалогическим либо монологическим, игровым либо властным, восходящим либо нисходящим, обоженным либо убоженным отношением к сути происходящего; и раз ход и смысл конфликта определяются МОИМ пониманием и видением происходящего как УЧАСТНИКА конфликта, то и разрываемся (я, во всяком случае) меж окаянством проповеди рыночных перспектив и стыдом (а какой я участник?) исповеди в терминах... интроспекции, а в пределе должного - в образах "Ямальской Йоги", в семантике местной ЖИЗНИ сознания - тела.

1. "Вчерашность" образов ямальского конфликта простибельна с позиции ямальской антропософии. И точно, разве избалованы мы самоотчетами-исповедями, художественными прозрениями и судьбическими откровениями ямальской души? Мы - как "участники конфликта", или "вживающиеся в аргументацию одной из сторон" - мы что, умеем слушать и слышать ямальским ухом, смотреть и видеть ямальским глазом, говорить и молиться ямальским голосом - языком? Вот о чем нельзя не думать, и вот почему - пусть будет как будет и как покатит...

2. Какая "природа"? Ужель "человеческое измерение" (ЧИ) ямальского конфликта ее предполагает - и "внешнюю" и телесно-человеческую? Аргументация "за" и "против" газодобычи безадресна и безвластна так же, как и окаянно и греховно понятие ЧИ, выражающее претензию гуманитариев на "свою" часть власти: можно подумать, что они ее отдадут, вняв власти умного слова; тут слово конкретной власти первичней. И если ямальская душа нас поймет, то не примет; приняв, не поймет...

3. О прогнозах конфликта можно говорить, опираясь на ПРОЕКТЫ: что будет, если данный проект - всегда авторский, технологически детализированный, ответственный - реализуется?

4. Как "сбалансировать" интересы сторон? В вопросе - ответ: КАК и есть ТЕХНОЛОГИЯ предполагаемой работы на Ямале. "Дело - в деле", - говаривали русские философы, допуская, что паритет ценностей есть здравый смысл приятия технологии. Разумеется, если душа принимает...

М.М.Метаков

НАДО ИДТИ ДАЛЬШЕ ...

Для начала несколько фрагментов, "схватывающих" ямальский конфликт в историческом, экономическом и политическом аспектах.

1. Освоение жизненно необходимых пространств (территорий) Человеком есть объективный процесс. Постиндустриальное вторжение на Ямал не является исключением. Рано или поздно энергетический потенциал региона был бы востребован. Все дело в цене.

История, точнее, предыстория Ямала приняла, вобрала в себя огромную гамму свершившихся общественных актов. Приняла и выстрадала Протест.

Что дальше? Этот вопрос разделяет две эпохи: ту, что ушла, и ту, что

еще не наступила.

Историческим критерием выбора в пользу цивилизованного будущего, на наш взгляд, является понимание и "построение" движения вперед как всеобщей организованной тенденции сбалансированного развития общества, государства, территории.

2. Эта тенденция как осмысленный, а не продиктованный логикой фатализма предыстории процесс обязана реализоваться в первую очередь в экономике.

Трагедия Ямала (и не только его) - в тотальной некомпетентности управления. Особенно в советский период.

Монополизм нефтегазодобывающих отраслей усугубил отчуждение в сфере труда, привел к стагнации традиционных укладов экономической жизни.

Можно ли добиться сбалансированности развития в условиях рыночной экономики? Можно, если глубоко знать специфику и конъюнктуру ямальского "рынка", используя возможности системного подхода в выработке моделей многоукладного хозяйствования. Каждый вид экономической (традиционной и современной) деятельности надо "подключить" к такой системе интересов и стимулов, при которой в итоге было бы что распределять.

Это станет возможным лишь тогда, когда наступит момент (полоса) экономического самоопределения в самом Ямало-Ненецком округе.

3. Вторая составная тенденции сбалансированного развития реализуется в политической сфере.

Ямальский конфликт, видимо, обострится, поскольку объявленная недавно в округе суперавтономия в виде республики без достаточного экономического расчета породит затяжное противоречие между сиюминутными политическими страстями и невозможностью удовлетворить эти страсти на деле.

Подобный "бланкизм" не может привести к нормальному исходу, ибо не способствует кропотливой работе по отлаживанию тонких хозяйственных связей на всех уровнях.

Политика не должна суетиться и "егозить", тем более убежать далеко вперед от объективных экономических реалий.

В контексте экономических и политических событий на Ямале "покорители" и "покоренные" находятся в одинаковом положении.

Морально-психологический феномен ВЫЖИВАНИЯ иногда сопровождается резким смещением ценностных установок человека до уровня инстинктов. А это страшно.

Хотелось бы надеяться, что ямальские политики сосредоточат свои усилия на всесторонней инвентаризации современного состояния округа и выработке серии программ по выводу аборигенов и некоренных жителей из экономического, социального, этнического и духовного тупика.

Процесс политического самоопределения нельзя отчуждать от экономического процесса.

Попытаемся теперь на фоне сказанного ответить на главный вопрос анкеты: как разрешить противоречие между этикой народов Севера и этикой его постиндустриальных освоенцев.

Но прежде - несколько уточнений. Нам представляется, что противоречие двух этик нельзя доводить до крайности, до непримиримого противостояния. Поняв природу и суть противоречия, его надо последовательно разрешать, иначе оно выливается в открытый антагонизм. В этой связи нам показалось, что излишне долгое муссирование темы конфликта указанных этик может

из плоскости теоретических пассажей переключать в межличностные отношения людей, ни в чем, в общем-то, не повинных. Это - фатум, что судьба свела ненца и приезжего человека на суровой земле Ямала.

Следующей уточнение заключается в том, что уникальность этики Севера вовсе не повод для ее консервации в "этноэкологических резервациях". Она имеет полное право не только на собственное самоопределение, но и полное со-жительство в мире развивающейся универсальной, всеобщей Этики. В этом смысле этика Севера - растущий олененок со своими проблемами и страхами. Если к нему будут хорошо относиться, то он вырастет в красавца-оленя; если он будет выброшен из стада, то погибнет.

Вектор движения и самодвижения северной этики, как и северного этноса, должен быть проложен в общем русле организованной (т.е. осмысленной, а не стихийной) тенденции сбалансированного развития Ямала и его жителей. Раз-ви-ти-я! Но никак не консервации на уровне экологической и другой этики.

Ямальский конфликт в его этическом измерении разрешим. Раз поняты его причины - это уже половина успеха. Дело теперь за тем, чтобы как можно быстрее создать благоприятные условия для обустройства жизни людей, учитывая все многообразие их традиций, интересов и потребностей.

Есть и очевидные успехи. Создаются зоны приоритетного землепользования (не путать с резервациями!); национальное самосознание порождает материально-организованные формы защиты своей чести и достоинства (ассоциация "Ямал - потомкам" и другие общественно-политические формирования); конституционно оформлены права окружных автономий; накапливаются знания и опыт, как грамотно использовать природный и индустриальный потенциал округа в интересах выживания и возрождения; есть международные контакты по проблемам Севера.

Думается, было бы неплохо следующий опрос экспертов (если это возможно) посвятить тому, как использовать "ямальские" этические нормы и гуманистические ценности при решении в округе конкретных экономических, экологических, социальных, духовных, этнических, политических и других задач.

Сейчас, когда большой научно-творческий коллектив страны при инициативе тюменских ученых-этиков проделал главное - создал теоретические предпосылки - можно и нужно начинать этап их внедрения в управленческую деятельность, в конкретную экономику, в общественное сознание.

А.К.Омельчук

СИБИРЬ - ПОСЛЕДНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ШАНС

Все проблемы в стране будут решаться, когда решится первая из них - создание гражданского общества. В таком обществе суверенен каждый человек, наиболее полно выражаются свобода и разумная воля каждого. Традиционные противопоставления: "маленький народ" и "индустриальные ведомства" (то, что в анкете представлено как "покорители" и "коренные жители"), мне думается, не корректны. Если говорить о будущем, о создании правового гражданского общества на территории Сибири, то надо отрешиться от традиционного подхода к конфликтам. Полагаю, здесь он переходит на более глобальный уровень. Сибирь четыреста лет находилась в колониальном подчинении Московского государства, сначала Российской Империи, потом - Советского Союза.

Сибирь по-прежнему остается колонией, и поэтому конфликт проходит на уровне ее экономической независимости. Если есть колония - Сибирь и метрополия - "Москва" (я разумею под "Москвой" не московского жителя, а ту систему, которую навязывает "Центр"), нужно говорить о конфликте с метрополией.

Мы знаем из мировой истории, что любая колония стремится к независимости. Стремление Сибирской колонии к независимости всегда выглядит антипатриотично, антироссийски, антимосковски, это нечто сепаратное и поэтому безнравственное. Я считаю, безнравственность может проистекать только от метрополии. Мы, наверное, на опыте других колоний (наиболее характерной - Соединенных Штатов и ее метрополии-Великобритании) должны понять, что речь идет не о разделении нации, не о противопоставлении одной части нации другой: когда Соединенные Штаты освободились, метрополия не стала жить хуже, а в самой колонии демократия развивалась наиболее приемлемым для человечества образом. Если отрешиться от стереотипов отношения Сибири и России и понять, что безнравственно поработать, а не стремиться к свободе, определив это как ключевой пункт, тогда можно разбирать и внутри-сибирские проблемы.

И когда мы будем стремиться к осуществлению прав человека независимо от его национальности, когда будем понимать, что суверенен татарин, селькуп, русский, алтаец, тогда мы будем по-другому относиться к этноэкологической проблеме. Тогда не возникнет проблема малых народностей и пришельцев, покорителей. Мы видим, что вахтовые, экспедиционные и другие административно-командные методы - это методы метрополии, которая никогда не считалась с противной стороной и навязывала ей свою модель. Я не представляю, чтобы состоялся или хотя бы подразумевался приблизительно такой разговор между премьер-министром государства и коренными жителями: "А нужен ли вам вахтово-экспедиционный метод, сто тысяч каждый день прилетающих людей?"

Вопросы освоения Сибири решались и решаются правительством грубо колониальным, первобытно-колониальным образом. И когда мы это уразумеем, то представим последствия тех конфликтов, которые происходят на этой территории. Но решить нужно главную задачу: Сибирь - большая территория, обладающая всеми необходимыми для нормальной автономии природными, людскими, интеллектуальными ресурсами. Поэтому между Сибирью и Россией должны быть исключительно партнерские отношения, которые Сибирь просто не помнит в своей истории. Я думаю, что в принципе эти партнерские отношения существовали, когда Тобольская губерния распространялась от Урала до Тихого океана. Видимо, тогда не было современных методов коммуникационного давления и информационного диктата, Сибирь жила по своим уложениям, конечно, с известной долей влияния Центрального самодурства.

Я считаю, что конфликт победителей и побежденных, покорителей и коренных жителей - это только частный конфликт, который должен разрешаться все-таки в такой макроструктуре, как метрополия и колония. Нужно ли после этого уточнять, как я вижу мелкие детали и подробности этого конфликта? Сибирь опасно надорвана, но она еще имеет силы для полноценного существования.

Если мы не решаем глобальный конфликт, мы можем, конечно, совершенствовать систему нашего экономического рабства, создавать иллюзию, что всякий сибиряк свободен, суверенен, но, полагаю, что реформирование рабства - не очень благородная задача. В принципе и на уровне всей бывшей Рос-

сийской империи можно решить правовые вопросы гражданского общества. Но ни со стороны Союзного, ни со стороны Российского правительства - пока! - нет даже малейшего понимания того, что нельзя к столь богатой территории относиться столь пренебрежительно - варварски. Нельзя к ней подходить как к чему-то второстепенному. Веками в мозги сибиряка внедрялась мысль, что Сибирь - это нечто прилагательное к России, производное. А это - самостоятельная территория, могущая стать богатой, и только при богатой Сибири может быть богатой Россия. Не вижу другого пути.

Произнося Москва, Россия, Союз, я вижу за этим систему долговременного то самодержавного, то социалистического диктата. Пока это не будет понятно... Европейская часть России, плотно опекая Сибирь, вводя ее в совместный мир нищеты и убогости, прежде всего, противоречит своим интересам. Архаичные отношения метрополии и колонии - большой вред для России. Речь идет не о разделении русской нации на предуральскую и зауральскую, а о том экономическом суверенитете, когда сибирские умы, сибирские люди будут решать проблемы территории сами, а не ждать указаний по каждому поводу из Москвы. Я вообще считаю, что Сибирь - последний шанс человечества. Вся остальная планета практически отравлена. У человечества есть последний экологический шанс.

Здоровые сибирские мозги могли бы сделать из этой земли Землю обетованную, настоящий рай, где все могло процветать. Сейчас мы видим нищету и убогость. Я считаю, что, решив проблему экономического суверенитета Сибиряка, можно решать и все остальное. Началом должна быть личность. Все будет трактоваться исходя из того, как человек понимает свое предназначение и какие полномочия передает.

Подчеркну: ямальский конфликт - не этноэкологический. Это конфликт сугубо социальный с экологическими издержками, это та гражданская война, которую система ведет против своего населения. В полярных регионах это выражается в том, что вырождается этнос, истребляется природа. Идет разрывывание недр, богатств коренных народов, закамуфлированное под всякие экономические нужды. Но, конечно, на этой территории конфликт приобретает острую этноэкологическую окраску, потому что завтра мы можем увидеть бывший народ и мертвую природу. Кстати, и мертвую этику Севера. Я считаю, что этика Севера уникальна. Это совершенно своеобразный феномен, и этика Севера должна распространяться на всю планету, потому что это норма отношения человека к природе, та норма, которую мы видим в "первобытной" этике малых народностей Севера по отношению к природе. Думающее человечество внимательно присматривается к опыту северянина. Северная этика становится универсальной, распространяется на все другие территории, где, казалось бы, конфликт человека с природой пока не так ярко выражен.

Проблемы Севера могут быть разрешены через создание гражданского общества: или в рамках существующей державы, или отдельных ее регионов, где население начинает осознавать свою суверенность.

Этот процесс, на мой взгляд, пока идет в противоположном направлении. Малые народности собираются - стремительным шагом - попасть в новую кабалу. Они справедливо хотят быть хозяевами своей судьбы, но, считаю, чтобы противостоять имперскому диктату, надо все-таки организоваться в большие правовые экономические сообщества. Мы знаем "замечательную" политику разделения и властвования. Когда Алтайскому краю дают статус свободной экономической зоны, когда Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому округам

предоставляют полномочия объектов федерации, выделяют Кузбасс и дают отдельные привилегии, нетрудно понять, что это политика "разделяй и властвуй", деление на территории I и II сорта. Когда каждому дают подачку и каждый считает, что он получил..., но он же не добился главного - он не получил свободной суверенной личности. Наше привычное поколение "скушает" эту подачку, но вот следующее за ним будет подбирать огрызки и начинать снова.

Вопрос сейчас не стоит о независимости одного малого народа, а о суверенности каждого народа, и как производное от этого - должно быть большое сообщество, которое сможет противостоять существующему колониальному диктату. Я считаю, что такая территория, как Сибирь, может противостоять этому диктату в интересах России. Все, что сегодня делается в автономиях, делается близорукими, недалекими людьми, выполняющими свои ближние задачи. Я всегда привожу такой образ. Есть две многодетных неимущих семьи. Одна мать, видя, что из этой нищеты не выбраться, говорит своим сыновьям: "Идите по свету". И сыновья идут в мир. Они хороши, жизнеспособны, некоторые из них, естественно, преуспеют в жизни и помогут матери и семье. Второй пример, когда любвеобильная мать будет своих нищих детей держать подле себя, не отпускать, и они будут умирать от голода. Мы видим, эта мать до смерти любит своих детей, до смерти, но любит. Думаю, что нужно выбирать между любовью и смертью. Мне кажется, что эта аналогия распространяется и на взаимоотношения Сибири и России. Надо выбирать, нужна ли эта смертельная любовь или нужно жить и понимать, что любовь может быть неразумна, а человек создан Богом, видимо, из каких-то разумных соображений.

Я уже говорил в предыдущих опросах, что на Ямал сейчас никто не должен идти: в мире нет технологий для его освоения. Я и раньше говорил, что существует эгоизм поколений. Мы не должны исходить только из своих проблем и укорачивать жизнь человечества на планете. Наше поколение должно умерить свои желания. Не придумав технологий, которые позволили бы сбросить природу, почему мы должны брать газ Ямала сейчас?

Ямальский консенсус... Это консенсус несвободных людей, отягощенных предрассудками, он, в любом случае, убивает природу, которая предоставлена не только нашему поколению. Может быть консенсус, но это консенсус недалекими разбойников. На дележ награбленного у них сначала не было единой точки зрения, потом они пришли к "консенсусу". Мы знаем, что будет ограблено будущее поколение, земля, планета. Исходя из этого, я говорю, что это - консенсус разбойников. Даже страдательная сторона, которую мы сегодня называем таковой, если входит в этот консенсус, тоже занимается ограблением своих потомков.

Сознаю, что все разговоры, которые я веду, пытаюсь показать ямальский конфликт как частное от проблемы суверенной Сибири, преждевременны. Более века назад была попытка формирования сибирского патриотизма, но ее умело ликвидировали. После этого Сибирь остается большой географической "размазней". Сибирского сознания нет. Намеренная откачка сибирских мозгов, организованная их утечка делают свое разрушительное дело. Интеллектуальных центров в Сибири по существу нет. Когда появляется некое мыслящее ядро, оно быстро перекачивается на ту сторону Урала. Те разумные сибиряки, которых принимает московская школа, школа Центра, становятся, по существу, "жандармами Сибири". Думаю, когда образуется сибирская интеллигенция, она будет полностью экологизирована, с самосознанием, с любовью к этой земле, которая - как ни странно - все еще велика и прекрасна. Все сибирские беды это

и Российские беды. Но сибирские меня особенно огорчают. Инерция имперского мышления так глубоко вживлена, на таком подкорковом уровне, что меня не понимают, когда я говорю, что из-под диктата этой системы надо выкарабкиваться. Наша любовь неразумна. Разумна любовь, которая принесет богатство и процветание той и другой стороне.

А.И.Пика

ЛОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРИНЕСТИ В ЖЕРТВУ ПРИРОДЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

1. "Ямальский конфликт", десятки и сотни ему подобных порождены не совершенством и углубляющимся искажением наших представлений о роли и месте человека в окружающем мире; причины этого лежат во всеусиливающемся отрицании приоритета высоких социальных и личностных духовных качеств и ценностей над материальными. Приоритет нематериальных общественных ценностей возрастает по мере освобождения людей от тягот заботы о хлебе насущном. Раньше это называли словом "прогресс". Ныне же в нашем обществе все больше укрепляется представление о том, что мы из богатой и сильной державы превращаемся в бедное слаборазвитое государство. Следует остановить этот процесс любой ценой, используя все средства! Например, принести в жертву полуостров Ямал, чтобы произвести валютную инъекцию одряхлевшей, почти нежизнеспособной экономической системе. Тут уже не до прогресса, хотя бы продлить агонию административно-командной экономической системы еще на несколько лет, пока к власти не придут люди, которым эта система будет не нужна. Природа и нравственность ("все средства хороши!") приносятся в жертву "социалистической ориентации". А следовало бы наоборот - это было бы более мужественно - отказаться от ложных социальных ориентаций, принести иллюзии в жертву более высоким ценностям - Природе и Справедливости.

Является ли "ямальский конфликт" конфликтом между "ведомством" и "территорией": В какой-то мере, да. Но это не благородный конфликт хищника и жертвы, а, скорее, конфликт между паразитом и его "хозяином". Принимаю все упреки в неуместной биологизации сложных социальных явлений и согласен с критикой... и все же (цитирую по Словарю терминов и понятий, связанных с охраной живой природы под ред. Н.З.Реймерса и А.В.Яблокова.- М.: Наука, 1982): "... некоторые паразиты постоянно или временно используют организм хозяина как территорию своего обитания (с.86) . Между "ведомством" (имеется в виду, конечно, нефтегазовый комплекс и связанные с ним отрасли) и "территорией" сложились такие формы сосуществования - "симбиоза", при которых оба партнера не могут жить друг без друга и получают примерно равную пользу. При усиленном стремлении к извлечению обоюдной пользы паразит и хозяин могут быстро исчерпать свой жизненный потенциал и погибнуть вместе. Не следует ли им подумать о том, чтобы умерить аппетиты ради продления существования? Ну, а сейчас пока трудно отличить "людей ведомства" от "людей территории", они меняют кресла, а вместе с ними взгляды, позиции и способ действия... но в пределах системы симбиоза. Они и умрут вместе.

Но верный ли это образ конфликта, не вчерашний ли? Для нас нет - это день сегодняшней. Для зарубежного Севера это вчерашний день, пройденный этап. В 1960-70 гг. на Аляске, в Канаде и Гренландии осуществлялись крупные

промышленные проекты, при этом сохранялась природа и не страдали интересы малых народов. И это потому, что решения принимали, не только сообразуясь с нормами морали, но и утверждая моральные приоритеты - и это самое главное - с помощью правовых актов и эффективной судебной системы. Таким был нелегкий процесс решения социальных и экологических проблем в связи с добычей нефти на Аляске. Политический процесс и изучение вопроса начали в 1967 г. и закончили в 1971 г. с принятием Закона об удовлетворении земельных притязаний коренных жителей Аляски (ГЗ 92-203), по которому оно получило в коллективное владение более 9 млн.га земель и 1 млрд. долларов компенсации, а в придачу - отчисления от прибылей нефтяных компаний, помощь в организации системы региональных и поселковых экономических корпорации. При этом ассигнования из федеральных источников на нужды социального обеспечения, образования и здравоохранения сохранялись. Это было крупное достижение всех трех сторон конфликта - штата Аляска, нефтедобывающих компаний и коренного населения. Никто не проиграл.

То же и в Канаде, в провинции Северный Квебек: индейцы кри в результате согласованных действий и поддержки правительства, уступив территорию в более чем 0,5 млн.кв. километров для строительства каскада ГЭС в заливе Джемса, сумели получить законодательное решение о признании их исключительных прав (вспомним наши территории приоритетного природопользования!!) на рыболовство, охоту и пушные промыслы, компенсацию в 168 млн.долларов, новые места на государственной службе, права на самоуправление в общинах, а также самостоятельное решение вопросов образования и здравоохранения и право контроля за осуществлением государственных и местных программ развития.

К сожалению, на Ямале такой подход в решении экологических и этносоциальных проблем реализовать не удалось. Ни "ведомство", ни "территория" не проявили желания и готовности решать проблемы в законодательном порядке и соблюдать законы. Это непривычно для нас. Но главное в том, что и "ведомство", и "территория" не заинтересованы (или просто равнодушны к этому?), чтобы коренное население из опекаемого и защищаемого стало активной действующей силой в ямальском конфликте. Большим боссам "территории" и "ведомства" решение мыслилось как система подачек и благодеяний пассивным и зависимым коренным жителям. Пока все так и получается.

Недавнее объявление Ямало-Ненецкого автономного округа республикой внушает нам еще большие опасения за судьбу коренного населения полуострова Ямал и других мест. В основе этого процесса лежат интересы нефтегазового комплекса в их местном понимании. Теперь ненцы, ханты и селькупы живут в республике, которая им не принадлежит, у них отобрали "их автономию" (хотя и формальную) те, кто им ее не давал. Зато уже есть планы строительства нефтяных терминалов на Обской губе - "святая святых" экологии Ямальской земли. Это будет означать смерть местных традиционных отраслей. Уютно ли будет ненцам в Ямало-Ненецкой республике?

2. Так кто же ведет сейчас освоение Ямала и других нефтегазоносных регионов - "ведомство" или "территория"? Оба. Это друзья - соперники, и, конечно, тут есть группы с различающимися интересами. Но коренные жители в эту "теплую компанию" не входят. В лучшем случае им обещают остатки со стола этой давно загулявшей компании, да и то после многочисленных просьб, и больше обещают, чем дают. Опять цитирую Н.Ф.Реймерса и А.В.Яблокова: "Комменсализм - постоянное или временное сожительство особей разных ви-

дов, при котором один из партнеров питается остатками пищи или продуктами выделения другого, не причиняя ему вреда". Конечно, пищу ненцы и ханты добывают сами, да еще кормят нефтяников, ну а во всем остальном - стройматериалы, транспорт, энергия, товары - им приходится потреблять "продукты выделения" нефтегазового комплекса.

С точки зрения "ведомства-территории" добычу газа прекратить нельзя. Ведомству-паразиту потому, что оно должно сосать или придется уходить прочь и помирать, а уважаемой территории потому, что без своего "сосальщика" она будет чувствовать себя неуютно и испытывать чувство неполноценности. Никто, конечно, так не скажет, а скажут, что "заводы, фабрики и ТЭЦ в стране замрут, если не будет газа", или что "мы здесь трудимся ради высших интересов государства". Еще 10-15 лет наши предприятия-монстры будут работать, перемалывая Природу и производя товары – уроды. В конце концов, и они замрут или развалятся на части. Тогда герои "ведомства-территории" скажут: "Ну, вот и все, мы сделали, что могли, дальше пусть действуют другие". Я бы не позавидовал этим-другим.

Очень трудно встать на позиции коренного населения. Позиции эти до сих пор довольно неясны и противоречивы. Коренное население и о себе, и о своей земле сейчас знает гораздо меньше, чем их отцы и деды. Не буду говорить о том, как оно эту землю любит. Информация такова, что теперь ненцы спрашивают у приезжих - что происходит на их земле? А еще 40-50 лет назад было наоборот.

Так называемые "лидеры" коренного населения до последнего времени формировались по принципу "свой среди чужих, чужой среди своих". Они заняли свои "ниши" в структуре "территории" и теперь вынуждены терпеть "ведомства" на общих основаниях. Простые поселковые жители настолько лишены каких-либо представлений об альтернативах развития традиционной экономики и отраслей хозяйства, настолько привыкли к извечной нерациональности, убыточности и отчуждению своего труда, к подачкам от "своего начальства", что готовы на все для того, кто хоть что-то пообещает.

И наконец, "молчаливое большинство" - кочевые оленеводы и охотники - они тоже смутно хотят каких-то перемен, но надеются, что на этот раз "пронесет", беда пройдет стороной и не заденет хотя бы их семью, их бригаду. Или, может быть, на то, что за них кто-то что-то придумает и решит. На какую же позицию встать?

3. Если покорители уйдут с Ямала - это будет неплохо для местных жителей, особенно тундровиков. Но у них есть и свои специфические проблемы. Если для территории ведомства - это "паразит", то для коренного населения в каком-то смысле "хищник". А паразит у них свой - Госагропром. Научатся ли они когда-нибудь жить не по указке и без нахлебника? Если нет, то на Ямале можно поставить крест.

Но я думаю, что ведомства с Ямала не уйдут, их не отпустят хозяева территории, даже если это будет угрожать существованию коренного населения.

Что сказать о судьбе покорителей Севера? Если они уйдут с Ямала после его разрушения, после победы над ним, то тут не о чем говорить. Все плохое будет отнесено на чей-то счет, для себя будут оставлены мысли "о героическом труде ради интересов страны" и приятные воспоминания о больших заработках.

4. Я за третий тезис, так как не настолько оптимист, чтобы предполагать,

что нефтегазовый комплекс уйдет с Ямала, и не такой пессимист, чтобы думать о глобальной катастрофе. Скорее всего, на Ямале все друг другу просто испортят жизнь, все будут злые и недовольные, но будут жить, а не умирать. Как на Арале сейчас. И это будет длиться долго. Поэтому я за то, чтобы сбалансировать интересы сторон.

Что такое баланс интересов на Ямале? О Ямальской республике я не говорю, она свое возьмет. Но те, кто пришел, чтобы добыть нефть, должны получить приоритет на землях нефтедобычи, остальные, а именно коренные жители - приоритет на всей остальной территории. Территории нефтегазового освоения, вместе с зоной негативного воздействия на окружающую среду, не должны превышать 10-15% от территории полуострова Ямал. Количество скважин и коммуникаций должно быть минимальным. Приток населения необходимо регулировать и контролировать. Следует стимулировать процесс социальной активизации коренного населения с тем, чтобы были выработаны, документально зафиксированы и юридически закреплены требования коренных северян в связи с освоением Ямала. Такой документ должен быть положен в основу законодательного акта, принятого Верховным советом СССР (РСФСР) (не указ президента и не решение Совмина и т.п.). В таком документе необходимо оговорить все вопросы таким образом, чтобы юридические субъекты, представляющие коренных жителей (ассоциации, кооперативы, общины), могли требовать выполнения положений закона через судебную систему всех уровней, вплоть до Верховного суда, по возможности ничего не прося у ведомств и местных органов. При этом должны, быть выделены средства для компенсации за отчужденные земли, разрушение природы и пр. и созданы новые социальные структуры на основе национального и хозяйственно-экономического самоуправления коренного населения. И тогда они будут на равных вести все дела с территорией и с ведомствами.

Кто будет сопротивляться такому решению вопроса? Да все, кто сейчас контролирует положение на Тюменском Севере.

Б.Б.Прохоров

МОЖЕТ ЛИ ЭТИКА СПАСТИ ЯМАЛ?

Донесла случайная молва
Странные ненужные слова.
А.Вертинский.

1. Понятие "этика" в обыденном сознании близко к таким понятиям, как честь, мораль, совесть, нравственность, т.е. тем, которые в нашем обществе с первых дней его существования выворачивались наизнанку, а носителей сущности этих понятий попросту уничтожали. Дворянская честь, офицерская честь, честное слово купца... Куда они делись? Растаяли в воздухе около той стены, где расстреляли и дворян, и офицеров разного социального происхождения, и купцов, или переместились за рубеж, где удалось спастись части "социально чуждых". Сущность нравственности для православных заключалась в библейских "Десяти заповедях", для магометан - в "Коране", для иудеев - в "Торе". Эти правила внушались с детства не как религиозные догмы, а как правила человеческого общежития. Но священные книги были преданы огню, храмы закрыты иispoганены, священнослужители уничтожены морально или физически.

На обломках старого мира (и старой культуры) стали возвращать новое поколение. В детских душах стараниями новых учителей поселился бедный маленький предатель отчего очага Павлик Морозов и страшный в своем фанатизме его тезка Корчагин. Библейская мудрость, которая формировалась тысячелетиями, была заменена "состряпанным" наспех "Кодексом строителя коммунизма", да и тот появился, когда в стране окончательно восторжествовали лицемерие, стяжательство, коррупция, правовой нигилизм. Процесс этот происходил достаточно долго. Общество цеплялось за ориентиры, которые могли стать моральным стержнем существования народа. Когда в 1960 г. наш коллектив начал изучать медико-географические проблемы сооружения Братской, а затем Усть-Илимской ГЭС, важное место среди мотивов приезда строителей в Сибирь занимал энтузиазм, стремление помочь стране, народу. В 1976 г. на БАМе доля энтузиастов заметно уменьшилась, уступив место прагматикам. В 1990 г. в Западной Сибири энтузиасты выглядели бы просто идиотами.

Я не собираюсь анализировать проблемы нравственности в стране победившего социализма. Слишком это обширная и грустная тема. Для меня в данном случае важно то моральное состояние общества (и в первую очередь той его части, которая принимает "судьбоносные" решения), на фоне которого авторы исследования об этике поведения людей на Севере пытаются разобрататься в проблемах освоения Ямала.

Думаю, что на Севере, как и в других экстремальных районах или при часто повторяющихся экстремальных ситуациях, сформировалась этика малых групп (не уверен, что здесь в полной мере применимо понятие "этика", возможно, следует говорить о кодексе выживания). Этот свод правил ориентирован на самосохранение, самовыживание, самообогащение. Нормы поведения каждой такой группы сводятся к простым (хотя и очень важным для выживания в экстремальных условиях) законам: "Не бросай товарища в беде!" (самосохранительный подтекст - иначе и тебя могут бросить в трудной ситуации). "Не выдавай товарища из своей группы, если он совершил проступок или преступление против другой группы, начальства, общества". "Покарай "чужого" и особенно - "своего", если затронуты интересы своей группы, чтобы другим впредь было неповадно..." Перечисленные "заповеди" освоителя Севера, которые можно и расширить, чем-то даже привлекают... Этаким песенный сюжет: "Мы верим мужеству отчаянных парней..." Но в "этике" таких групп есть и другие неписанные нормы поведения: "Все пьют, и ты пей"; "Постреляли оленей у коренных жителей - молчи" и т.д.

"Что же это за люди?" - спросят меня. Отвечу: "Нормальные наши люди, большинство из которых способно на самопожертвование, добрые дела, яркую любовь, сочинение стихов и песен...". Но это люди группы, находящейся в экстремальных условиях, которые диктуют свои законы. Если прибегнуть к литературным аналогиям, то добрый и романтический Ленский не смог бы здесь жить, а черствый и рационалистичный Печорин вполне бы вписался в северный коллектив. Следует сказать, что понятие "группа" в данном контексте весьма условно и функционально зависит от общности интересов. В некоторых ситуациях "группа по интересам" может включать управление, трест, главк и даже все министерство (от министра до последнего чернорабочего) или группу министерств и концернов, когда, например, министерства противостоят ученым, общественности или "зеленым", требуя ускорить освоение Ямала, настаивают на увеличении северных надбавок и т.д. Думаю, что в такой ситуации призывы к решению назревших проблем с помощью укоренения этических

норм малопродуктивны.

Теперь коротко о существовании ямальского конфликта. Он противоречив и многосторонен. Это обида "всех на всех" и "борьба всех против всех" с временными перегруппировками сил и временными союзами для достижения своих целей, борьба различных группировок между собой. Какие же группы людей участвуют в конфликте?

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЯМАЛА давно поняло, но молчало, а теперь заговорило вслух о геноциде Советской власти по отношению к коренным жителям. Особый вопрос, что геноцид этот был связан главным образом с некомпетентностью руководства, ложно понимаемыми интересами государства, стремлением отдельных людей к личной выгоде и обогащению за счет коренного населения. Непродуманные, бессмысленные решения в области национальной политики, сельского хозяйства, образования, медицинского и бытового обслуживания, культуры аборигенов принимались задолго до индустриального освоения севера Западной Сибири. Вся эта "деятельность на благо народа" поставила население Ямала (как и жителей других регионов Севера) в очень тяжелое положение. А потом к этому присоединилось "обесчеловеченное" ведомственное освоение природных богатств - не только добыча нефти и газа, но и заготовка рыбы, пушнины, оленины и пр., когда коренные жители вытеснялись с их исконных земель, гибли охотничьи и рыболовецкие угодья, уничтожались олени пастбища, деградировали отношения внутри общин местных жителей.

Вот сущность сразу двух конфликтов на Ямале: 1) коренные жители недовольны центральной и местной властью; 2) коренные жители недовольны политикой освоения.

Еще один конфликт - противостояние осваивающих ведомств и местных властей. ВЕДОМСТВА пытаются решить его в свою пользу двумя способами: 1) поставить во главе местной власти "своих" людей - бывших работников отрасли, партocrats, провалившихся на партийной работе, и т.д.; 2) ограничить инвестиции в местный бюджет и оказать техническую помощь в решении местных, преимущественно "столичных" проблем в центральных поселениях округа и административных районов. Размеры таких инвестиций во много раз меньше ущерба, причиняемого этими ведомствами природным ресурсам территории и местным жителям, которые практически ничего не имеют от ведомственных подачек.

Следующая конфликтная ситуация, имеющая много аспектов, - недовольство РЯДОВЫХ РАБОТНИКОВ осваивающих отраслей своим руководством на разных уровнях. Причины недовольства - оплата труда, развитие социально-бытовой инфраструктуры, снабжение продуктами питания и промышленными товарами и т.д. Для людей, работающих по вахтовому и вахтово-экспедиционному способам, очень актуальна проблема создания нормальных условий жизни в районах постоянного проживания.

Ранее уже говорилось о широком конфликте между коренными жителями и осваивающими отраслями. Но, помимо этого общего конфликта, существует масса ограниченных, локальных противостояний между приезжими и коренным населением, что связано с низким уровнем культуры межэтнических отношений.

Отрасли конфликтуют с правительством, которое пытается забрать - и это ему удастся - у них всю прибыль или львиную ее часть. Понятно, что эта ситуация отражается в результате на всех группах населения Севера.

Вопрос о суверенитете Ямало-Ненецкого округа не заслуживает, на мой взгляд, серьезного рассмотрения. Такой суверенитет - неосуществимая в реальности химера, а если он вдруг и будет на самом деле (не провозглашен, т.к. провозгласить можно что угодно), то многосторонний конфликт останется. Изменится только "удельный вес" участвующих в нем сторон. Коренное население от этого "суверенитета" ничего не выиграет, а, скорее, проиграет, т.к. тогда попытки общественности за пределами округа помочь коренному населению и защитить природу Ямала будут встречать отпор не только со стороны ведомств, но и со стороны местных властей, огражденных в своих местнических интересах словами о суверенитете. Пример союзных республик Средней Азии показал, что защитившись законами о республиканской независимости, местные руководители начали осуществлять свою давнюю мечту - использовать в хозяйственных целях заповедники и заказники, которые раньше находились под охраной законов СССР.

2. В освоении Ямала участвуют совершенно различные группы, между которыми не только нет единства в большинстве вопросов, но существуют противоречия. Больше всего заинтересованы в ямальском газе руководители отрасли и руководители рангом ниже, которые только в условиях кадрового дефицита на Севере могут занимать свои посты. Заинтересовано в получении газа с Ямала, конечно, и центральное правительство в призрачной надежде решить таким путем свои проблемы и сохранить власть.

Встать на точку зрения тех, кто сегодня осваивает Ямал, как меня призывает анкета, я никак не могу, т.к. считаю существующую политику освоения преступной. Дело не в том, что Ямал никогда и ни при каких условиях нельзя будет осваивать. Возможно, что при разработке новых технических средств и детального изучения всех существующих проблем полуострова, его недр можно будет осваивать. Но этого нельзя делать в настоящее время, когда для этого нет научных, технических и морально-психологических оснований.

Что касается мнения коренных жителей о проблемах освоения недр Ямала, то у большинства из них нет твердой позиции, т.к. они не представляют себе размеров несчастья, которое их ожидает, а, кроме того, их, постоянно обманывают, утверждая, что освоение принесет им благополучие, жилье, работу, снабжение и т.д. Думаю, что коренное население ни в коей мере не зависит от освоения, вернее, зависит в отрицательном смысле. Начнется освоение теперешними методами - исчезнет этническая общность ямальских ненцев, хотя люди, бывшие когда-то ненцами, останутся.

Сочетание рыночных отношений с ликвидацией совхозов, приватизация оленьих стад, охотничьих и рыболовецких угодий при развитии кооперативного движения среди аборигенов могут существенно повысить их жизненный статус.

3. Судьба "покорителей" Ямала в случае его немедленного освоения и закономерной гибели природы мало будет зависеть от судьбы погубленной ими земли - молодые отправятся "осваивать" новые районы - Гыдан, Таймыр, низовья Лены и т.д. или на материке устроятся в кооперативы. Пожилые вернутся на Большую Землю и будут жить на северную пенсию. Возможно, кого-то из них будет иногда тревожить совесть за загубленную землю и народ.

4. Ни один из предложенных вариантов меня не устраивает, т.к. они взяты "с потолка". Нужно сначала изучить проблему во всех ее аспектах, а потом решать, какой вариант лучше. Сейчас ясно только одно - осваивать Ямал в настоящее время категорически нельзя. Когда я работал в нескольких экспертизах, рассматривавших проблемы освоения Ямала, большинство экспертов -

авторитетных научных работников из АН СССР, вузов, отраслевых НИИ и проектных институтов придерживались высказанной здесь точки зрения - сначала подробное изучение, а потом принятие решения.

Вопросы об "этике Севера" кажутся мне, мягко выражаясь, странными. Этика - это мораль определенной группы или общности людей (десантников, врачей, дам легкого поведения, юристов и т.д.), поэтому не может быть "этики Севера" или "этики Юга". Этика торговца из Одессы ничем не отличается от этики продавца из Салехарда.

Связывать судьбу Ямала, его природы и его коренных жителей с туманными для современного советского человека понятиями - этика, психология освоителей и т.д. - значит заранее обречь эту древнюю землю на поругание, отдать ее на растерзание модернизированному прагматику, воспитанному системой, для которой чужды общечеловеческие ценности.

Существует единственный шанс спасти Ямал или сохранить его до тех времен, когда появится поколение, воспитанное в духе гуманизма, уважения к другим людям, любви к природе. Этот шанс (не вдаваясь в психологические и моральные тонкости) - "вдолбить" Правительству Страны Советов, что сейчас Ямал трогать нельзя. Такое решение будет дорого стоить, т.к. нужно списать уже сделанные затраты на освоение полуострова, очистить его от индустриальной грязи, компенсировать ущерб людям, которых заманили на Север "длинным рублем", и извиниться перед ними, создать за государственный счет нормальные условия жизни тем группам населения, которые живут здесь постоянно. Если Правительство, по сложившемуся у него обыкновению, не захочет принимать решительных мер против освоения Ямала, а общественность погрязнет в научных дискуссиях о морали, этике и психологии, полуостров Ямал погибнет. И гибель эта может из сильной метафоры превратиться в малоприятную реальность. На месте древней земли со своим животным и растительным миром, населением и веками складывавшимся хозяйством образуется архипелаг безжизненных островов, заваленных металлическим хламом, залитых буровым раствором и соляжкой.

А.Ф.Рочев

...ВЫБИРАЮ ПОЗИЦИЮ РАЗУМНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗВРЕДНОГО ОСВОЕНИЯ

1. Общеизвестное понимание природы "ямальского конфликта", безусловно, есть. То, что перечисляется ведомство и "территория", "центр" и "регион", коренные жители и мигранты и т.д., пока еще не вчерашние образы конфликта. Так, много говорится о "компенсационных" средствах, об экологически чистых технологиях, расширении прав местных Советов, но положительных примеров мало.

Конечно, суверенитет автономного округа, на мой взгляд, не является панацеей разрешения конфликта. Для меня весьма ощутима опасность того, что при суверенитете округа появятся неосвоители, неведомства, которые в силу своих интересов попытаются найти моральное оправдание того, чтобы продолжить интенсивное природопользование, в том числе и "в интересах коренного населения". И особенно эти тенденции усилятся в условиях действия рынка. Я же хотел бы видеть ситуацию такой: передача прав (и ответственности за них) на уровень районных (городских) Советов.

2. Да, освоители газовых ресурсов не монолитны. Есть освоители в чистом виде (разного ранга, причем начиная с министров и кончая рабочими на буровых), есть люди, осознающие, что такое освоение приведет не только к гибели этнических народностей, но и к экологическим катастрофам, последствия которых отзовутся далеко за пределами региона, есть сторонники "местнического" освоения.

Выбираю позицию разумного, экологически безвредного освоения как наиболее близкую мне. Аргументы в пользу освоения: а) мировой опыт убеждает, что, используя современные технологии, можно свести вред, наносимый хрупкой природе, до минимума, почти до нуля; б) освоение территории я в этом случае предложу вести только с согласия соответствующего Совета, после всесторонней защиты предложенного мною проекта. Обязательно должно быть учтено мнение этнических народностей этой территории. Если я как представитель ведомства или государства заинтересован в полноценном использовании "кладовых", постараюсь убедить каждого сомневающегося; в) отказаться полностью от ямальского газа - значит подписать смертный приговор экономике страны в это трудное время. Страна - сырьевой придаток мировой экономики - обречена на вымирание.

На мой взгляд, коренное население также не монолитно, но та часть, которая поддерживает интенсивное промышленное освоение, весьма и весьма немногочисленна. Неслучайно, наверное, представителей ханты, ненцев "блокируют" при выборах на первые посты в районах, городах, округе. Уверен, что подавляющее большинство малочисленных народов Ямала не примут "мои" аргументы (я мог бы и более основательно, с цифрами в руках, убеждать их, но результатов бы не достиг: так и так вымирать). Они скажут: мы за 20-30 лет лишились оленьих пастбищ, рыбы, леса вырублены, нет пушнины. Почитайте местные газеты за последние годы. О чем вы (освоители) мне тут поете? О рациональном природопользовании? Я такого не видел, а наблюдаю только беззастенчивое попираание и поругание моей земли, спаивание. Что мне от вашего (или моего?) газа? Я живу в холодном чуме, дощатом бараке (если рыбак), благами от добытых сокровищ меня не осыпали. Я варю пищу на костре или мясцами не бываю в бане, пью отравленную Вами воду, а скоро останусь без работы и вымру вместе с оленями, соболями и осетрами. Нет, и слушать не хочу никаких "ваших" аргументов. Вы мне в одном-единственном месте покажите эту вашу безотходную технологию, тогда (может быть!) поверю.

3. И как арбитр, и сам по себе я абсолютно не убежден, что коренные народности выживут. Ведь в сущности они действительно ничего не имеют от такого освоения. И сегодня многие из них в состоянии обойтись без моторов, мотонарт, перейти на дедовские весла, капканы, крючки. Если речь идет о таком выживании - безусловно! За неимением места не привожу цифр, характеризующих добычу пушнины, заготовку оленины, рыбы, молока хотя бы в конце 50-х годов, но уверяю: разница далеко не в пользу нашего времени. В конце концов давайте вспомним, что есть и другие источники энергии - ветер, солнце. На Западе они получают все большее распространение. В этом - выход.

Мне трудно предсказать оптимистичность судьбы "покорителей". Для меня ясно, что если этот процесс не остановить, последствия будут ужасными (не только для коренных народностей). Печать пестрит подобными прогнозами, совершенно с ними согласен.

4. а) "решиться на меньшее зло - освоение, ибо другого выхода для экономики нет". К этому тезису отношусь резко отрицательно. Возможно, экономи-

ка и будет совершенствоваться не десяток лет, да мне что от того, если умирать мне и моим детям? Нет, уж лучше "назад, к природе", как призывал Руссо; б) совершенно согласен; в) "сбалансировать интересы сторон". В нынешней ситуации глубоко сомневаюсь в такой возможности. Есть одно щепетильное "если": я, коренной житель, представитель этноса, буду диктовать условия, тогда - может быть. Может быть...

Вариант "б"- меня поддержат на Ямале очень немногие: те, кто живет здесь от века (ненцы, коми, ханты и др.), и те, кому некуда уехать отсюда, у кого не забронированы запасные варианты на "Земле".

О дополнительных вопросах.

1. При такой постановке ни о каком консенсусе не может быть разговора. Речь идет о вымирании, гибели коренных народов. Если сторонники "универсальной этики" не понимают этого, о каких точках соприкосновения можно говорить. Да и можно ли это вообще называть "этикой"?

2. Мне кажется, что тезис о неизбежной моральной ущербности, нигилизме "неомигрантов" весьма и весьма правомерен. За последние 20-30 лет появился огромный пласт общества: мигранты (бродяги, бичи, комсомольцы "ударных строек", покорители, добровольцы); люди, лишённые нравственных устоев, преследующие узкоэгоистичные цели. Но этноэкологический конфликт на Ямале неразрешимым мне не представляется. Об этом - в ответе на 1-й вопрос: передача права распоряжения и пользования на уровень районов, городов, образование национальных районов и сельсоветов и т.д.

В.Н.Сагатовский

НЕ МАЛА ЛИ ЭТИКА ДЛЯ ЯМАЛА?

Выделение чисто моральной стороны ямальской проблемы мало что дает, ибо даже если будет предложено идеальное нравственное решение, для его реализации отсутствуют необходимые социокультурные условия. Так что моральный аспект имеет смысл обсуждать только вкупе с этими условиями.

Как могут измениться стороны конфликта с переходом к рынку? По моему, резко обозначится противоположность двух основных сторон: тех, для кого культура и природа самоценны, и тех, для кого они лишь средства для реализации воли к власти и богатству и, вообще, "максимального удовлетворения постоянно возрастающих потребностей". Никакой паритет ценностей в этом отношении невозможен. Какой паритет может быть между жертвой и хищником?

Здесь речь должна идти не о консенсусе (надежда на него - в лучшем случае - иллюзия, а в худшем - обман), но о реальной социальной защите. Необходимо законодательство, охраняющее права коренного населения и природу. Необходимо наличие крепкой местной власти с положительными ценностными ориентациями и реальными полномочиями. Необходимо организованное общественное мнение. Необходимо всесоюзная и мировая поддержка. Необходимо, наконец, формирование у всех слоев населения культуры доброжелательных уступок друг другу.

Как быть с промышленным освоением Ямала? Его принципиальная возможность или невозможность может быть определена только компетентной экспертизой, исходя из выявления такого объема освоения, который не нане-

сет ущерба природе полуострова и образу жизни его коренных жителей. Если же ущерба избежать нельзя, от такого освоения надо отказаться. Так что тут необходимо исходить не из общих принципов паритета или приоритета, но из реальной ситуации. Компромисс возможен лишь там, где он не грозит сохранению самого объекта компромисса. Надо говорить не о паритете вообще между аборигенным и индустриальным образами жизни, а сначала - о "верхней планке" допустимой индустриализации или ее недопустимости. Лишь в первом случае можно вести речь о согласовании интересов.

Такой подход следует из универсальных требований этики. К сожалению, нет реальных возможностей осуществить его сразу по всей планете. Но в "горячих точках" это делать необходимо. Принципы этики универсальны, но их реализация всегда уникальна. Этика в целом одинакова и для Москвы, и для Ямала, но разве не очевидно, где "здесь и сейчас" ситуация непосредственно взывает к совести: помочь надо прежде всего слабому, менее защищенному

Итак: компетентная и объективная экспертиза, помощь и защита. Консенсус же предполагает наличие совести с обеих сторон. Но говорить о совести представителей современной "массовой культуры", да еще в условиях рынка, не приходится. Здесь соединяются агрессивнo-ущербная психология "перекати-поля", разрушение нравственности в нашем обществе в целом, принципиальная негуманность и неэкологичность административно-командной системы, ведомственное местничество и - на фоне всего этого - нравы "эпохи первоначального накопления", в которую мы ныне вступаем. Когда перед вами гибрид тоталитаризма и "дикого" Запада, то диалог несколько затруднен.

Уникальный полуостров должен быть реально защищен. В этом - основная задача. Если же мы будем надеяться на консенсус с ведомствами и рынком на основе этики, то судьба Севера действительно окажется безнадежно трагичной.

З.П.Соколова

... ДУМАЮ, ЧТО МЕНЯ ПОДДЕРЖАТ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБЕИХ СТОРОН КОНФЛИКТА

1. Суть ямальского конфликта, по моему мнению, состоит в конфликте между человеком и природой, ведомственным (хищническим) подходом к проблемам освоения хрупкой северной природы на основе грубой, варварской технологии без учета жизненных интересов коренного населения, вся система жизнеобеспечения которого связана с природой.

Эта проблема актуальна и при переходе к рынку, и в условиях суверенитета автономного округа.

2. Среди тех, кто осваивает газовые ресурсы, вероятно, есть люди, которые не согласны ни с темпами, ни с методами разработки месторождений, которые понимают, что разрушение природы Ямала чревато катастрофическими последствиями не только для коренного населения Ямала или его старожилов (русских, коми-зырян) и мигрантов последних десятилетий, но и в целом для всей нашей страны и даже мира, т.к. потеря экологического равновесия Ямала, как и потеря Арала, - общемировая, а не узкая проблема.

Человечество хочет жить лучше, население нашей страны, в т.ч. и на Ямале, - тоже. Повышение уровня жизни, создание комфортных условий возможны лишь при разработке природных ресурсов (хотя, как верно подметил

Н.Амосов, их все равно не хватит на всех на Земле). Поэтому рано или поздно разработка ямальских недр неизбежна. Но она должна проводиться на основе всесторонне разработанной системы: с одной стороны, выделения природоохранных (заповедных) зон в Ямальской тундре для коренного населения, занимающегося оленеводством, с другой стороны, самых совершенных технологий, которые не наносили бы вреда окружающей природе и исключали бы участие в них большого числа людей (сравните, например, с разработкой нефти на р. Макензи около форта Норман Уэлс на северо-западных территориях Канады, где на намывных островах добыча нефти полностью автоматизирована и исключает участие в ней человека).

Такие высокоразвитые, эффективные технологии и проекты их внедрения разрабатываются в течение ряда лет, поэтому Ямальский проект пока должен быть заморожен (проект добычи нефти в Норман Уэлсе разрабатывался 10 лет).

Среди коренного населения Ямала будут сторонники такой точки зрения (жители городов, например, особенно интеллигенция), но среди оленеводов могут быть люди, которые не приемлют ее категорически и скажут: "Оставьте нас в покое, мы будем кочевать по тундре с оленями, как это делали наши деды и прадеды, а комфорт нам не нужен".

3. Если газ Ямала добывать не будут, оленеводы могут выжить (но при условии, что еще не нарушен экологический баланс на Ямале в связи с геологоразведочными работами - такие сведения просачиваются). Именно оленеводы тундры могут выжить скорее, чем охотники и рыбаки, жители тайги. Мясная пища, наличие теплых шкур для одежды, обуви, жилья обеспечивают более здоровый образ жизни. Не случайно по данным переписи 1989 г. (по сравнению с 1979 г.) прирост населения выше у оленеводов нганасан, долган, эвенков, ненцев, юкагиров, чем у большинства таежных охотников и рыбаков.

В случае победы прежнего варварского подхода к освоению природных богатств, если природа Ямала будет непоправимо покалечена, судьба самих "покорителей" и их потомков будет плачевна, неизбежен Апокалипсис, т.к. за Ямалом последуют и другие глобальные катастрофы.

4. Считаю, что Ямал, Таймыр, Чукотку и Эвенкию следует оставить заповедными хотя бы на ближайшие 100 лет. Мы не готовы к их промышленному освоению. Осуществление проектов по разработке их недр сейчас на уровне нашей отсталой технологии и потребительской психологии неизбежно приведет к потере этих регионов, а следовательно, и всей Сибири. Это равносильно самоубийству.

Необходимо, с одной стороны, основательно разработать щадящие природу и высокоэффективные технологии и проекты, с другой стороны, ресурсосберегающие технологии использования уже добываемых газа, нефти, воды, электроэнергии и др.

Думаю, что в этом меня поддержат представители обеих сторон в ямальском конфликте.

Экологическая этика, по моему мнению, универсальна. Проблемы Арала, Байкала, Чернобыль убеждают в этом. Именно потому, что она была утрачена, стали возможны катастрофы в разных местах нашей страны. Консенсус между сторонниками двух взглядов на экологическую этику возможен, разногласия между ними не принципиальны. Для тех, кто осваивает природные богатства Сибири, достаточно соблюдать общую экологическую этику, будь то в Подмосковье или на Ямале. Бережное, непотребительское отношение к природе

необходимо везде в одинаковой степени, хотя северная природа более хрупкая и ранимая. Чтобы понять это, необходимо соединить общечеловеческую экологическую этику с экологическими образованием и культурой. Кроме того, разрушение природы на Севере в большей степени ненаказуемо, чем в центральных районах страны, в силу того, что это огромные пространства с малой плотностью населения.

В целом считаю, что сейчас судьба Севера скорее безнадежна, чем вселяет надежды на улучшение положения, даже независимо от того, разрешим ли этноэкологический конфликт на Ямале: конфликтующие стороны неравны - власть и деньги находятся в руках тех, кто разрушает природу.

Ю.М.Федоров

ЭТИКА СЕВЕРА - ИНТРАТЕОРИЯ "ЯМАЛЬСКОГО КОНФЛИКТА"

Природу "ямальского конфликта" можно понять, если отрешиться от узости социологически ориентированного конфликтологического подхода и попытаться рассмотреть его в качестве глобального и многомерного, одновременно протекающего на четырех уровнях Универсума: космическом или символическом (протобытие), общечеловеческом или ценностном (событие), социетальном или нормативном (социальное бытие), экологическом или дескриптивном (естественное бытие). Однако для того, чтобы природу "ямальского конфликта" суметь описать, необходима имманентная ей, развитая интратеория. На современном этапе ее становления пока что можно говорить лишь об отдельных ее принципах и понятиях, о которых и пойдет речь далее.

Одной из магистральных линий "ямальского конфликта" является в основном "водораздел" между космическим характером бытия коренных народов Севера и социетальным характером бытия "второпроходцев" в связи с тем, что средствами политического насилия они были "интернированы" Социумом, фактически разрушившим их протобытие и событие. Конфликт двух типов бытия может быть в принципе разрешен их параллельным развитием, когда первый возрождается, а затем и развивается на своей собственной протобытийной основе, которая постепенно будет обрастать имманентной ей структурой из элементов события, социального и естественного бытия, а вторая форма бытия возродится под приоритеты космической и собственно человеческой жизни. Последующая конвергенция бытия народов Севера и переселенцев в единую этноэкологическую общность должна осуществляться под приоритеты складывающейся ноосферы.

"Ямальский конфликт" - это еще и конфликт между типами сознаний, носителями которых являются коренные народы Севера и "второпроходцы". Сознание коренных народов в основном космологическое и общечеловеческое, а "второпроходцев" – социетальное и дескриптивное. Протосознание коренных народов возбраняет, например, втыкать в землю нож, так как она - мать. Космологические и общечеловеческие мотивы у мигрантов размыты более репрессивными рефлексивными структурами, каким является социальное и научное сознание. В землю можно не только метать ножи, но и сверлить ее буром, извлекая из нее дух (газ), кровь (нефть), умерщвляя ее лоно и тем самым обрекая на бесплодие. Если для первого типа сознания земля - живое космическое существо, то для второго - "зона изъятия". Конфликтность между двумя

типами сознания может быть существенно понижена, если внутренняя структура второго типа сознания ("второпроходцев") будет сбалансированной, то есть низшие формы сознания не будут управлять высшими, что снимет с него налет репрессивности.

"Ямальский конфликт" можно представить как конфликт между семиотическими структурами двух типов культуры. На наш взгляд, протобытию и протосознанию в семиотической системе соответствуют символы, со-бытию и сознанию - ценности; социальному бытию и социальному сознанию - нормы; естественному бытию и знанию - дискурс. Семиотическая система культуры народов Севера в основном символическая и ценностная, а у "второпроходцев" - нормативная и дискурсивная. Конфликт, по существу, разворачивается между двумя типами ценностей. Выдвигаемые второпроходцами ценности, являющиеся производными от социальной целесообразности, - по сути своей псевдоценности, ложные ценности, так как ценности могут быть лишь общечеловеческими. Социальные ценности - не что иное, как гипернормативы, претендующие на статус общечеловеческих универсалий. Ценности же, содержащиеся в культуре народов Севера, в социальном плане являются менее проявленными, так как содержатся в неявных своих формах а символах, трансценденталиях. Ценности европейской культуры - проявленные, то есть обособленные от трансцендентальных символов, отягощены инфраструктурой из нормативов и дискурсов, ценности народов Севера - явленные, то есть явлены Логосом, а потоку более целостно воздействуют на отношения людей к Космосу и к самим себе. Преодолеть конфликтность между ценностными структурами двух культур возможно лишь за счет выравнивания их уровней, основные пути и направления которого должна определить гуманитарная экспертиза.

"Ямальский конфликт" - одно из порождений кризиса антропологизма, сдавшего свои позиции социоцентристским и натуралистическим моделям сущности Человека. В совокупной картине мира коренных народов Севера космоцентризм и антропоцентризм взаимодействуют как взаимодополняющие парадигмы сознания, ось мироздания проходит через отношение Человек - Космос. Мировоззренческую основу противостоящей ей культуры составляет модель мира, основывающаяся на социетальных и натуралистических парадигмах. Возрождение гуманизма, несомненно, будет связано и с возрождением антропоцентризма, в рамках которого только и возможно описать Вселенную Человеческого Духа. Антропология, а не социология и тем более не так называемое точное знание в состоянии вскрыть истинную природу кризиса гуманизма и человечности как во всемирном, так и в региональном масштабах. Конфликтология лишь тогда чего-либо будет стоить, когда обретет методологический базис из космологических и антропологических принципов и перестанет идти в фарватере политической рефлексии, основывающейся на социальных мифах, разрабатываемых идеологией - ложным сознанием.

"Ямальский конфликт" - это и деструкция в диалоге двух культур. Культура народов Севера диалогична в буквальном смысле этого слова, так как в ее рамках человек одновременно ведет диалог и с Космосом, и с самим собой как родом. Противостоящая ей культура в основном монологична, так как человеку в ней уготовано место "Слушателя" и "Наблюдателя", он покорно следует нормативным предписаниям Социума и в качестве "гносеологического субъекта" беспристрастно наблюдает за поведением естественной природы. Диалог между этими двумя культурами возможен в том случае, если второй тип культуры ("второпроходцев") возродит свою способность вести диалог с Человеком и

Космосом и таким образом обретет утраченную способность входить в контакт с культурами, природа которых диалогична.

"Ямальский конфликт" может быть осознан и как определенная деструкция в системе межсубъектных отношений. Баланс в этой Системе связей возможен лишь при условии, что каждый из общающихся и взаимодействующих субъектов целостен и между собой равнозначен и равноценен. В противном случае неизбежен конфликт, вырождение межсубъектных связей в формально-личностные с последующей их объективизацией в безличные социальные роли и функции, ведущие к деградации самих субъектов и превращению их в объекты, детерминированные не Свободой, а законами социальной Необходимости. Наиболее интенсивно процесс деградации субъектно-субъектных отношений проходит в условиях, когда одна из сторон пытается обрести сверхцелостность и сверхценность за счет понижения уровня целостности и ценности другой стороны, при этом тот, кто более агрессивен, деградирует интенсивней. Не это ли происходит на Ямале? Один из субъектов межчеловеческого общения почти полностью объективизирован, будучи вовлеченным в репрессивный технологический процесс освоения лишь в качестве "человеческого фактора", второй же субъект объективизируется самим процессом варварского разрушения его Космоса, его протобытия. Лишь возрождая каждого из партнеров межчеловеческого общения в качестве равноценных, равнозначных и суверенных представителей Человечества и Космоса, уровень деструктивности в субъектно-субъектных отношениях может быть существенно снижен.

"Ямальский конфликт" можно осмыслить и как конфликт между различными уровнями Я. В структуре личности коренных народов Севера наиболее развитым является трансцендентальное и общеродовое Я. Напротив, в структуре личности "второпроходцев" наиболее актуализированными слоями являются социальное и рациональное Я, то есть более низшие структурные образования личности. Здесь мы имеем дело с особой формой интрасубъективного конфликта, порожденного асимметричным развитием структур Я, общающихся личностей. В связи с этим стороны конфликта воспринимают действия партнеров как абсолютно не подчиняющиеся их собственным представлениям о "нормальной логике". Одна сторона требует у другой вникнуть в "нужды и запросы" страны, добывающих ведомств. Другая же сторона требует положить конец этноциду. Вторая культура должна научиться понимать первую, так как в ней высшие уровни Я, хотя и в латентной форме содержатся, стоит лишь оживить культуротворческой деятельностью соответствующие им архетипы создания. Первая же культура не обязана понимать запросы и чужды нижних ярусов самосознания второй культуры до тех пор, пока сама не обрстет подобной рефлексивной инфраструктурой. Гуманитарная экспертиза позволяет выявить пределы истинного понимания между двумя типами рефлексий и наметить в рамках этого понимания соответствующий ему консенсус между сторонами конфликтного взаимодействия. Этот тип конфликта из интрасубъективного постоянно "переливается" в интерсубъективный, становится внутренней драмой людей различных культур, между которыми отсутствует надлежащее понимание. Этот конфликт полностью можно снять лишь "оживлением" у второй стороны ("второпроходцев") реликтовых образований в структуре Я, почти полностью разрушенных тотальным политическим насилием и репрессивной идеологией. Культуры народов Севера для судеб человечества важны еще и тем, что содержат в себе уникальные "механизмы", позволяющие "оживлять" реликтовые структуры Я, столь необходимые для формирования универсаль-

ной целостности - ноосферы.

"Ямальский конфликт" - это и конфликт между способами, которыми человек воспроизводит себя в рамках противостоящих друг другу культурных традиций. Механизмы культуры народов Севера в основном рассчитаны на формирование самотрансцендирующейся личности с установкой на самоактуализацию в крайне суровых условиях жизни. Система механизмов культуры, как она сложилась у европейцев, рассчитана на социализирующуюся личность с установкой на адаптацию. Одна из главных причин вырождения определенной части населения Севера - отсутствие в их генофонде и генофонде их культуры развитых механизмов социализации и адаптации к условиям существования в искусственной среде, создаваемой цивилизацией. Социотехнологический процесс освоения Севера, взрывая устоявшиеся отношения между Человеком и Природой, тем самым уничтожает уникальную и хрупкую структуру культурного генофонда, позволяющую Человеку самотрансцендироваться в Космос и самоактуализироваться в Человечество. "Второпроходцы" в состоянии интегрироваться в условия Севера лишь внешним образом, то есть защищаясь от него жизнеобеспечивающей инфраструктурой промышленного типа. Но тем самым они не способствуют процессу возрождения утраченных ими способностей к самотрансцендированию и самоактуализации, что делает процесс их укоренения в регионе проблематичным.

"Ямальский конфликт" - это, если можно так выразиться, "игра не по правилам". Если на Севере Человек вел свою достойную Игру с Космосом по ноуменальным правилам, то освоители навязывают Космосу и Человеку алгоритм игры, в которой и тому и другому оставлены лишь "низкие социетальные Роли". Космосу - роль "топливно-энергетического ресурса", а Человеку - роль его "разведчика и освоителя". Каждый тип игры уместен "на своем месте" во всеобщей иерархии Универсума. Общаться с Абсолютом по правилам шулерской игры - это значит окончательно обокрасть человека, превратить его в изгоя в его собственном Космосе. "Второпроходцы", если они желают интегрироваться в Север естественным и органическим способом, то есть не за счет репрессалий, должны сообща с коренными народами включиться в Великую Игру Стихий, то есть во всеобщий креативный процесс по формированию ноосферы.

"Ямальский конфликт", если его перевести на собственно этический язык, - это, по существу, конфликт между социетальными и гуманистическими формами морали. В нравственном сознании основной части коренных народов Севера парадигмы свободы и добра являются столь же естественными, как и в самосознании большинства освоителей - парадигмы долга и блага. Это - конфликт между двумя типами морали: основу первой составляет симбиоз из протоморали и собственно морали, а второй - симбиоз из морали и предморали, которую А.Швейцер называл внекультурной моралью. В процессе гуманизации межчеловеческих отношений в масштабах региона главными должны стать моральные ценности парадигмы добра, что естественно для коренных жителей, так как это их традиционные ценности культуры, легко "оживляемые" изменением состояния отношений с культурой поведения освоителей. Труднее будет реконструировать моральное сознание у освоителей, так как с внедрением рыночных отношений в регионе оно с неизбежностью качнется в сторону парадигмы блага.

"Ямальский конфликт" может быть разрешен лишь на основе консенсуса между сторонами, в него вовлеченными. Это должен быть многомерный и все-

сторонний консенсус, так как его стороны противостоят и как две культуры, и как две формы бытия, и как два типа сознания и пр. Когда в акте конфликтного взаимодействия сталкиваются два неоднородных по своей внутренней структуре и способам укорененности в универсуме субъекта, консенсус может быть найден лишь в пределах того, что является общим для них обоих в контексте закономерностей складывающейся ноосферы. Так как этим общим выступает их принадлежность к Космосу и Человеческому Роду, то и консенсус может быть найден лишь в рамках космологических и человеческих измерений. Но вторая сторона ("второпроходцы") характеризуется еще и развитыми социетальными и натуралистическими структурами, в явной форме не содержащимися у первой стороны. Следовательно, консенсус может быть достигнут, если он будет органически опираться на приоритеты первого типа культуры, а следовательно, и на приоритеты высших эшелонов культуры второго типа, которые пока находятся в стадии деградации. Попытка учитывать в консенсусе социетальные интересы, присутствующие у второй стороны и отсутствующие в явной форме у первой, с неизбежностью трансформирует консенсус в разновидность политического договора, диктующего условия, на которые первая сторона вынуждена будет "согласиться", получая в качестве компенсации соответствующие "блага и привилегии", и тем самым окончательно будет подорвана жизнеспособность этноса "изнутри".

Этика Севера как относительно самостоятельная отрасль системы этического знания вполне возможна и должна представлять собой некоторую интегративную целостность из различных форм рефлексий: трансцендентальной, гуманистической и социетальной. Плюрализм разнообразных форм моральной рефлексии при известной его иерархизации под приоритеты высших форм морали позволит создать разветвленную "структуру Севера, как особого Универсума Морали", способного гармонизировать природную сущность человека и человеческую сущность природы в процессе формирования структур ноосферы в данных условиях.

Этика Севера должна со временем стать метатеорией для различного рода экспертиз состояния отношений Человека с Космосом, Родом, Социумом и Природой. В пределах этики Севера возможна ноологическая экспертиза, которая может осуществляться в рамках ноуменальной игры, ее сторонами должны выступать Микро- и Макрокосмы. В союзе с антропологией этика Севера в состоянии вырабатывать гуманитарные экспертизы в рамках персоналистских игр, сторонами которых будут различные аспекты человеческой феноменальности (отношение "человек-человек". В союзе с социологией она в состоянии вырабатывать экспертизы социетально-нравственного порядка в ролевых играх, сторонами которых выступают индивиды как сопряженные в совместной деятельности интериоризованные социальные функции. По отношению же к технико-технологическим экспертизам и проектам освоения Севера как особой "зоны изъятия ресурсов" Этика Севера должна выступать в качестве инстанции, осуществляющей "экспертизу экспертиз" под приоритеты нравственных принципов взаимоотношения Человека и Природы в данных условиях.

Этика Севера должна замышляться как органическая составная часть системы этического знания, способствующая развитию разнообразных рефлексивных структур и прежде всего тех из них, которые имманентны высшим формам морали.

ВПЕРЕД... К КОНФЛИКТУ!

Начнем с того, что если исходить из классической теории конфликта, то так называемого "ямальского конфликта" просто не существует. Не существует по той простой причине, что в к о н ф л и к т е стороны находятся в равном или сопоставимом отношении к ресурсу, из-за которого имеет место конфликт. Например: существует месторождение и при этом две или более добывающие корпорации. Пожалуйста! Налицо конфликт. Там, где отношения несопоставимы, имеет место не конфликт, а кое-что похуже.

Рассмотрим стороны "конфликта" и его ядро - ресурсы, среди которых наиболее очевидные - это нефть и ландшафт (экология). Образ конфликта "коренные жители" - "мигранты" отпадает "с порога"; нефть не входит в рацион коренных жителей. Следовательно, здесь просто несопоставимы миры, один из которых вытесняет другой.

Образ конфликта "центр" - "регион" точно так же не вписывается в теорию конфликта. Ибо центр находится к ландшафтам региона несколько в ином отношении, чем сам регион; точнее же, центр к ним никак не относится, обитая в других ландшафтах. Опять-таки имеет место простое вытеснение одного мира другим (колониальным, имперским и т.д.).

Анализ образов конфликта можно продолжать до бесконечности, но ясно одно: конфликта в строгом и точном смысле слова здесь просто не существует. С таким же успехом можно называть конфликтом отношения между волком и зайцем. В этой ситуации "консенсус" невозможен, его здесь просто нет. И не по злой воле одного из партнеров, а потому что "так устроен мир".

Единственный выход из этой ситуации - это поднять ее до уровня конфликта, ибо только из конфликта может быть выход. Применительно к Ямалу это означает следующее: поставить всех участников ситуации в равное или сопоставимое отношение к оспариваемым ресурсам. Или, иными словами, оставить в ситуации только тех, кто к ней на равных причастен. И только такие конфликтные структуры легитимировать как законные. Л ю б а я инициатива считается незаконной, если не соблюдается указанное условие: равенство конфликтующих сторон по отношению к ресурсу.

Естественно, здесь отсекается сама мысль о "центре", "ведомствах" и пр. как сторонах конфликта. Они по этому правилу вообще не вправе конфликтовать и могут действовать лишь при условии единодушного одобрения.

Несколько неожиданная вырисовывается картина, не правда ли? Впрочем, это, разумеется, ильная версия конфликта, возможная лишь в теории. Но именно из-за своей силы она оказывается мощным разрешающим инструментом в том мире, где, собственно, и родилась теория конфликта - в мире рыночных отношений.

Нам могут возразить, что при такой постановке вопроса невозможна вообще никакая инициатива. И славно, - ответим мы, - ибо и н и ц и а т и в за 70 лет осуществлено с большим запасом. Настает время просто ж и т ь н а с в о е й з е м л е, руководствуясь не "головой", находящейся за тридевять земель и формирующей "инициативы", а "невидимой рукой", как говаривали экономисты прошлого.

Можно, разумеется, в качестве конфликтообразующего ресурса рассмотреть в л а с т ь - этот "ресурс ресурсов" - право распоряжения всеми ос-

тальными ресурсами. Но этот тривиальный ход полностью снимает вопрос о специфике ямальской ситуации, ибо борьба за власть имеет место на всей территории СССР. Здесь "ямальский конфликт" тождественен "прибалтийскому", "русскому", "узбекскому", "молдавскому" и т.д.

Итак, подводя итоги по первому вопросу, можно заключить: с переходом к рынку и обретением действительного суверенитета автономным округом (если он будет обретен когда-нибудь) ямальская ситуация наконец-то получит возможность стать действительным конфликтом и как-то разрешиться. Конфликт будет развиваться по классическим схемам, в основе его - спор о собственности на землю и ее ресурсы уже внутри округа. При таком условии, по крайней мере, можно будет что-то решать. Сегодняшняя же ситуация неразрешима.

Второй вопрос - что лучше, газ добывать или среду обитания сохранять - изрядно лукав. Наивно же, право, думать, что где-то найдется сознательный враг природной среды, эдакий антиприродный фанат. Нужда заставляет. Более того, сама дилемма надуманна. Ибо на вырученные от продажи газа деньги (да по мировым ценам!) можно создать какую угодно среду обитания; и добычу можно вести с меньшим, чем сегодня, ущербом; и ущерб этот можно возмещать многократно. Необходимо одно лишь условие: чтобы добывал газ, продавал газ, богател за счет газа и т.д. его подлинный хозяин, а именно - проживающий на этой земле человек (либо делегировал эту функцию тому, кому сочтет нужным, оставаясь при этом хозяином и обогащающимся субъектом).

Тут, разумеется, встает проблема приватизации: кто может считаться субъектом собственности на землю и ее недра? Округ? Район? Сельсовет? Индивид? Это, разумеется, большая проблема. Но это другая проблема, имеющая разрешение. Что же касается ценностных переживаний участников сегодняшней ситуации "покорителей" и "аборигенов", то они (значительные и интересные сами по себе) имеют отношение к рассматриваемым проблемам лишь постольку, поскольку могут затормозить или ускорить переход от проблем неразрешимых к проблемам разрешимым.

Выживут ли коренные народности, если "покорители" уйдут? Вне всякого сомнения - да! Ведь на место "покорителей" придут торговцы, туристы, менеджеры и т.д. Придут посредники, готовые вести дела от имени местного населения, если вдруг окажется недостаточным организационный потенциал самих народов. При условии, разумеется, их священного права собственности на свою землю.

Судьба же покорителей после их "победы" будет настолько печальной, что нет никакой необходимости ее детально расписывать. Впрочем, сама формулировка вопроса предполагает знание ответа.

По 4-му пункту опросного листа можно сказать следующее:

а). "Ямал должен быть освоен". Полностью согласен. Более того, неплохо бы было освоить весь Советский Союз, а то он сегодня ужасно дикий и неприбранный.

б). "Меньшего зла в ямальском конфликте не найти: гибель Ямала повлечет за собой зло неисчислимое, а потому продолжению "освоения" нет оправдания". Некорректное суждение! Освоение не обязательно влечет разрушение. Так же, как революция может быть Великой Октябрьской, а может быть "бархатной", так и освоение может быть имперски-варварским, а может быть хозяйски-нежным. Вопрос не в том, осваивать или не осваивать; вопрос в том, кто осваивает.

в). "В ямальском конфликте нет "победителей" и "побежденных"; приемлем лишь один выход: сбалансировать интересы сторон". Некорректное суждение! На Ямале нет конфликта в строгом значении слова (если не считать специфически ямальским конфликтом борьбу за власть). Чтобы создать баланс интересов сторон, необходимо еще создать: 1) сами стороны; 2) их интересы; 3) конфликт интересов. И после этого создавать баланс.

Итак, реальный выбор не в том, осваивать или не осваивать, но в том, к т о будет осваивать и на каких о с н о в а н и я х. Поддержат мой выбор те, кого условно можно поименовать как "рыночники" и "сепаратисты", ибо первое при существующих условиях неизбежно влечет второе.

Что касается вопросов относительно "Этики Севера", то здесь уместно вспомнить те основания, откуда обычно выводят эти понятия. На уровне обычного рассуждения "Этика Севера" обосновывается двумя пунктами, как правило:

экстремальностью природно-климатической ситуации; хрупкостью северных ценозов, необходимостью особого к ним отношения.

На уровне философского дискурса идет обычно отсылка к русской философской и исторической традиции конца XIX века, усматривающей обусловленность менталитета народа господствующими ландшафтами (к более ранним вариантам географического детерминизма сегодня, как правило, не отсылают).

Что касается экстремальности, то здесь "Этика Севера" мало чем отличается от этики всех остальных сторон света, изобилующих малопривлекательными природно-климатическими зонами (одна пустыня чего стоит!). Далее: перед лицом индустриальной цивилизации хрупок любой ценоз, их индивидуальные различия отходят на второй план. Что касается различий в менталитете, то они сегодня настолько скрадываются сходными социальными структурами, что их можно, пожалуй, считать достоянием истории, там, где она уже закончилась. У нас, правда, история еще продолжается, но будем надеяться, ей осталось не так много времени.

С.Н.Харючи

МЫ БЫЛИ ПРОТИВ ВАРВАРСКОГО ОСВОЕНИЯ, А НЕ ПРОТИВ САМОГО ОСВОЕНИЯ

Считаю, что "ямальский конфликт" (далее "конфликт") вполне разрешим при продуманной сбалансированности интересов сторон. К сегодняшней сложившейся ситуации на тюменском Севере (межнациональной напряженности, экономическому осложнению, развалу экономической основы жизни аборигенных народов) привела, на мой взгляд, существовавшая система и монополия центра на природные ресурсы, землю, его диктат на низовые государственные территориальные образования. Занимаясь добычей природных богатств под девизом "все во имя человека, все на благо человека", министерства и ведомства превратили регион в сырьевой придаток страны, при этом уничтожалась (и продолжает частично сегодня) сама среда существования "человеческого фактора", в том числе мигрантов. Промышленные подразделения Центра служили инструментом для уничтожения Природы и Человека как субъектов, что в конечном итоге привело к "ямальскому конфликту" (в данном случае в Ямало-Ненецком автономном округе).

Какие средства необходимы для разрешения конфликта в сложившейся ситуации, приемлемые особенно в условиях рынка?

1. Вся территория Ямало-Ненецкого автономного округа должна быть территорией приоритетного природопользования коренных жителей, и всякая промышленная (хозяйственная) деятельность должна продолжаться строго с разрешения местных Советов и ассоциации "Ямал-потомкам", представляющей интересы народов Севера, и строиться на договорной основе.

При разработке ТЭО должны учитываться:

а) уклад жизни и формы хозяйствования коренных жителей;

б) природоохранные меры;

в) технология, наносящая минимальный ущерб природе и животному миру.

Но поскольку на сегодня отсутствует в отечественной науке технология, пригодная для применения в арктических условиях, нашим промышленникам необходимо (уже есть подобные примеры на территории округа) привлечь к этой работе инофирмы, имеющие опыт проведения производственных операций на Крайнем Севере.

Как отнесется к этому коренное население и приезжая сторона? Нужно сказать, что обе стороны не монолитны в своих позициях по этому вопросу. Первая, естественно, обижена и ущемлена в своих правах на землю, собственность. Она является составной частью Природы, и всякое осквернение, тем более уничтожение живой Природы, отдаются болью в сердце народа; наносится рана на его нравственные устои, это сказывается на экономической основе самого существования. Но коренное население верит, что здравый подход возьмет верх над бесчеловечностью в отношении к Природе, и в этом мои земляки правы. Мы были против варварского освоения, а не против самого освоения. И в этом нас поддерживает большинство рядовых рабочих, а в последнее время и некоторые руководители. Кто утверждает обратное, тот против нас вместе взятых. Таким доставляет удовольствие разжигание межнациональных конфликтов, игра на рекламу собственной персоны. Таковые есть с обеих сторон. Но сегодня не они играют первую скрипку и формируют общественное мнение.

А. Херсонский

БУДУЩЕЕ - ДРАМАТИЧНО!

"Ямальский конфликт" - это наиболее ярко очерченный конфликт, характерный вообще для межнациональных отношений в нашей стране. Пример взаимоотношений "сильного" со "слабым", "учителя" и "ученика", "белого" с "черным", "русского" с "чукчей" и т.д. Бесспорно, конфликт этот есть, и родился он не на пустом месте, а уходит своими корнями в очень далекое историческое прошлое, во всяком случае, далеко за Великую Октябрьскую... Однако лишь в первые годы советской власти предпринимались ощутимые реальные шаги Большого Брата в бескорыстном желании сделать все возможное и посильное для малочисленных народов Севера (Комитет Севера). По оценкам аборигенов, вплоть до начала "промышленного освоения" Севера (начало шестидесятых) деятельность пришлого населения носила характер Миссии (отставим в сторону "перекося социализма", характерные для всей страны в целом). Совершенно очевидно, что конфликт как таковой возник именно на стыке эконо-

мических, политических и, безусловно, нравственных интересов "больших" и "малых" народов. Более того, за 30 лет освоения подлинные хозяева энергетических подземных богатств так и не приблизились к ценностным оценкам "голубого" и "черного" топлива как жизненно необходимым элементам. Это понятно, так как они были отлучены и от прибыли за добычу нефти и газа, и от политики. Более того, освоение принесло им заметное ухудшение жизни: безработицу, экологические бедствия, снижение продолжительности жизни, болезни, унижение, потерю уверенности, смещение приоритетов и жизненной ориентации. А это и есть Отчуждение человека от Природы. Не случайно так высок на Ямале процент самоубийств.

Из собственного опыта скажу: "Жалко и горько смотреть на аборигенов, попавших под пяту насильственной или вынужденной оседлости. Убогое зрелище (особенно селькупы): идет по поселку мужчина 30 лет, на одной ноге ботинок рваный, на другой – сапог. На голове - женский платок, по-старушечьи завязанный под подбородком. А ведь некогда это было - воинственное племя!

И совсем другое дело видеть северных людей в естественных условиях тундры: красивые, гордые, самоценные люди, прочно знающие тайны бытия, причинную связь природных и совокупных с ними человеческих явлений своего мира.

Вообще, при максимальном приближении и честном взгляде на действительность, надо сказать, что оленеводы Ямала до сих пор словно пребывают в прошлом веке. И транзисторные радиоприемники, переносные магнитофоны не столь заметно приближают их к нам в социально-бытовом плане. Кочевники - оленеводы практически автономны в своей жизни: при ведении натурального хозяйства слабо ощущают экономическую зависимость от общества.

Выскажу странное, на первый взгляд, предположение: мериллом в привычном для нас мире служат деньги, для оленеводов же деньги - это довольно туманный ценностный эквивалент труда. Ему гораздо ближе и понятней товарный обмен: шкура, мясо - продукты, брезент, патроны, карабин. Не следовало бы на этой основе и строить наши взаимоотношения?

Мы лицемерно много говорим о жилье для оленеводов в поселках, о строительстве промежуточных баз, о конкурсах среди архитекторов на проекты новых жилищ для кочевников, а сами уже много лет не можем решить ничтожной проблемы с брезентом для чумов. Я сам был свидетелем, как оленеводы-женщины, старики и женщины умоляли посреди бескрайней Ямальской тундры генерал-полковника авиации Г.Титова, знаменитого космонавта, помочь им приобрести брезент.

С радиоактивной пылью Новой Земли, воем падающих ступеней ракет, с лязгом гусениц бульдозеров, чадящими факелами экологической войны с народами Севера ворвались мы в тундру при появлении первых же запахов наших интересов. Это был, конечно, не Кувейт, но ведь и наши северяне - это не арабы с их многовековой человеческой культурой! Малочисленные народы Севера - это исторически законсервированные моноукладностью и суровыми условиями жизни нации, возможно, только потому и сумевшие без "доспехов" цивилизации освоить негостеприимные земли.

Рядом с ними, словно в другом измерении, в иных скоростях бурлит иная жизнь. Они знают о ней, видят пролетающие над ними самолеты и вертолеты, к ним "заглядывают" вездеходы геологов ("натуральный обмен"), они видят истерзанные той – другой - жизнью пастбища, они послушно отдают своих детей в интернаты - в другую, отличную от их жизнь. У меня сложилось впечатление,

что олениводы - это подлинные дети Земли - воспринимают наш мир, чаще непонятный им, а нередко и необъяснимо злой, беспощадный, как неизбежную данность. Так олени воспринимают оводов: то бегут от них, то покорно стоят, подрагивая укушенной кожей. Нам ли - равнодушному, эгоистичному, черствому обществу - поучать этих наивных людей, навязывать им свои мнения, понятия, планы переустройства их жизни?!

В то же самое время освоитель на лязгающем вездеходе, с ревом мчащийся по ягельному пастбищу, вряд ли догадывается, что он едет по "паркетному полу" чужого дома! Вопрос: почему он "не слышит", "не видит", почему у него спит "главное революционное (по Марксу) чувство" - стыд? Цепочка известна: чувство стыда воспитывается культурой, культура может расти только на дрожжах векового отбора... Мы же задачу подъема культуры даже не ставим! Мы разрабатываем программы электрификации, химизации, жилища, продовольствия, рынка, - но только не образования и повышения культуры. И вряд ли догадываемся, что первые задачи решились бы сами, возмись мы за вторые...

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что "ямальский конфликт" - это производное нашей социальной системы, а "ведомства", "центр" и т.д. - всего лишь инструменты и орудия, через которые система осуществляет свою великодержавную экспансию. И в этом плане переход к рынку, если он подразумевает изменение социальной системы (в моем понимании - переориентация социальной направленности на каждого конкретного человека, вместо прежней "черной дыры"- государства как главной ценности), и есть, возможно, тот разрешительный ключ к конфликту. По старым меркам путь этот долгий, но, может быть, рынок и тут даст подлинное ускорение?!

Какой путь движения может быть предложен уже сегодня? Привлечение тех самых "гуманитарных сил" - гуманитариев! Система сделает все, чтобы их не допустить к общественной экспертизе, даже к разговору. Она закроет газету ("Тюменские известия"), заставит уволиться редактора (Ю.Иванчук, "Красный Север"), ликвидирует Государственную экологическую инспекцию (В.Лукичев, бывший начальник таковой) и т.д. Система объявит недействительными результаты Государственной экспертизы, как это до сих пор делается с проектами строительства железной дороги, нефтехимических комплексов. Но другого выхода нет – нужно "пробивать к власти" гуманитариев, опираться на государственные гуманитарные науки и социологические исследования.

И тут надо доверять чутью народа. Известно, что многочисленные - ведомственные! - опросы населения ямальской тундры показали их резко отрицательное отношение к освоению полуострова.

Но нужно и уметь отделять зерна от плевел: известно, что система вскормила и пригрела целый слой послушных ей и чутких на заказ представителей коренных национальностей, всегда готовых высказать где надо "мнение народа". Настоящая наука, настоящая социология сумеют это учесть.

Сегодня, видимо, было бы неправильно говорить Большому Брату о полном уходе с Ямала. Мы очень нужны друг другу и в экономическом, и в социальном плане. Мы просто станем беднее и слабее друг без друга. Но вот какими должны быть наши взаимоотношения?

Необходимо помочь народам Севера установить на их землях подлинный суверенитет! Не тот, за который бьются сегодня большие братья", мечтающие стать "президентами" малых республик, а подлинный национальный суверенитет, при котором "братьям" дозволялось бы лишь наниматься совет-

никами, инженерами, рабочими, осуществлять по договорам научные, изыскательские и пр. работы.

Категорически возражаю против промышленного освоения Ямала (полуострова). Многочисленными экспертизами, доводами известнейших ученых и специалистов доказано - сегодняшние технологии добычи, методы транспортировки неизбежно приведут к гибели Ямала! Как же мы вообще можем приступить к обсуждению этого вопроса? И все решения М.С.Горбачева (печально известное за № 797 от 20 августа 1985 года), и последующие - Совмина СССР по разворачиванию здесь работ следует объявить безнравственными и бороться за их отмену. Для экономического развития у народов Ямала достаточно подземных богатств - бокситы, фосфориты, строительные материалы и т.д. И все это возле самой железной дороги! Так что мотив необходимости промышленного освоения полуострова для жизненного подъема ненцев - опасная ложь.

... Но, зная безнравственную пробивную силу Большого Брата, вижу будущее драматичным...

В.Р.Цибульский

ПОСЛЕДНЯЯ СПИЧКА

1. Основной конфликт - между "ведомством" и "территорией", причем "территория" - это коренной народ и очень чувствительная к нарушениям природы, а "ведомство" - это "колониальный стиль освоения богатств территории (начиная от проектировщиков, кончая эксплуатацией).

2. Обе конфликтующие стороны не отрицают необходимость освоения газовых ресурсов Ямала. Среди коренных народов есть часть настроенных категорически против.

Всем понятно, что газ - это источник благополучия и страны, и коренных народов. Однако его необходимо добывать, не принося ущерба "территории", а это требует вложения основных средств как в научные исследования, так и в совершенствование проекта и оборудования, а значит, снижает "барыши" отрасли и государства, особенно валютные.

Коренной народ же считает, что он вправе участвовать в прибыли от добычи газа и жить значительно лучше за счет того, что это "исконно" его территория.

3. Если "покорители", уйдут с Ямала, то "аборигены" будут постепенно вымирать, о чем свидетельствует статистика ("Новая Земля", цивилизация).

Если "покорители" придут со старыми решениями, то "аборигены" исчезнут очень быстро.

Если "покорители" придут с новыми технологиями, то возможен расцвет "этноса и уровня жизни".

4. Для меня наиболее приемлема позиция "в". Это возможно на основе человеческих приоритетов как в отношении к коренным народам, так и к природе.

Баланс интересов необходимо значительно скорректировать в сторону коренных народов.

По поводу того, что "в-третьих": в том-то и беда, что необходима стратегия, нацеленная на еще более совершенную индустрию, но с учетом интересов аборигенов.

В-четвертых, противиться будет бюрократическая верхушка, так как она лишается "барышей".

Об этике Севера.

1. Этика Севера - уникальная своей "деликатностью", все системы Севера имеют очень малый запас устойчивости.

Консенсус приходит в процессе получения знаний об этой особенности.

2. Дело не в региональном делении, а в очень маленькой грани, отделяющей сбалансированное развитие от катастрофы.

Это то же самое, когда у Вас осталась последняя спичка и от нее зависит жизнь или смерть.

Г.С.Чеурин

ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ НА НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЭТИКИ СЕВЕРА

1. Природа "ямальского конфликта", на наш взгляд, заключается в искусственности энергетических потребностей страны.

Ситуация, когда общество, потребляя энергию (газ), не может обеспечить планомерную (экологическую) добычу энергоресурсов, свидетельствует о несбалансированности самого общества, не более того.

Блестящий пример разрешения подобного конфликта - энергетический кризис 70-80-х годов в развитых капиталистических странах.

Вспомним: страны ОПЕК резко подняли цены на нефть, поставив страны Запада на грань энергетического голода. Это, как известно, способствовало началу бурного освоения Западно-Сибирских нефтегазовых месторождений. Однако перед угрозой финансового краха саморегулирующаяся рыночная экономика нашла простой выход - развитие ресурсосберегающих технологий. И через 7-8 лет уже экспортеры нефти - опять же год угрозой разорения - вынуждены "были" снизить цены. А новые технологии остались! Таким образом, рынок чисто финансовыми рычагами провел "экологизацию" производства как среди поставщиков, так и потребителей.

2. С точки зрения "освоителей":

"Я сам не потребитель газа, я всего лишь передаточное звено. План для меня - закон. Перестройка экономики - дело долгое, а жить надо сегодня. Да и саму "перестройку" надо обеспечить энергией. Коренное население уже необратимо повернуло в сторону "европеизации" своего образа жизни. А без меня, "освоителя", им с этой задачей не справиться".

Выражать точку зрения коренного населения мы не считаем этичным, т.к. не принадлежим к данному этносу. Практически любая "экспертная оценка" такого рода со стороны представителя другого народа способствует лишь углублению межнационального напряжения.

3. С точки зрения "арбитра":

"Не выжить" в случае ухода "покорителей" коренные народности могут лишь при условии, если в укладе их жизни к тому времени наметятся необратимые последствия "европеизации". Этот момент, на наш взгляд, еще не наступил, но близок. Затягивание времени, естественно, на руку "покорителям".

Полное (либо частичное) поражение "покорителей" вызовет всплеск национального самосознания у коренного населения, поднимет в их же глазах самооценку собственного образа жизни, местной культуры и т.д. В таком

случае и "европеизация" будет протекать так, чтобы не подминать под себя сложившиеся веками обычаи и традиции.

Судьба "покорителей" в случае гибели Ямала будет похожа на судьбу авторов и режиссеров драмы "культы" и "застоя". Ямал, возможно, не успеет умереть при их жизни, но детям и внукам стыдно будет носить фамилии своих отцов!

4. В отношении трех тезисов:

а). "Ямал должен быть освоен..."

Чисто технократический подход, ориентированный на категорический отказ от поисков альтернативы. Этот тезис поддержат люди, привыкшие мыслить категориями "пятилетних планов", начисто отвергающие долгосрочное (на 25-30 лет и более) прогнозирование.

б) "... продолжению освоения нет оправдания".

Тезис спорный, т.к. ведет к политиканской истерии. Социальные процессы невозможно "включать" и "выключать" по чьей-то прихоти. Поддержку тезис получит в первую очередь у сторонников срочного ниспровержения всего старого и отжившего, т.е. у "перестройщиков" крайне экстремистского толка. Тема живая, больная, и "правильно" эксплуатируя ее, можно нажить неплохой политический капитал.

в) "... сбалансировать интересы сторон"

Основным приоритетом при этом должен считаться тот факт, что коренное население в силу специфики своего образа жизни обладает уникальными основами гуманитарно-экологического мышления, навыками общения с природой, практически полностью утраченными в обществах с "европейской" культурой.

Если перед всем человечеством встанет угроза экологической катастрофы, а значит, проблема глобального выживания, то наиболее вероятно, что завтра "покорители" в лице россиян, а также других народов нашей страны вынуждены будут поучиться у коренного населения Севера основам уже упоминавшегося гуманитарно-экологического мышления. Причем такое "обучение" в условиях контакта двух этнокультур возможно лишь при признании и сосуществовании (в тесном контакте!) взаимоисключающих ценностей.

Если говорить об "условной шкале" баланса интересов, то таковой, несомненно, должен быть ближе к интересам коренного населения, т.к. все проблемы замыкаются все-таки на их территорию, на местных жителей, которые, в отличие от "покорителей", альтернатив не имеют!

О "паритете ценностей", связанных с двумя основными формами природопользования на Ямале - аборигенной или индустриальной.

Сама идея упорного отстаивания индустриального направления наряду с традиционным из того же арсенала, что и набившие оскомину заклинания типа "... наряду с развитием рынка - незыблемость социалистического выбора...".

О других, противящихся "ямальскому консенсусу".

За период уже упоминавшегося "энергетического кризиса" на Западе и связанных с этим практически дармовых "нефтедолларов" в СССР сформировался пласт руководителей номенклатурного уровня, не способных ощутить реальную конъюнктуру рынка, а тем более отреагировать на ее изменение. Стабилизация существующего положения - и даже максимально возможное затягивание решения проблемы - на руку данному социальному слою.

Этика Севера.

Сам термин "Этика Севера" родился неслучайно. Именно на Севере мы

имеем пример глобального, геополитического столкновения двух мировоззрений, двух принципов взаимоотношений человека и природы - европейского, "фаллоцентричного", ориентированного на освоение окружающего мира путем подавления последнего, и традиционно - "восточного", ориентированного на "вживание" человека в ситуацию. Данное противостояние существует также и на Юге, но для конкретного человека там оно проявляется в сравнительно редкие моменты специфических заболеваний, вовлечений человека в международные конфликты либо какие-то другие социальные катаклизмы. При всей значимости подобных событий они носят все-таки локальный характер и вовлекают в себя 15-20% населения, не более.

На Севере же к данным факторам добавляются чисто природно-географические: постоянный холод и ветер зимой, гнус летом, полярная ночь и полярный день, кислородное голодание и т.д.

Эти факторы вкуче с перечисленными ранее социальными приводят в итоге к наличию у "пришлого" населения (в отличие от коренного) "синдрома полярного напряжения" (Казначеев В.П.). И этот глобальный водораздел постоянно ощущает практически все население региона. Проблемы, рожденные этим столкновением, настолько глобальны, настолько мало изучены, что неизбежно возникает желание раздробить их, выделить "свою" минимальную экологическую нишу и работать, не выходя за ее пределы. Этим и объясняется тенденция "экологического" местничества. Таким образом, этноэкологический конфликт на Ямале (и не только там) - следствие контакта двух этнокультур, возникающих при этом проблем и полного отсутствия не только программ их разрешения, но даже и работ по их изучению.

В условиях декларативного "полного решения национального вопроса в стране" такие исследования были, естественно, невозможны. Наши неоднократные предложения изучать особенности этноса с целью пропаганды и развития иного видения мира у "пришлого" населения поддержки, к сожалению, не получали.

Поэтому мы особенно приветствуем и поддерживаем упоминающуюся в опроснике "ориентацию на нравственные ценности этики Севера, их культивирование..."

Впрочем, мы и здесь, как всегда, не оригинальны. История великих колониальных систем (Великобритании, Франции и России в том числе) изобилует такими примечательными фактами, когда генерал-губернатор, назначаемый метрополией в провинцию, отказывался принимать должность до изучения нравов, обычаев и традиций коренного народа, вплоть до совершенного владения местным языком.

Изучение опыта миссионерской деятельности, ранее представляющейся исключительно как реакционной - еще один "полузакрытый родник" для исследователей.

Идея создания на Севере эколого-культурологических полигонов, где возможна разработка комплексной программы разрешения конфликтов типа "ямальского", излагалась нами в сборнике "Арктическая политика: человеческое измерение" (Тюмень, 1990).

РЕШЕНИЕ ЯМАЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ – ЧЕРЕЗ МЕЖДУНАРОДНОГО РОСРЕДНИКА

Любая территория нового освоения, в том числе полуострова Ямал с углеводородными ресурсами, во все периоды имеет полисубъектную систему интересов. Эти системы интересов определяли деятельностные рамки субъектов, которые имели перекрывающий (поглощающий) характер.

Рамки интересов ведомственных субъектов узаконивались юридически (и подзаконными) актами. Пришлые "освоители" – носители интересов ведомств и узкоутилитарных индивидуальных интересов; коренные народности Севера – носители интересов легкоуязвимой самобытной культуры. Субъектное поле можно было бы расслоить в еще большей степени, т.к. каждый из этих сторон неоднороден. Например, субъекты национальных интересов содержат следующие группы: желающие сохранить исторически приобретенные ценности сообщества; погружившиеся в смесь ценностей своего народа и прошлого; коллаборационистской ориентации с вытеснением родовых ценностей привнесенными.

Эта мозаика интересов есть сегодняшняя реальность человеческой ситуации на Ямале. Она – мозаика – была всегда, но степень выживания интересов "вовне", "для других" была в разные периоды различна.

Сейчас, в процессе предъявления интересов субъектов "вовне", обозначилась сильная организационная основа. Значение интереса отчасти определяется степенью его звучания. Такое понимание обусловило организационную консолидацию единомышленников, использование средств массовой информации.

Однако в этом процессе появляется новый бюрократический субъект, который отсутствовал на ранних стадиях "предъявления интересов". Это - институциональные структуры, включающие руководящие органы и аппарат новых партий, ассоциаций, как со стороны коренного населения, так и со стороны ведомств и местной власти. Возникает опасность консолидации этих субъектов, чьи интересы не в полной мере отвечают интересам стоящих за ними групп.

В этой связи уместно вспомнить провозглашение Ямало-Ненецкого округа суверенной республикой. Чьи интересы оно выражало? Есть версия - ведомств вместе с окружными Советами. На каком уровне произошло провозглашение? На уровне институциональной структуры – сессии окружного Совета народных депутатов.

Отвечает ли политический суверенитет интересам коренных жителей? Несомненно, т.к. отражает их желаемые права. А в какой степени он достигается провозглашенной декларацией о суверенитете? Ни в какой, т.к. правомочия собственности на природные ресурсы не передаются коренным жителям.

Ямальский конфликт сдвинулся в формальную фазу – борьбу институциональных властных (законодательных и исполнительно-распорядительных) структур. Это фаза не согласования, а подавления интересов, она в большей степени основывается не на уступках, а на логическом признании безысходности принятого курса на освоение ресурсов.

В сохранившемся замкнутом наборе субъектов интересов этот конфликт не разрешим гуманитарными методами. Общую этику выработать в таком замкнутом субъективном пространстве нельзя.

Единственный способ, как кажется, - добавить в число конфликтующих субъектов нового с признанным авторитетом. В качестве такого посредника может выступать ООН или его специализированное подразделение - ЮНЕСКО. Преимущества включения нового субъекта международного уровня в том, что он вносит не только новый интерес - общечеловеческие ценности, которые из его уст звучат более убедительно, чем от внутренних субъектов, но и в том, что он может практически принять участие в "разведении" конфликтующих сторон" за "демаркационную" линию".

ООН, в принципе, может стать инициатором международной программы по спасению (сохранению) Ямала, т.к. его уничтожение скажется и на состоянии мирового сообщества. В этой программе может быть предусмотрено предоставление рабочих мест пришлому населению вместо их работы на Ямале в других регионах мира или привлечение для освоения ямальских ресурсов в скромных размерах западных технологий. Для коренного населения ООН может решить вопросы, связанные с охраной здоровья, повышением качества жизни.

Такой подход выводит решение проблемы Ямала из тупиковой зоны. Ни одна сторона добровольно не уступит, ее надо либо подавлять, либо чем-то более интересным привлекать. Первое - уже не проходит, второе - страна, в частности и Россия, не может обеспечить.

Возможно, для проблемы Ямала удастся на международной основе сынициировать уникальный интеграционный процесс, подобный протекающему в Западной Европе, который войдет в Россию не через ее европейскую часть (как это логично можно ожидать), а через Арктический Север.

А.Южаков

... КОГДА "МИГРАНТ" ... ЗАДУМЫВАЕТСЯ НАД СУДЬБОЙ РОДИВШИХСЯ ЗДЕСЬ ДЕТЕЙ

1. Суть ямальского конфликта - в различии подходов к природопользованию, которые условно можно разделить на "технологический" и "общечеловеческий". Формы проявления конфликта также различны: они включают в себя противоречия между ведомствами и традиционной культурой, между центром и регионом, между поколениями и т.д.

2. Исходя из объективной ситуации, резко сократить добычу газа в ближайшие 2-3 года не представляется возможным. Но, безусловно, необходимо кардинально менять стратегию освоения: прирост добычи газа должен осуществляться за счет совершенствования ее технологий на уже освоенных месторождениях. Разведанные месторождения (на Ямале особенно) должны быть законсервированы минимум на 10 лет.

Необходимо также постепенное сокращение поставок сырого газа на экспорт и осуществление программы переработки его в регионе.

Аргументы для коренных жителей: в условиях платного природопользования при жестком экологическом и общественном контроле на строго ограниченных территориях добыча полезных ископаемых может стать одним из основных источников инвестирования экономических, социальных и культурных программ развития коренных жителей. Например, в оленеводстве появится возможность создать мощную перерабатывающую базу получаемой от этой

отрасли продукции.

Возможно будет создать фонд и разработать программу восстановления разрушенных и уничтоженных пастбищ, водоемов, лесов, привлечь к решению данного комплекса проблем значительные научные силы не только нашей страны, но и зарубежных ученых.

3. Убежден, что коренные народности вполне способны выжить в случае ухода "покорителей" Ямала. Возникнут проблемы с восстановлением разрушенных угодий, замедлится программа социально-экономического развития национальных поселков. Но в целом эти проблемы решимы при условии разгосударствления традиционных отраслей, реализации идеи полной автономизации и экономического суверенитета округа. Сегодня коренные народности Ямала, по сравнению с другими регионами Крайнего Севера, смогли сохранить свое традиционное хозяйство и культуру, вырастить достаточно многочисленный отряд своей интеллигенции, специалистов, позволяющий реализовать на практике идеи самоуправления.

Судьба покорителей в случае их полной го беды - незавидна и непредсказуема.

Считаю приемлемым вариант "в": приоритеты могут быть следующие:

- платное природопользование;
- полное возвращение рекультивированных территорий и угодий в традиционное природопользование после использования в промышленных целях;
- справедливое распределение прибыли от продажи полезных ископаемых.

Баланс интересов должен лежать ближе к интересам коренных жителей. Например, одновременно под промышленным освоением в округе не должно находиться более 10 процентов его территории.

Идея паритета ценностей не имеет убедительного морального обоснования: аборигенная форма природопользования имеет заметные морально-этические преимущества, проверена историческим опытом. Однако она не является уникальной: подобные особые отношения Этноса с Природой можно встретить и среди аборигенов Австралии, Южной Америки, Африки, хотя формы природопользования различны. Много общего в этике северных народов и с этикой российского крестьянина, и аравийского бедуина, поскольку в основе их хозяйства также этноэкологическая этика. В основе же этики "освоителей" лежит именно технократический подход к этическим, моральным проблемам. Консенсус между ними возможен лишь при условии принятия "освоителями" именно общечеловеческой этики, что может произойти, только тогда, когда "мигрант" станет "оседлым" жителем данной местности и задумается над судьбой родившихся здесь детей.

КТО РАЗОБЬЕТ КРИВОЕ ЗЕРКАЛО?

(Ямальский конфликт глазами и языком его участников:
социологический анализ средств массовой информации)

Ямал представляется своего рода метафорическим пространством, вмещающим разномерные и разноуровневые диспозиции и оппозиции, обозначаемые одними и теми же словами, но с несовпадающими, а часто и противоположными смыслами.

Совмещение несовместимого... Сосуществование разновременных, разновекторных тенденций, миров... с различными онтологическими основаниями... И так называемый "ямальский конфликт" как точка схождения, словосочетание-конфигуратор, момент не истины, а начала движения к ней...

Как нечто мыслимое ямальский конфликт структурирован: первоначально - по процессам-тенденциям, приписываемым ему в качестве содержания.

Первый процесс, многоаспектный в своей конфликтности, можно определить понятием из сферы катастрофики - "экоцид". Конечно, употребленный термин - из разряда "пограничных". Но, судя по выступлениям общественности, ситуация в природопользовании видится в драматической, а то и в трагической окраске.

Н.Воронцов (предс. Госкомприроды СССР): "Итог министерского надругательства над природой - деградация экологических систем и резкое ухудшение условий жизни коренного населения" ("Красный Север", май 1990, № 20).

В.Соснин (с.н.с. экологического стационара Уральского НЦ АН СССР): "Безусловно, вторжение в природу Ямала имеет явно отрицательные последствия" (Вестник Заполярья, 25 сент., 1990).

Н.Петровский (активист экологического движения на Ямале): "Ведомства - освоители, советская власть, руководящие органы КПСС округа и области должны публично... признать, если, действительно, так считают нужным: "Да, ямальский газ Родине необходим немедленно, и альтернативы ему нет, поэтому мы вынуждены принести газу в жертву Ямал с его тундрой, рыбой, оленями и народом". Это "вопрос, который является главным и который необходимо признать сутью ямальской проблемы..." ("Красный Север", май 1990, № 18).

Высказывание Н.Петровского несет в себе типичную сильную оппозицию "власть (экономическая, государственная, идеологическая) - общественность". Власть - жестока и корыстна, общественность служит во имя народа и бескорыстна. Н.Петровский: "Почему выступления "зеленой" общественности против варварского освоения полуострова встречают яростный протест...? Кроме ссылок на безальтернативность ямальского газа, сказывается заинтересованность больших и малых руководителей..." ("Красный Север", май 1990, № 18).

Итак, попирание элементарных норм природопользования налицо. "От железной поступи армады вздрагивает... тело полуострова Ямал. От привнесенного тепла... плавится вечная мерзлота, оплывают... массы грунтов, обваливаются... берега рек. Под первыми постройками, которыми любят их создатели, обнаруживаются ледокарстовые пустоты. Постройки проседают. Полуостров молчаливо протестует против методов и способов, технологий, пришедших из средней полосы..." (Е.Лебедев, госинспектор Ямало-Ненецкой ин-

спекции рыбоохраны. - "Красный Север", сентябрь 1990, № 39).

Экологическая безнравственность идет рука об руку с экологической преступностью. Таков второй план конфликта: он уже легитимировался и институализировался.

В.Лукичев (бывший нач. Государственной экологической инспекции при Ямало-Ненецком окрисполкоме): "Политика министерств ведомств, а в отдельных случаях ЦК КПСС и Совмина СССР не отвечает сегодня тем законам и положениям Конституции СССР, в которых закреплен тезис "все ради человека..." Наблюдается своеобразный геноцид по отношению к территории. Органы советской власти в... округе, с точки зрения земельного законодательства, довольно часто идут на поводу у министерств и ведомств. Окрисполком в деле охраны природы и землепользования не стоит на точке зрения соблюдения закона... то, что они делают в части промышленного освоения полуострова Ямал - явное беззаконие" ("Красный Север", февраль 1990, № 7).

Примечание: Во второй половине 1990 г. конфликтная ситуация была успешно "разрешена": Государственная экологическая инспекция окрисполкома вопреки протоколу Совмина СССР от 18 мая 1988 г. упразднена.

Корреспондент "Красного Севера": "Общественное мнение склоняется к тому, что таким образом убрали независимого председателя инспекции Лукичева..." ("Красный Север", октябрь 1990, № 40).

Л.Плескач (ст.помощник прокурора Ямало-Ненецкого автономного округа): "Обследование Ямала в местах начавшегося освоения со всей остротой показало, как необходима неотложная правовая защита Природы и Человека на этом полуострове. Необходимы не только предупредительные... но также меры административной и уголовной ответственности" ("Красный Север", январь 1990, №1).

Природа и Человек... Экология, человека... Экоцид и геноцид... Этносоциальное неблагополучие, "изгнание из Рая"... Это - вторая ипостась "ямальского конфликта", процесс опредмечивания, персонификации в автохтонах всех деструктивных начал экономической, культурной и социально-политической экспансии.

В.Лукичев: "Геноцид коренного населения можно трансформировать в геноциде земли. Дело в том, что люди эти сегодня зависят от того состояния, в котором находится природная среда, ведь они не оторвались от нее, в отличие от нас" ("Красный Север", февраль 1990, № 7).

Охотники-ханты (всего 92 подписи): "Нас выгоняют с наших законных земель, угрожают нам, говоря: "Все равно вас выселим, не дадим вам жить. Стране нужна нефть, даже ценой вашей жизни. Мы создадим вам невыносимые условия". Помилосердствуйте!" ("Красный Север", март 1990, № 12).

Н.Шамсутдинов:

"Ждали в тундре друзей,

а меж тем

Так прошли по избитой земле

новоселы,

Подсекая хозяевам корни, что тем

Либо в поисках новых

угодий скитаться...

Либо спиваться –

Нет исхода на отчей земле..."

("Красный Север", июнь 1990, № 24).

Такова идеологема, лейтмотив восприятия социокультурных реалий освоения полуострова местной интеллигенцией. Судя по содержанию и смысловой направленности публикаций в национальной прессе, наблюдается тенденция развертывания и углубления в сознании представителей коренных народностей этнокультурного мифа эсхатологической ориентации, включающего, по крайней мере, две сквозных темы: 1) об этническом благополучии Ямала, напрямую выводимом из господства доиндустриальных форм природопользования; 2) о его разрушении с приходом нефтегазодобывающего сообщества с психологией "перекати-поля".

К.Хороля, А.Анагуричи, Н.Харючи и др. (всего 50 подписей) оленеводы совхоза "Ныдинский": "Сотни тысяч временных поселенцев из центральных регионов приезжают на Север, искренне полагая, что он ничей, что они здесь первые и все принадлежит им по праву покорителей. Но тысячи лет северные земли и воды кормили своих истинных детей-ненцев, ханты, селькупов, зырян. Эти люди выработали законы общения с природой. И только они, а не варвары-освоители должны пользоваться по своему усмотрению землей и теми богатствами, что в ней есть ("Красный Север", апрель 1990, № 17).

Эта своего рода "декларация естественных прав человека" недвусмысленно обнажает дихотомию "собственно человек - варвар", уже широко живущую в дискурсе автохтонов. Эта оппозиция стара, как мир - извечный продукт столкновения в едином пространстве несовместимых социокультурных парадигм.

Причем патриархальное население в этом смысле не является ведущей стороной: его представители просто-напросто зеркально присвоили логику поведения и оценки, сформированные в отношении их отраслевым населением.

П.Макаренко (директор Тарко-Салинской школы-интерната): "Хотя в лучшую сторону изменилось отношение в целом к коренному населению и к его детям со стороны приезжего населения,... забота о детях коренных национальностей - пустой звук без восстановления полной справедливости по отношению к их родителям. Даже ребенок не поверит, глядя на бесцеремонное поведение некоторых геологов и добытчиков нефти и газа, что это действительно интернационалисты. Трудно говорить с детьми из тех мест, где был раньше их родной очаг, лес, река, могилы предков, которых уже на сегодняшний день там нет... Как ранят ребячью душу неосторожно и безответственно брошенные слова прохожих - и взрослых, и детей - о какой-то их неполноценности или просто принадлежности к коренной национальности, сказанные с язвительной интонацией, враждебно..." ("Красный Север" май 1990, № 20).

А.Янгасова (преподаватель Салехардского педучилища): "Мы, северяне, никогда не думали о национальной розни, пока не стало оскверняться самое дорогое для нас: святые места, захоронения, пока не стали стрелять наших оленей. Человек на Севере оказался беззащитным, но ведь и нам нужно как-то защищаться от великого нашествия техники и бескультурия освоителей. И называть нас за это экстремистами нельзя ("Красный Север", январь 1990, № 4).

В.Камитов (г.Надым): "К сожалению, не привыкло русскоязычное население интересоваться делами коренных северян". ("Красный Север", январь 1990, № 3).

Нарастание маргинальных начал в самосознании, переживание собственной социальной ущербности представителями коренных народностей стали в настоящее время атрибутивными характеристиками этносоциального воспроизводства.

Н.Хатанзеева (работница совхоза "Ныдинский"): "А что мы имеем за долготруд в тундре? Практически ничего. Оленевод пошел на пенсию, и его забывают. А приедем, проработавшим 15 лет, на "Большой земле" могут дать квартиру, или они могут купить кооперативную квартиру. Нам же никто не предложит благоустроенную квартиру даже в Надыме" ("Красный Север", август 1990, № 33).

В.Камитов: "Бурное индустриальное развитие шло параллельно с деградацией в его старожильческой части. Ветшает в селах жилье, построенное в пятидесятые - шестидесятые годы. Забвением покрываются уходящие в глубокое прошлое местные традиции. Становится реальностью грозный призрак безработицы..." ("Красный Север", январь 1990, № 3).

Характерно, что рефлексия, базирующаяся на "динамике ухудшения" ретроспективных суждениях, в конечном счете находит "институциональные" причины объяснения сегодняшнего положения дел.

В.Камитов: "Старожилы в очень привлекательном свете воспринимают колхозное прошлое... Жилось бедновато, но чувства безысходности не испытывали... Ничего этого нет сейчас и в помине. По недоброй воле административных понукателей" ("Красный Север", январь 1990, № 3).

Г.Мерзосов (депутат Пуровского райсовета, редактор районной газеты "Северный луч"): "Чем же иным, как не патернализмом, была все эти годы политика государства по отношению к малым народностям Севера?" ("Красный Север", июнь 1990, № 25).

Н.Раппопорт (рук. группы ОКП ин-та Тюменьагропромпроект): "У нас в округе с высоких трибун часто раздаются жалобы на засилье ведомств. Ведомства разрушают природную среду обитания народов Севера - да, разрушают. Ухудшается от этого положение коренных северян? Да, ухудшается. Но еще больше страдают жители поселков от бездушия чиновников местных Советов, пренебрежительного отношения к ним администраторов совхозов, торговых работников, работников правоохранительных органов" ("Красный Север", февраль 1990, № 7).

Н.Ядне (нач.отдела кадров управления механизации ПО "Арктикнефтегазстрой"): "Партия должна хотя бы извиниться перед народом за то, что народ оказался в таком плачевном состоянии... Я давно убедилась в том, что национальными кадрами у нас никто не занимался. В течение многих лет в нас, в том числе и во мне, не видели ни партийного, ни советского работника" ("Красный Север", июнь 1990, № 23).

С.Харючи (предс. ассоциации "Ямал - потомкам!"): "Совершенно не учитывалось представительство этих народов в руководящих органах. А потом разводим руками и удивляемся: откуда такая иждивенческая психология у этих народов" ("Красный Север", июнь 1990, № 29).

В.Лукичев, А.Херсонский - корреспондент "Красного Севера": "Кто возразит, что вина за все погубленные пастбища, земли, охотугодья... здоровье людей лежит именно на местных партийных и советских органах?" ("Красный Север", январь 1990, № 4).

П.Чеканов (персональный пенсионер, г.Салехард): "В Приуральском, Ямальском, а теперь и в Тазовском районах председателями райисполкомов являются ненцы. Пока их работы в защиту интересов коренной национальности я не вижу" ("Красный Север", март 1990, № 19).

Н.Ядне: "Под руководством КПСС малочисленные народы Севера лишены права быть хозяевами своей земли, остались на грани вымирания.

Варварски разрушена вся тундра, земля моих предков. Я больше не желаю быть соучастницей обмана и преступлений против своего... народа" ("Красный Север", ноябрь 1990, № 44).

Исходя из приведенных суждений, можно сформулировать тезис о трех формах отчуждения коренного населения: от социальных институтов, политических, политики в области национальных отношений. Следовательно, необходимо говорить о социально-институциональном, политико-институциональном и политико-идеологическом содержании ямальского конфликта. Причем первая форма отчуждения специалистами в вопросах истории национальных отношений связывается с тотальной заменой в конце 50-х - начале 60-х годов колхозных социально-экономических структур совхозно-государственными (Л. Хомич, научный работник, г. Ленинград - "Красный Север", июль 1990, № 29).

Однако в условиях социально-политического тоталитаризма конфликт "жил", осуществлялся латентно, на уровне индивидуальных носителей этносоциального, проявляясь в первую очередь через широкую алкоголизацию населения и повседневно-бытовую деградацию. Но именно скрытый социально-институциональный конфликт потенцировал и дал первотолчок скандальному и малоуправляемому политико-идеологическому противостоянию после 1985 года.

Изменение политического режима сделало невозможным типично имперский путь индустриальной оккупации Ямала, повторение "среднеобского" сценария, так как заговорило "всегда молчавшее меньшинство" - общественность и национальная интеллигенция; возникло как постоянный фактор местной политической жизни давление общественного мнения на институты власти. Аппарат оказался между двух огней: ведомственно-имперских и национально-демократических структур. Бонапартизм стал стилем местного политического и государственного руководства.

В.Лукичев, А.Херсонский: "Характерным для политики местных властей в отношении ведомственной экспансии было публичное (мы не побоимся этого выражения) заигрывание с народом в форме принятия необязательных для выполнения решений (типа: "прекратить финансирование, строительство...", "предупредить" и т.д.), а подлинная привязанность выражалась в попустительстве незаконному, варварскому наступлению ведомств" ("Красный Север", январь 1990, № 4).

Однако пространство для лавирования власти на окружном уровне, как показали последние события, оказалось недостаточным. Шаткое статус-кво обернулось острым конфликтом местных властных структур с региональным центром.

К.Баранов (зав.орготделом президиума Ямало-Ненецкого окр. совета): "... по большому счету, окрсвету отводится роль сельсовета. Тюмень "забирает" себе промышленную зону округа, а нам оставляет лишь сельское хозяйство. Округ, естественно, не устраивает такое положение. Если декларация - это набор прав субъекта федерации, то мы настаиваем на основном праве - праве собственности на землю, недра, воды и т.д. Ради этого и требуем суверенитета. Если же мы войдем лишь частью в Тюменскую республику, то будем иметь только лишний карман" ("Красный Север" октябрь 1990, № 40).

Но за внешне целесообразным высказыванием стоит вопрос о политических предпосылках внутриокружного порядка, позволивших пойти на принятие Декларации о государственном суверенитете Ямало-Ненецкой республики.

Как ни парадоксально, именно близость точек зрения на проблему суве-

ренитета Ямала антагонистов - отраслевого и патриархального сообществ - создала возможность если не разрешения, то хотя бы выведения конфликта (очевидно, условного) за пределы округа.

С.Харючи: "Необходимо повышение статуса Ямало-Ненецкого округа до автономной области... и ... интеграция с Таймырским автономным округом... образование на базе округов автономной республики" ("Красный Север", февраль 1990, № 5).

У.Кушубаев (геолог объединения Ямалгеофизика): "Необходимо "создание в ближайшие год-два Ямало-Ненецкой автономной области..." ("Красный Север", июнь 1990, № 23).

Вместе с тем можно говорить о новом, сопутствующем ямальскому конфликту факторе - образовании течения в общественном мнении по сугубо политическому основанию: несогласию с повышением статуса автономии Ямала как форме снятия аккумулированных ранее противоречий. То есть гомогенность "демократического этно-экологического движения" оказалась иллюзорной.

Н.Вандышев (депутат Шурышкарского районного Совета): "... проявлением возрождающегося ... национализма... является проект Декларации... о суверенитете Ямало-Ненецкой республики, где даже в названии не учтены интересы всех коренных народов Ямала... мы сажаем на... шею новоиспеченных микропрезидентов и микроминистров" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Н.Раппопорт: "... повышение статуса автономии выгодно чиновникам гос- и партаппарата" ("Красный Север", февраль 1990, № 7).

Итак, с одной стороны, "этноотраслевой комплекс" с "комплексом суверенитета", с другой - "новая консервативно-охранительная волна". Феномен "совмещения несовместимого" налицо.

Обрисованная динамика требует анализа уже не внешнего содержания, не объективной стороны "Ямальского конфликта", а субъективной, интенциональной.

Отбрасывая политические коллизии, необходимо вернуться к двум "чистым" субъектам, мыслимым нами в качестве репрезентантов конфликта и обладающим общностью местопребывания: коренному населению и индустриально-отраслевому.

Что значит место, именуемое полуостровом Ямал, для каждого из оппонентов?

А.Янгасова: "Тундра оставлена мне в наследство предками. Правда, моего чума давно уже нет, но раньше я могла его поставить в любом месте, потому что все это - моя родина, а я в ней хозяйка. Так раньше считалось. Сейчас все по-другому. Вокруг исковерканная земля - результат работы "освоителей Севера". Идет медленное генетическое уничтожение северных народов: вода отравлена нефтепродуктами, земля - химикатами. Началось уничтожение нравов, морали, языка, культуры. Ненецкая писательница Анна Неркаги... назвала все происходящее на Ямале колонизацией. Да, я повторяю то же самое слово. Действительно, у нас идет настоящая колонизация" ("Красный Север", январь 1990, № 4).

Очевидно, "финалистская" окраска приведенного высказывания вовсе не прием политико-идеологической драматизации, литературной экспрессии, а следствие экотопологического мироощущения, разрушения синкретизма повседневной жизнедеятельности коренного населения с местом, в котором оно протекало всегда. Для патриархального человека, являющегося частью при-

родного ландшафта Ямала, он выступает тотальным и в этом смысле единственно адекватным местом жительства. Поэтому мировосприятие и дискурс могут строиться из естественной онтологии места жительства как базиса этносоциального опыта. В таком ракурсе "плохим" человеком, "врагом" выступает не социально-политический субъект (хотя, с точки зрения "отвлеченно-цивилизованного" знания, такие антагонисты имеются), который может проводить негодную этиокультурную политику, но не затрагивать экологическую нишу, а индустриально-технологический агент, с неизбежностью нарушающий оптимум ландшафтного природопользования.

"Гостеприимство как универсалия культуры" (терминология Т. И. Ойзермана) исключает дилемму: либо гость, либо враг. Парадигматика патриархально-естественного мышления такова, что отъявленный негодяй (например, русификатор-сталинист) всегда являлся "гостем", так как не вмешивался и не имел интереса, способов вмешательства в онтологию извечного уклада. Напротив, сверхпрестижный в парадигматике индустриального мышления освоитель-прогрессор всегда - "враг". И чем шире, глобальней он осуществляет свою миссию, тем более дает материала для "сатанизации" собственного образа в сознании местного населения.

Думается, нет оснований подозревать представителей отраслевого населения в неискренности, когда они выражают обиду и возмущение атмосферой враждебности, которой их окружило коренное население.

А.Москаленко (рабочий треста Ямалгеолстрой): "Получается так, что в ... ведомствах работают совершенно чужие люди - как будто из загранки, а поэтому они русского языка не понимают и совершенно безразличны к проблемам округа" ("Красный Север", сентябрь 1990, № 39).

А.Вылиток (зам.главного инженера ПСМО Ямалтрансстрой): "К сожалению, еженедельник "Красный Север" занял одностороннюю позицию в освещении проблем экологии... "Туда нельзя, сюда нельзя, никуда - нельзя..." Решение может быть одно: взвешенный подход к различным точкам зрения, наличие гарантий от шараханья к крайностям... Железные дороги... нигде... не несли черное начало в отношениях людей, а служат и будут служить как лучшее средство сообщения между людьми... Надо, чтобы железная дорога... не только не затронула коренные интересы местного населения, а способствовала улучшению его жизни" ("Красный Север", март 1990, № 12).

С.Копылов (нач.отряда охраны недр и окружающей среды ПО Уренгой-нефтегазгеология): "Я, как представитель службы по охране окружающей среды объединения, могу уверенно сказать, что ни один... будь то руководитель или рабочий, не приехал на Север для того, чтобы своим трудом губить природу. Но они в настоящее время бессильны что-либо сделать, чтобы не наносить вред природе существующей технологией".

Работники ПМК-1 ПО Союзгазавтотранс (всего 90 подписей): "Мы не хотим, чтобы коренные малочисленные народы Севера и другие люди нашей страны, "потомки" видели и считали нас, строителей, виновными во всех бедах (экология и т.п.), которые коснулись полуострова Ямал. Сегодня, например, не поднимается вопрос о здоровье приезжих людей, работающих здесь" ("Красный Север", май 1990, № 18).

Т.Ковригина (генеральный директор ПО "Заполярьегазгеология"): "Нельзя, отстаивая интересы одних, в нашем случае коренных жителей, полностью игнорировать судьбы других... Многие мои коллеги крепко сроднились с землей, семьи пустили здесь корни, да и жилье на Большой земле есть далеко

не у всех... " ("Красный Север", июнь 1990, № 25).

В данном случае обнаруживается совершенно иная структура мышления, вытекающая не из онтологии места жительства, в его естественно-синкретической функции базиса социальной жизни, а из атрибутивной индустриальному укладу онтологической разведенности места приложения труда и места жительства. В этом смысле для отраслевого населения Ямал онтологически не тотален, более того, он объективно утилитарен. И аборигены как часть ландшафта выступают препятствием, которое необходимо преодолеть для достижения смыслоподдерживающей деятельности цели - извлечения природных ресурсов из недр. Остается вопрос о формах и способах нейтрализации этого "возмущающего" воздействия.

В условиях краха тоталитаризма "молчаливое" освоение стало невозможным, потому что, с одной стороны, рухнула идеологическая машина обеспечения экспансии, с другой - "заговорили" обездоленные этносы и "зеленая" общественность. Произошла также политизация советского дискурса, его наполнение антипартийным, антиаппаратным содержанием. Появились новые идеологемы и словесные штампы, своего рода "демократическая языковая конвенция" против символов, олицетворяющих "старое".

Эта иллюзорная конструкция и была использована интеллектуалами этнического и индустриального сообществ для "наведения мостов" посредством создания "объединительного" мифа о "козле отпущения" - Системе...

А.Грицаенко (инженер отдела охраны недр и окружающей среды ПО Уренгойнефтегазгеология): "Обвинять только ведомственную систему... не совсем справедливо - надо искать первопричину в сложившейся авторитарно-бюрократической системе" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

А.Анагуричи (предс. Кутопьюганского сельского Совета): "Быть ненцем, жить на своей земле и не заниматься своим традиционным делом - это очень обидно. К этому привели ошибки бывших работников окружкома партии, окрисполкома, их административно-командный метод работы" ("Красный Север", июнь 1990, № 23).

И как суперавторитетное резюме А.Солженицына (из работы "Как нам обустроить Россию"): "... ненцы, пермяки... манси... - и не перечислить всю дробность. Все они благополучно жили в царской "тюрьме народов", а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз".

Вот она, историческая схема-банальность, мода современного мышления: "досоветская власть - советская власть - нео-советская власть"... Все ясно, все становится на свои места: необходимо преодолеть Систему, то, что понимали под "советской властью" в "доперестроечные" времена. Во-первых, поменять человеческий материал (в политическом жаргоне - "аппарат"), во - вторых, сбросить коммунистические идеологические "шоры" (статья "реалистами"), в-третьих, отказаться от слепого иерархического подчинения ("взять" суверенитет).

Но имеется один никак не снимаемый "пунктик"- несмотря на любые новации содержательного, функционального и структурного планов - власть остается местной. Причем устанавливается такое положение дел: чем больше властных функций отбирается у внешнего к территории субъекта, тем больше противоречий, проблем макроуровневого генезиса остается на "месте", приобретая локальную "окраску". Между тем они также требуют для своего разрешения тех же макромасштабных ресурсов. Ресурсная же база остается прежней - местной.

Два типа ресурсов в настоящее время присутствуют на Ямале: 1) "доиндустриальные" - этническое население с присваивающим хозяйством, природный ландшафт полуострова; 2) "индустриальные"- отраслевое население с добывающей промышленностью, недра полуострова.

Н.Вандышев: "Так ли мы экономически независимы, имея газ, который по мере разработок иссякает, имея истощающиеся в экологически грязных водоемах рыбные запасы, оленеводство; прокормить себя - и практически более ничего? Так стоит ли рубить сук, сидя на нем?" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Из материалов пресс-опроса: "Я не против провозглашения республики. Тот положительный момент, что земля и недра будут принадлежать народам, которые здесь живут, многое перевешивает". "- Республика? Безусловно, крайне необходимое дело. В округе наконец-то должен появиться хозяин. Ведь все беды округа от того, что львиная доля доходов, получаемых на нашей земле, идет в союзный карман и там где-то растворяется. Округ выполняет роль сырьевого придатка Союза, порождая бездеятельность и отсутствие инициативы у номинальных его руководителей" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Собственно местными, территориально неотчуждаемыми ресурсами выступали этническое население и ландшафт.

Судя по духу и направленности публикаций, посвященных обоснованию целесообразности Ямальской республики, центральной задачей видится установление контроля местной власти над недрами полуострова, придание им статуса местного ресурса.

Отношение собственности, как минимум, включает три момента: владение, пользование, распоряжение.

Очевидно, недра остаются "вещью-в-себе" до тех пор, пока не начинается их промышленное освоение. В этом смысле собственность на недра, лежащие "мертвым грузом", еще является номинальной, условно полной, так как отсутствует момент пользования.

Для того, чтобы собственнику в лице Совета Ямальской республики реально пользоваться ресурсами для проведения местной социально-экономической политики (налоги, культурно-бытовое обустройство и т.п.), необходимо привлечь "внешний" ресурс - индустриальное население с добывающей промышленностью, неизбежно придав ему статус со-пользователя, причем даже и не столько в юридическом аспекте, сколько самим фактом целесообразного пребывания на территории полуострова.

Уже указывалось на онтологическую "двузначность", бытийственный дуализм отраслевого населения, когда ямальский ландшафт, в отличие от патриархального населения, опредмеченно является для него местом приложения труда. Модель же места жительства, его устройство в широком значении осуществляясь в форме Цивилизации (в просторечье - "Большой земли").

Существование на территории полуострова двух несовместимых способов природопользования и социальной жизни - посредством уподобления ландшафту и посредством его преодоления - создает динамику "шагреновой кожи": насколько опредмечивается в ландшафте политико-экономический ресурс местной власти (буровая, город, вахта и т.п.), настолько распрепредмечивается этнополитический источник (род, культура, язык).

Оставаясь номинально этнополитической (по топониму), и даже внешне форсируя это начало (по суверенитету), местная власть де-факто отказывается, вернее, институализирует в несоветских (рационально политических)

формах отказ от собственно местного (патриархального) социально-экономического уклада, уже сделав ставку на "разумное освоение газовых кла- довых Ямала".

Л.Баяндин (предс.Ямало-Ненецкого окружного совета народных депута- тов): "Совету нужно искать пути и формы делового, взаимовыгодного сотру- дничества промышленного комплекса... и традиционных отраслей" ("Красный Север", июнь 1990, № 22).

Р.Ругин (нар.депутат СССР, Член Верховного Совета СССР): "Мы все еще ведем с ведомствами разговоры о компенсационном строительстве, а должны биться за единую комплексную программу освоения... " ("Красный Се- вер", сентябрь 1990, № 35).

Г.Бурцев (предс.исполкома Ямало-Ненецкого окрисполкома): "... все кри- чат, что не надо быть сырьевым придатком, но выступают против того, чтобы продукцию производили у нас. Получается, что газ нельзя продавать, потому что позорно быть сырьевым придатком, а продукцию нельзя производить, по- тому что это вредно. Может быть, на более высоком уровне цивилизации наши отношения с природой станут более гармоничными. Но жизнь ведь не остано- вишь" ("Красный Север", октябрь 1990, № 40).

А.Кузин (зам.предс.Ямало-Ненецкого окружного совета народных депу- татов): "... мы... в окрсовете, осуществляя налоговую политику, будем обеспе- чивать право всех районов развиваться одинаково хорошо. Это будет... Пока нет... у окрсовета права на собственность, нужно бороться за это право" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Судя по всему, наблюдается процесс замещения местными структурами власти центральных в роли донатора по отношению к этническому населению. В этом аспекте явно прослеживается стремление местной власти получить взамен перекачивания части ресурсов из ведомственного сектора в традици- онный, грубо говоря, купить звание этнополитического центра.

А.Кузин: "Если окрсовет получил право собственности, то нужно пони- мать, что получил его ненецкий народ..." ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Г.Бурцев: "Если говорить о коренном населении... Кто берет на себя пра- во рассуждать от его имени? Отдельный человек и пять вместе с ним - это еще не коренное население" ("Красный Север", октябрь 1990, № 40).

Однако претензия власти на роль главного выразителя этно- политических интересов ставит ее в двусмысленное положение - всегда упус- кающей из внимания всю полноту частных проблем субъект-амальских этносоци- альных комплексов. Данная ситуация вытекает из бурной диверсификации эт- нотерриториальных параметров ямальского социума. Структура того же ненец- кого населения в районах бурного промышленного освоения, иерархия интере- сов резко отличаются от набора и конфигурации проблем представителей ко- ренных народов, проживающих в субрегионах, не имеющих прямого взаимо- действия с отраслевым сообществом.

Эти обстоятельства уже создали прецедент конфликта "Ямальского ок- руга с Ямальским районом", когда районная власть попыталась "перетянуть" к себе донаторскую функцию окружного центра путем прямого сращивания с ба- зирующимися здесь предприятиями топливно-энергетического комплекса ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Исторически сложилось так, что коренные жители не ненецкого происхо- ждения и старожильческое население локализовались в Салехарде (единст-

венном на полуострове "старом" городе) и территориально сопряженной с ним сельской округе. Оказалось, что именно этот субрегион, в отличие от более северных зон непосредственного обитания ненецкого этноса, не имеет промышленных запасов газа, то есть мыслится в рамках "политэкономии освоения" "бедным". Но вместе с тем это обстоятельство обеспечило возможность нанесения меньшего урона ландшафту и сохранения статус-кво в социальной структуре. Салехард традиционно выполнял роль "форпоста Империи", являясь властным и культурно-образовательным центром. А старожильческое население, в большинстве своем занятое административно-управленческими видами деятельности, всегда выступало культурно-политическим "буфером" между цивилизованным и патриархальным мирами.

Салехард никогда не являлся и, судя по всему, не будет являться "индустриальным населением". В данном отношении, в отличие от "новых" городов, он существует не как опредмеченное "место приложения труда", производное от промышленной экспансии в ландшафте, а как "место властвования", производное от контроля над населением, проживающим на территории. В этом смысле городское старожильческое население ("салехардцы"), в противоположность этническому и отраслевому сообществам, по-разному, но связанным с ландшафтом и конфликтом через него, в принципе выступает "трансландшафтным" субъектом и потому "над-конфликтным". С этим связаны две линии его поведения: первая - традиционно имперская, охранительная; например, салехардский городской Совет высказался против повышения статуса автономии, конфронтации с областным центром. Вторая - административно-посредническая ("буферная") между отраслевой цивилизацией и этническим окружением. Причем присвоение права перераспределительной функции (через повышение статуса Салехарда до административного республиканского центра) создает возможность под лозунгом "равномерного развития районов" присвоения им и его округой доли отчислений, производимых отраслями фактически за ущерб, принесенный в иных, более северных субрегионах.

Именно посредническая логика была концептуализирована в Декларации о суверенитете Ямало-Ненецкой республики через политическую институализацию дуализма типов жизнедеятельности населения полуострова и донаторства как способа сосуществования.

К.Баранов (зав.отделом президиума Ямало-Ненецкого окрсовета): "Экономический округ выжить сможет. Произойдет перераспределение прибылей, получаемых в промышленных зонах, в сторону развития инфраструктур коренной национальности. Правовые гарантии - закрепление за лицами коренной национальности природных богатств. И политические гарантии - это образование национальных районов, образование двухпалатного Совета" ("Красный Север", октябрь 1990, № 40).

Движение к политическому диалогу было бы невозможным без предварительной "экологизации" проблематики, перевода ее в рационально-научные формы с неизбежным внедрением в общественное мнение идеологии промышленного освоения, но в виде "рационального природопользования".

В.Соснин (с.н.с. экологического стационара Уральского НЦ АН СССР): "Газ нужно осваивать с минимальными потерями и средств, и природы и минимальным уроном местному населению. Все эти проблемы надо сначала хорошо продумать, решить, а затем проводить освоение с привлечением соответствующих технологий" ("Вестник Заполярья", 25 сентября 1990).

В.Лукичев (бывш.нач.Государственной экологической инспекции при

Ямало-Ненецком окрисполкоме), А.Херсонский (корреспондент "Красного Севера"): "Мы - за научно обоснованные подходы к развитию топливно-энергетического комплекса, за создание экологически чистых, безотходных, энергосберегающих технологий переработки углеводородного сырья. Но одновременно мы и за то, чтобы эти вопросы решались открыто, профессионально, в установленном законом порядке..." ("Красный Север", январь 1990, № 4).

Е.Лебедев (госинспектор Ямало-Ненецкой инспекции рыбоохраны): "Нефть и газ нужны государству... Но... цифры потребностей должны быть известны. Пусть это будет стоить определенных усилий экспертов-экономистов. Необходима отработка технологии и подходов... к добыче в регионе. Сегодня можно сказать, что признаки "ноу-хау" в этом направлении есть. Ямал, его пространства, его богатства флоры и фауны... должны быть не раздроблены на резерваты, а стать единой... территорией природопользования" ("Красный Север", сентябрь 1990, № 39).

Д.Зотов (зам.председателя Арктической комиссии Совмина СССР): "Ученым и техникам на местах придется разработать те методы, которые сохранили бы Ямал. К 1998 г. мы хотели бы получить от науки конкретные рекомендации на этот счет. Но сумеем ли мы к этому времени подготовиться? А если не сумеем, то будем принимать другие решения, хотя эти решения могут нанести удар по экономике... Приоритетное значение имеет социальное развитие народностей на Ямале, создание им определенной базы. И они сами ищут пути, как выйти из создавшегося положения" ("Красный Север", март 1990, № 10).

Такая постановка вопроса, в конечном счете, несмотря на ресурсные издержки, устраивает отраслевое сообщество, так как не ставит под угрозу целесообразность его пребывания на Ямале.

Т.Ковригина (ген.директор ПО Заполярнефтегазгеология): "Осваивать, но с природоохраняющими технологиями, с компенсационными мероприятиями ..." ("Красный Север", июнь 1990, № 25).

А.Грицаенко (инженер отдела охраны недр и окружающей среды ПО Уренгойнефтегазгеология): "Почему бы областному комитету охраны природы не проявить себя инициатором в проведении "ярмарки идей", разработок, связанных с решением экологических проблем... совместно с институтами и ведомствами?" ("Красный Север", октябрь 1990, № 41).

Если отраслевое сознание исходит из индустриально-рациональных способов погашения конфликтной ситуации, то патриархальное мышление строится на этносоциальных основаниях, пытается найти решение в реконструкции, восстановлении их самобытной, изначально "чистой" иерархии.

Во-первых, сформировано понимание базисного элемента реконструкции:

К.Мерзосов (депутат Пуровского райсовета, редактор районной газеты "Северный луч"): "Проявлением подлинной заботы о коренных народностях Севера стало бы решение о создании неприкосновенных ареалов обитания" ("Красный Север", июнь 1990, № 25).

Во-вторых, выделен в качестве ведущего культурно-политический механизм этносоциального воспроизводства:

В.Камитов (г.Надым): "Необходимо создать условия для раннего привлечения национальной молодежи к труду в традиционных отраслях хозяйства. Как это сделать? Сократить в разумных пределах время пребывания за партией, дать возможность побольше находиться с родителями и старшими соплеменниками в стойбищах, на промысловых угодьях" ("Красный Север", январь 1990,

№ 2).

Н.Ядне: "Необходимо организовать археологический и этнографический всеобуч во всех школах Надыма, Ноябрьска, Лабытнанги, Салехарда" ("Красный Север", июнь 1990, № 23).

Разумеется, приведенные сюжеты служат лишь иллюстрацией самого способа осмысления, подходов к решению проблемы этносоциального воспроизводства, не претендуя на описательную полноту.

Итак, "ямальский конфликт" как место встречи двух миров, говорящих на разных языках. С одной стороны - язык утопии плоского индустриализма, с другой - утопии этнокультурной. И их самоотчуждение в новомодных политических формулах. С помощью политической магии, как показала история, утопии имеют возможность претворяться в действительность. Какая из утопий станет действительностью Ямала? А, может, полуостров наконец-то явится тем местом, где не будет победивших и побежденных?

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Анкета	3
Агранат Г.А. (институт географии АН СССР, г.Москва). Снова об "арктических конфликтах"	6
Арбатов А.А.(Комиссия по изучению естественных ресурсов и производительных сил при Президиуме АН СССР). В рамках закона, на основе взаимности	8
Березин Л.С. (Ленинградский государственный университет). Северный конфликт: попытка этносоциологической оценки.....	10
Бестужев-Лада И.В. (Институт социологии АН СССР, г.Москва). Конкистадор - Миннефтегаз	14
Богомяков В.Г. (ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень). Жизнь мудрее всех теоретиков и всех экспертиз	16
Ганжин В.Т. (Академия народного хозяйства). Я - за соревнование двух стратегий.....	19
Ганопольский М.Г. (ИПОС АН СССР, г.Тюмень). Этос гуманитарной экспертизы и Этика Севера.....	21
Гольдберг Р.С., Гольдберг Т.С. (газ."Тюменские известия"; ТюмИИ). Идея суверенитета в ямальском конфликте.....	23
Гонтмахер Е.Ш. (ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, г.Москва). ... Необходимо вмешательство общественности.....	27
Донских О.А. (ИПОС СО АН СССР, г.Новосибирск). "Недокультура" освоения.....	28
Зотов Н.Д. (Тюменский университет). Может показаться, что я перестал сочувствовать аборигенам.....	31
Караченцева Т.С. (ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень). О неуместности гуманитарности в гуманитарной экспертизе.....	33
Крупник И.И. (Институт этнографии АН СССР). Создать прецедент цивилизованного решения.....	34
Кукевич Ю.А. (г.Лабытнанги). Противостоят – прагматизм и совесть.....	37
Лучанкин А.И.(Уральский государственный университет, г. Свердловск). О душе.....	39
Метаков М.М. (Благотворительный фонд "Тюменьэтнос"). Надо идти дальше.....	39
Омельчук А.К. (Тюменский областной комитет по телевидению и радиовещанию). Сибирь - последний экологический шанс.....	41
Пика А.И. (Институт, социально-экономических проблем народонаселения, г. Москва). Ложные социальные ориентации принести в жертву природе и справедливости.....	45
Прохоров Б.Б. (Институт социологии АН СССР, г.Москва). Может ли этика спасти Ямал?.....	48
Рочев А.Ф. Предс.райсовета, с.Мужи Шурышкарского района Тюменской области Выбираю позицию разумного, экологически безвредного освоения.....	52

Сагатовский В.Н. (Симферопольский государственный университет). Не мала ли этика для Ямала?	54
Соколова З.П. (Институт этнографии АН СССР). Думаю, что меня поддержат представители обеих сторон конфликта.....	55
Федоров Ю.М. (ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень). Этика Севера - интратеория "ямальского конфликта".....	57
Франц А.Б. (Институт философии УНИ, г.Свердловск). Вперед... к конфликту!	62
Харючи С.Н. (Президент ассоциации Ямал-потомкам). Мы были против варварского освоения, а не против самого освоения.....	64
Херсонский А. (Ж."Северные просторы", г.Салехард). Будущее - драматично!.....	65
Цибульский В.Р. (ИПОС СО АН СССР г.Тюмень). Последняя спичка.....	68
Чеурин Г.С. (НПО "ПОЛЯРЭКС", г.Свердловск). Ориентироваться на нравственные ценности этики Севера.....	69
Чудновский Г.Л. (МИНГ им.И.М.Губкина). Решение ямальской проблемы - через международного посредника...	72
Южаков А.А. (Ассоциация "Ямал - потомкам!") ... Когда "мигрант"... задумывается над судьбой родившихся здесь детей.....	73
Приложение. Артеев А.В. (Тюменский государственный университет). Кто разобьет кривое зеркало? (Ямальский конфликт глазами и языком его участников: социологический анализ средств массовой информации).....	75